

Новый исторический квест **ОТ АВТОРА «КОДА ДА ВИНЧИ»**

смена

СМЕНА

№1 / январь / 2010

Лавки чудес
**ГДЕ КУПИТЬ
ОРИГИНАЛЬНЫЕ
ПОДАРКИ**

Полезное и
бесполезное
**РЕЙТИНГ
ПРИЛОЖЕНИЙ
App Store**

Бумажные тигры –
не игрушки!
СДЕЛАЙ САМ

Ручная
работа

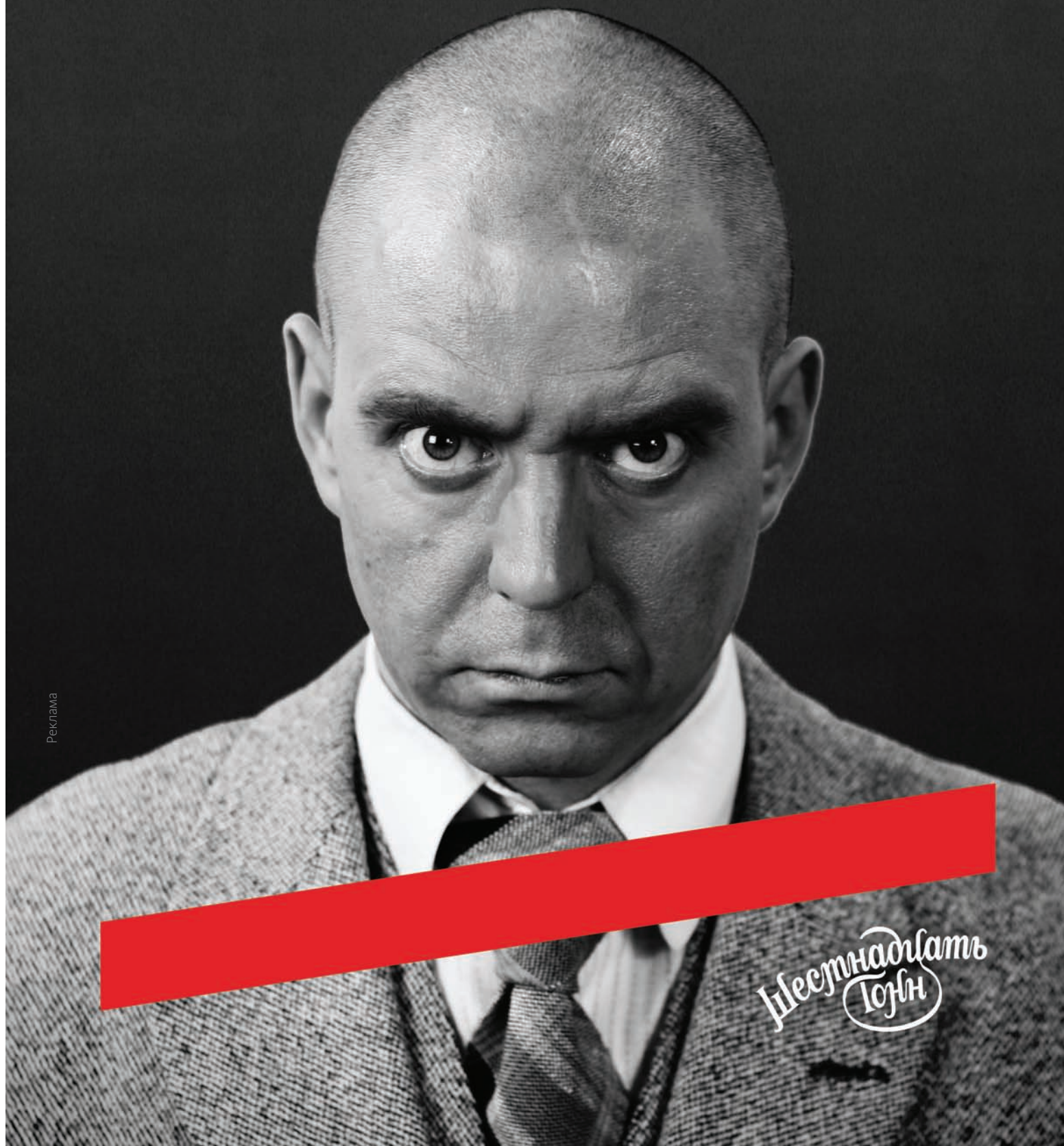

№1 январь 2010

ЛЯПИС ТРУБЕЦКОЙ

29 И 30 ЯНВАРЯ В КЛУБЕ «16 ТОНН»

Заказ билетов и столиков по телефону (495) 253-15-50 и на сайте www.16tons.ru.
Клуб «16 Тонн». Москва, ул. Пресненский Вал, д. 6, стр. 1.

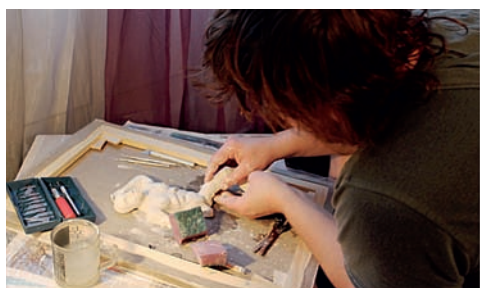

Реклама

Шестнадцать
Тонн

Содержание

№1.2010

Виктор Чапурин – сценарист и режиссер. По образованию – тренер. На досуге валяет из гипса и шьет из кожи. Создал модель для обложки «Смены» №1/2010

ТЕМА НОМЕРА

- 5 Своими руками. Почему в России снова полюбили ручной труд?
- 6 Самодельное мыло
- 8 Доспехи из шайбы
- 11 Кабриолет из «Жигулей»
- 12 Как сделать планер
- 14 Кожаные сумки
- 18 Часы из дерева
- 21 Лавки чудес
- 24 Свечное дело
- 26 Оригами. Сделай тигра!
- 29 Из бумаги и ленточек
- 30 Железная работа
- 34 От кольца до телефона

АФИША

- 36 HANDMADE – спектакли без слов
- 40 Паоло Джордано и его интимные отношения
- 42 Давление среды. Центр дизайна Artplay
- 44 Теодор Курентзис плетет руками заклинания, которые меняют мир

ТЕХНОЛОГИИ

- 50 «Карманная Монро». Самые полезные и самые бесполезные приложения из мира iPhone
- 52 Кого читать в русскоязычном Твиттере?
- 53 Сеть научит! Лучшие видеуроки ручной работы на русском

ХОББИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

- 54 Янтарное сокровище Гаскони
- 56 Фотопутешествие. Америка. Юго-Запад

ИСТОРИЯ

- 62 «Плач на огненном коне» Кузьмы Петрова-Водкина

ЛИТЕРАТУРА

- 66 Дэн Браун. «Утраченный символ»
- 68 Ивен Хантер. «Падший ангел»
- 76 Георгий Ландау. «Ёлка»
- 80 Иван Шмелев. «Рождество»
- 82 Анна и Сергей Литвиновы. «Святки – 1840»
- 88 Стивен Ван Дайн. «Маска смерти»

IKRA

КЛУБ | КАФЕ | БАР

778 56 51

Казакова, 8а
ikraclub.ru

7 ЯНВАРЯ

АЛИНА ОРЛОВА

Реклама

Орден
Знак
почета
1965

СМЕНА

Издается с января 1924 года

№ 1 (1743) январь 2010

Главный редактор
Михаил Кизилев
Шеф-редактор
Надежда Панченко
Редактор отдела
Тамара Чичина
Корреспонденты
Анна Шеркунова,
Светлана Подорванова
Арт-директор
Анастасия Григорьева
Бильд-редактор
Тимур Аникин
Дизайн и верстка
Александр Мананков

Использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, Istockphoto,
Dreamstime
Reuters, Photoxpress
ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Дмитрий Мережко
Зам. генерального
директора
Елисей Долгих
e-mail: evd@smena-online.ru

Менеджер по распростра-
нению
Мария Яркина
e-mail: sales@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37

Менеджер по партнерским
программам
Кристина Бурякова
e-mail: k.buryakova@smena-
online.ru
тел. (495) 612-15-07, (499)
257-31-37

Главный бухгалтер
Надежда Молчанова
Офис-менеджер
Людмила Калинина

Редакция: 127994, Москва,
ГСП-4, ул. Правды, 24, стр. 4
тел. (495) 612-15-07, факс
(499) 257-13-78

Отпечатано ООО «Первый
полиграфический
комбинат»:

143405, Московская обл.,
Красногорский р-н, п/о
Красногорск-5, Ильинское
ш., 4-й км
Тираж – 55000 экз.
Зак. №92494

Учредитель –
ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Журнал зарегистриро-
ван в Комитете Россий-
ской Федерации по печати
(Рег. № 014832)
www.smena-online.ru

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединенный»
88998
каталог «Почта России»
99406

Подписка в Интернете:
www.mega-press.ru
© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

ParaType

Разработка дизайн-макета
Алексей Шелепов,
Александр Жуков

Обложка: **Виктор Чапурин,**
«Студия Чапа»
Фото **Анастасия Григорьева**

ЧИТАТЕЛЮ

Мой друг Николай Винниченко в 1979 году попросил прислать журналы «Катера и яхты», поскольку задумал он спроектировать и построить... яхту!

Родственники и коллеги по работе крутили пальцами у виска, но я, хорошо зная своего друга с четырехлетнего возраста, отнесся к поручению серьезно. Не прошло и... пяти лет, как в одном из дворов Краснодара появилось чудо с красивейшими обводами. Яхта класса полутонник – девять метров длиной и три шириной. Из металла. Теперь крутили у виска и те, кто имел отношение к парусным видам спорта. Дескать, «чудак» варит корпус из металла, а весь мир уже давно перешел на пластик – быстро, дешево и надежно.

Однако когда яхта стала бороздить Кубанское море, на зависть всем гостям и членам краснодарского яхт-клуба, вдруг выяснилось, что металлический корпус – это современно и гораздо круче.

С тех пор я нет-нет да и задаю Николаю вопрос: почему и с чего вдруг яхта? Именно тогда, когда фалы отыскивали с помощью военных моряков, а парус пришлось шить самому, когда оснастку и оборудование можно было найти только бывшие в употреблении у профессиональных спортсменов? Зачем ему такая головная боль? Действительно, зачем?

Почему очень многие люди и в наше время стремятся сделать что-то своими руками и совсем не ради денег?

«Смена» пытается ответить на этот вопрос. Быть может, кто-то из вас, уважаемые читатели, знает на него ответ. В таком случае, поделитесь с нами.

А на все мои «почему и зачем» Николай шутя отмахивался: «Делать было нечего». И только месяц назад почти серьезно ответил: «Хочу пройти всю Волгу!»

Михаил Кизилев

Ушел из жизни Анатолий Борисович Стуков,

главный художник журнала «Смена», а позже – главный художник «Огонька». Он был талантливым мастером своего дела: «Смену» любили не только за отличные очерки, репортажи и, главное, фоторепортажи, непременно дополняющие (а часто и в разы улучшающие) журналистские тексты, но только Толя знал, как разложить по полосам тексты, фотографии и, кстати, рисунки – художники в журнале работали отменные. Казалось бы, он ничего особенного и не делал: в его кабинете

постоянно толпились коллеги, хвалились журналистскими подвигами где-нибудь на Чукотке, в Приморье или Средней Азии, фотографии трясли не попавшими в номер отпечатками, травилась анекдоты, и Толя принимал во всем этом живое участие, лишь иногда на минутку-другую отвлекаясь на макет текущего номера... И номер выходил вовремя, и был он сделан безукоризненно. Он умел быть везде и всюду – сразу, он все успевал, он знал беды и радости каждого из нас, а мы с охотой валили на него свои малые и большие проблемы, и он умел легко и безболезненно разрешить их, а, точнее, убедить любого в том, что и проблемы – решаемы, и беды поправимы, и жизнь по-прежнему прекрасна, чего заморачиваться по дурному поводу, если хороших – известно чем ешь. Оптимистом он был. Хотя... Кто его знает, может, и у него в жизни,

в которую он далеко не всех впускал, что-то случалось, не складывалось – не ведаю о том. Он был другом – всем, скорой помощью – каждому, а аргумент-то у него на все про все имелся один: делай дело, старик, это главное... Он был постарше нас, но кто это замечал? Он просто был нашим товарищем и содельником в отличном деле – журналистике высокого класса. А то, что все мы, наглые и себялюбивые, легко признавали его мэтром – так это не он хотел, этого мы сами и хотели, и так было. Говоря совсем кратко: его все любили и при этом, что не всегда случается, все его уважали. А теперь – осталась память о нем. В каждом из нас. Вряд ли она сотрется, пока живы те, кто знал и любил его. Вечная память тебе, Анатолий Борисович! Прости, если что было не так...
«Сменовцы» 60-х и 70-х

Своими руками

Текст
Анна
Шеркунова

Надежда
Панченко

Елена
Федотова

Светлана
Гуркина

Почему в России снова полюбили ручной труд?

Раздраженная продавщица тыкает пальцем в объявление на витрине: «Бисмарка нет!» За кризисный год продажи партворков (сборных моделей) в России увеличились в несколько раз. Агрессивный рост продолжается и сейчас: женщины скупают схемы вязания и бижутерии, мужчины охотятся за авто- и авиамоделями. Одним из самых популярных партворков стал «Линкор Бисмарк». В социальных сетях организуют группы, где обмениваются опытом по сборке корабля, вывешивают отсканированные схемы, перепродают не пригодившиеся номера, жалуется на исходники и результат.

Те, кто считает, что заготовки сковывают фантазию и не развивают навыки, отправляются на курсы hand made – учатся собственными руками делать кувшины, картонные коробочки, игрушки, кожаные ремни и свечи. «Год назад у нас занимались максимум пять человек в месяц, сейчас – не менее десяти», – рассказывает Галина Рязанова, директор клуба «Волшебное касание», в котором проводят мастер-классы по изготовлению косметической продукции. – То есть с кризисом количество наших учеников увеличилось в два раза. Ведь у многих людей появилось больше свободного времени, и они могут потратить его на свои увлечения».

В ряде случаев увлечение становится основным источником заработка. Спрос на рабочую силу, по словам редактора сайта Rabota.ru Тараса Думчева, в кризис снизился неравномерно. Больше всего пострадали офисные сотрудники: по некоторым специальностям сайт зарегистрировал падение спроса до 80%. А количество вакансий среди тех, кто работает

руками, сократилось не более чем на 30%. «Специалистам банковского сектора, журналистам, пиарщикам, видеооператорам – профессионалам в сферах экономической надстройки – найти сейчас работу тяжело», – комментирует Леонид Беррес, начальник отдела информации московского Департамента труда и занятости населения. – Сегодня в первую очередь требуются строители-профессионалы: арматурщики, бетонщики, маляры и другие». Оно и понятно – без управленцев среднего звена страна в состоянии прожить, а вот без сантехников, дворников и плотников – вряд ли.

Вчерашние клерки учатся работать руками – из нужды, на всякий случай или... «Число людей, увлеченных ручным трудом, за последний год выросло в разы потому, что в обществе усилилась напряженность, – размышляет Дарья Джафарзаде, психолог. – А ручной труд – это лучший способ снятия напряженности. Он освобождает от лишних эмоций, состояний, порождающих внешний или внутренний конфликт, снижает агрессию, развивает толерантность. Он необходим для гармоничного развития личности: известны случаи, когда дети позже начинали говорить потому, что их родители не развивали с ними ручную моторику. Работа руками тесно связана с психикой. Если в обществе сокращается ручной труд, происходит деградация».

Мы не хотим делать выводов, которые касались бы всего общества. Мы вообще не стремимся делать никаких выводов. Нас интересуют отдельные человеческие истории – ведь у каждого есть свои мотивы и свой путь к ручному труду, который иногда становится смыслом жизни. ☐

Юлия Жарая – **ВЫБРАЛА ТВОРЧЕСТВО БЕЗ ЧЕРТЕЖЕЙ**

Варим мыло

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: г. Пушкин
ВОЗРАСТ: 29 лет
ОБРАЗОВАНИЕ:
конструктор одежды
ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО РАБОТЫ:
компания по производству мебели (шкафы-купе)

Зачем

«Когда я перестала работать (декретный отпуск – прим. ред.), у меня появилась потребность в какой-то деятельности. Конечно, желательной творческой. Потому что все, чем я занималась до этого профессионально, к творчеству почти не имело отношения. Первым моим мылом стало кастильское. Это было событие, наверное, сравнимое с рождением ребенка. Вот тогда я окончательно влюбилась в свое новое увлечение»

Ее глаза горят каким-то необычным светом. Она удивительная. И немного похожа на волшебницу, когда небрежно отбрасывает назад рыжие волосы и аккуратно извлекает из упаковки свои творения. И то, что она делает, действительно сродни колдовству. Юля варит мыло.

«Я раньше даже не знала, что мыло можно делать дома, и что я смогу понять, как оно делается», – говорит она. Несколько лет назад Юля случайно набрела на форум, где обсуждали изготовление мыла в домашних условиях... Сразу попыталась переработать детское и работала с мыльной основой. Но процесс показался слишком простым, и захотелось пойти дальше. А дальше – «мыло с нуля»*.

Юля – человек увлекающийся. И если раньше у нее появлялось хобби, то интерес проходил быстро. А мыловарение затянуло и не отпускает. «Иногда я смотрю на себя и не могу понять: откуда столько счастья? Но при варке мыла можно получить удовольствие не только от результата, а даже от того, как ты подбираешь и смешиваешь компоненты... как выливаешь мыло в формы. Это настоящее волшебство. Настолько завораживает, что первое время я никак не могла насладиться процессом и варила мыло каждый день. Все же мыловар – это, наверное, диагноз, – смеется над собой Юля. – Иногда, когда я занята каким-то другим делом, я невольно думаю о мыле. Придумываю рецепт. Представляю его: каким оно будет, каким цветом, с каким запахом и какими свойствами. А если я мыло уже сделала и оно застывает на подоконнике, мне ночью иногда не спится... Хочется увидеть результат. И утром я не сажусь за завтрак до тех пор, пока не порежу уже готовое мыло».

В мыловарении – большой простор для творчества. Здесь можно осваивать способы (холодный и горячий), резьбу по мылу, новые рецепты. (Только подумайте, каждый раз мыло – особенное, не похожее ни на один из уже имеющихся у вас

кусочков!) Каким бы замечательным ни получилось мыло, для Юли это не повод его повторить, она сравнивает мыловарение с живописью: «Художник же не может всю свою жизнь писать одну и ту же картину...»

Кстати, главное в производстве мыла, по словам Юли, не многолетний стаж, а количество изготовленного продукта. Поэтому опыт измеряется не годами,

Из чего

Цена хобби всегда зависит от того, сколько ты готов на него потратить.

Если компоненты покупать недорогие, то и цена вопроса снижается. Например, вместо чистого оливкового масла холодного отжима можно использовать масло дешевле. Или добавлять очищенный свиной жир. Его стоимость 19 рублей за 400 г. Мыло с такой добавкой – так называемый эконом-вариант.

Однако если задаться целью сделать себе хорошее мыло, отдавать 300 рублей за бутылку оливкового масла будет не жалко.

а килограммами. Еще, конечно, она уже могла бы написать книгу о мыле.... Но тогда само мыло будет варить некогда.

Юля с удовольствием открыла бы свой мыльный магазин, если бы у нее сейчас на это было время: «Пока у меня есть семейные планы, и я не смогла бы отдать магазину полностью. Мыловарение на этом этапе моего жизненного пути может быть только в качестве хобби. А разрываться на детей и любимое дело совсем не хочется. Ведь ни там, ни там меня не будет полностью.

Если совершенно посторонние люди просят меня продать мыло, я не продаю его дорого. Мне его даже не жалко. Потому что в процессе изготовления я уже получила удовольствие. Да, я возьму какие-то деньги, но лишь затем, чтобы окупились часть расходов, чтобы была

возможность купить новые компоненты. Но деньги в этом случае на мыле не делаются. Я совершенно не озабоченный материальными благами человек. Того, что у меня есть, мне вполне достаточно». ☺

Текст Светлана Гуркина,
s.gurkina@gmail.com
Фото Максим Жарый

>> Где освоить

Большинство сайтов предлагают купить уже готовое мыло, а не учат процессу. Попробовать постичь азы мыловарения можно здесь:

- www.magicaltouch.ru
- www.mama-mila.ru
- www.moikompas.ru/compas/soap_handmade
- www.myloko.ru

А также на различных ветках косметических форумов и в сообществах ЖЖ.

* «Мыло с нуля» – мыло, изготовленное из масел (в основном, растительных) и щелочи (NaOH).

Плюсы: считается максимально натуральным. Самое простое мыло с нуля – кастильское, изготовленное из оливкового масла. В нулевое мыло можно добавить любые компоненты: от перламутра до алантоина и козьего молока. **Минусы:** достаточно трудоемкий процесс изготовления. Не стоит забывать и про опасность работы со щелочью.

Константин Капустин – МАГИСТР СОБСТВЕННОГО ОРДЕНА

Оружейное дело

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: Москва
ВОЗРАСТ: 40 лет
ОБРАЗОВАНИЕ: музыкант
МЕСТО РАБОТЫ: тренажерный зал, тренер

Зачем

До начала 90-х Костя работал по профессии – писал аранжировки. Но потом появились компьютерные программы, и его работа потеряла смысл, а хобби вышло на передний план. Руки, создающие надежные доспехи, машинным трудом заменить невозможно.

Костя говорит, что ручная работа успокаивает нервы. А бои помогают сбросить стресс. После хорошего боя на мечах, по его словам, Костя похож на сытого удава – две недели точно не тянет на подвиги. Его вдохновляет, когда он видит сострадание в глазах женщин, поддержку или зависть в глазах мужчин; когда зрители испытывают острые ощущения. Бойцы, в свою очередь – удовольствие и радость. И это заставляет двигаться вперед.

«Malo mori quam foedari» – лучше умереть, чем опозориться, – гласит девиз Ордена. «Символика Ордена такова – желтый фон, на который наложен белый на красном крест. Желтый фон символизирует богатство, достаток Ордена. Необязательно материальный. Красный крест – цвет храбрости, готовности пролить кровь за веру. А на него наложен белый – символ чистоты намерений», – Костя, основатель Ордена, объясняет мне значение его герба.

Им легко залюбоваться – уверенный в себе, колоритный. Сказала бы «маскулинный», – не уверена, что поймут. Мужественный – не совсем то. Взгляд из-под грозного шлема, косая сажень в плечах, покрытых кольчугой, которую он сплел своими руками – начинаешь понимать, почему именно Костю, постановщика боевых сцен, каскадера и бойца на тяжелом клинковом оружии, пригласили работать в проект «Волкодав». Не одного, с его командой.

Он пристально глядится в фотоаппарат, старательно снимающего меч, вздыхает. «Знаете, почему у нашего Ордена нет сайта? Потому что тут же идеи украдут другие!

Помню, один свой костюм: сделал такие характерные висюльки на рукавах. Стоило выступить в ней – тут же дизайнерский элемент стали использовать другие бойцы. Раньше рыцарь тоже стремился выделиться с помощью оружия и доспехов. Но это же творческий процесс, разве можно красть идеи, нужно свою голову включать».

Костя говорит, что в Москве сотни клубов исторической реконструкции. Правда, далеко не все из них заслуживают его уважения – «наплодилось вывесок, а меча в руках держать не умеют».

Сам он увлекается военной историей с детства: техникой боя на мечах, историей оружия и доспехов.

Свой первый меч Костя купил лет пятнадцать назад. «Внешне он был эстетичным, а только сделай удар – сломается», – комментирует любитель старинного оружия. Но, как в рассказе Тэффи, «воротничок попросил кофточку» – и мужчина загорелся желанием купить шлем. Хороший шлем стоил свыше 5000 долларов, серьезные деньги. «Однажды, под Новый год, я зашел в магазин – так, слюни попускать. И увидел

За «свою голову» Костюм сотоварищи и ценят. Орден часто приглашают музыкальные коллективы – для создания романтической атмосферы на сцене. От «Арии» до Димы Маликова

отличный шлем, который продавали за дешево – долларов за триста. Когда я ехал за деньгами (такой суммы все равно не было с собой), то очень боялся, что шлем меня не дождет. Казалось, что он всей Москве нужен так же, как и мне».

А вот кольчугу всегда тянуло сплести самому. И он это сделал. Из шайбы Гровер – металлических колец, купил килограмм 15 или 17 на Каширке, на рынке, и принялся за работу. Всего получилось около 50 000 колец. На то, чтобы закончить работу, потребовалось девять месяцев. «Зрение сажаешь на этом здорово, – поясняет Константин. – Да и физически нелегко».

В следующий раз мастер взялся за более монументальный труд – кольчугу из 150 000 колец. Он объясняет, что, чем меньше размер кольца, тем больше потребуется деталей и тем прочнее будет защита. Эту кольчугу Костя плел два года, по пять часов каждый день. Получилась не просто железная рубашка – кольца были двух цветов, черные и желтые, вдобавок по подолу шел греческий узор. «Если нет усидчивости, ты не долетишь кольчугу, – объясняет умелец, – ошибешься».

Поиск материала занимает много времени – приходится искать на дальних рынках, в Интернете, заказывать на заводах, через «дядю Васю». Сырье подбирают не абы какое. «Материалы используем редкие, дорогие. Например, титановый порошок. И в резке он тяжелый, зато соединения получаются прочные. Чтобы научиться хорошо делать кольчугу из титановых колец, мне потребовалось пять лет. Я, вообще, человек основательный. Кольчугу из 20 000 колец другие люди за три недели делают, а я за 3 месяца. Зато мои кольчуги можно одевать на голое тело, не поцарапаешься».

Костя говорит, что у него есть свои секреты плетения. Визуально «фишки» не заметны, но помогают убрать до 1–1,5 кг. А каждый лишний килограмм, как известно, влияет на подвижность бойца. Кольца мастер обрабатывает специальным раствором, для прочности. Помимо кольчуг, делает чертежи для шлемов, мечи и пряжки – собирает материалы, изучает технические характеристики, рассчитывает параметры, создает дизайн, дает задание тому, кто будет помогать в изготовлении. «Люди, которые понимают тебя, могут реализовать твои замыслы – очень ценны, – утверждает Константин. – Ведь один в поле не воин».

Костя старается выдерживать и основные критерии покроя, принятые в ту или иную эпоху. Хотя, конечно же, воспроизвести процесс досконально не получится. Например, шлемов из нержавеющей стали в Средневековье не

делали. Однако это не значит, что мастер от нее откажется: «Я ее использую, потому что она прочная. Хорошая стилизация, а не дошная реконструкция – вот мой принцип».

Производство и так довольно кустарное – дома, на коленке. Что-то делает знакомый умелец, что-то приходится изготавливать самому. «Самое главное – разобраться. Надо глубоко знать свою тему. Ведь даже специфика боя зависит от одежды. В разные эпохи разное снаряжение диктует свою форму боя». Если нет литературы, приходится додумывать. Костя вспоминает, как шил кожаный шлем – взял чепрак и медвежью шубу, доводил до ума три месяца. Он с товарищами сам обтягивает щиты кожей и тканью – и круглые, и треугольные, и миндалевидные. Обувь, по словам умельца, тоже приходится шить дома.

Он не претендует на историчность. «Некоторые члены клубов исторической реконструкции цепляются за свою лень – вот, мол, кольчуга должна быть ржавая, это подчеркивает ее аутентичность. Ржавыми доспехи могут быть только тогда, когда их археологи нашли! Но не в другой ситуации. В рыцарские времена люди холили и лелеяли кольчуги, потому что они были редкие и спасали жизнь! Мы с товарищами стараемся свои доспехи лишней раз руками не трогать, если нужно – лучше в перчатках, бережем».

Орден называется «Virtus credo», т.е. истинная вера, вера в то дело, которым мы занимаемся, – объясняет он. – Искусство боя постигается с годами тренировок. Обо мне говорят, что у меня есть своя школа. Такой ярлык ко многому обязывает». ☐

Евгений Тарасов

ВРАЧ-ПСИХОТЕРАПЕВТ:

– Очень многое зависит от темперамента человека. Одно дело человек флегматичный. Другое дело, – когда у человека взрывной темперамент. Важно – организованный или неорганизованный человек, усидчивый или нет. В общем, сможет ли человек увлечь работа руками – это определяется комплексом факторов. Если он выбирает себе основную деятельность, это помогут профессиональные тесты. Ручной труд полезен, если он не несет сверхнагрузки на организм. Но самое главное – это настрой. Если работа приносит удовлетворение, то она положительно сказывается на человеке.

Текст Надежда Панченко,

nadypan@gmail.com

Фото Павел Сазонов

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: Москва
ВОЗРАСТ: 31 год
ОБРАЗОВАНИЕ: ветеринар
МЕСТО РАБОТЫ: центр
по продаже автозапчастей

Александр Марупов – АВТОР САМОДЕЛЬНОГО LOTUS SEVEN

Свой путь

Я вырос в гаражах. Мой отец – инструктор по вождению. Я сел за руль в 12 лет, а в 18 сдал на права. Сейчас я работаю в магазине автозапчастей для американских автомобилей. А эту машину сделал себе сам, за 2,5 года. Сначала увидел ее фотографию. Загорелся. Достал чертежи, купил обычную трубу на обычном строительном рынке. Из нее на заводе металлоконструкций мне сварили кузов. А достраивал уже сам, на даче.

Всю зарплату тратил на запчасти, даже в отпуск не ездил, и каждый выходной проводил за сборкой. Процесс создания авто затягивает так, что не думаешь больше ни о чем. Это одержимость – в хорошем смысле слова.

Сначала отец говорил: «Ты занимаешься фигней». А когда понял, что я пойду до конца, стал помогать. Отец советовал подождать до теплых дней, но сил терпеть не было, и я завел машину в –25°. Когда услышал характерное рычание мотора, верещал от счастья. Это ни с чем не сравнится!

Я не собираюсь продавать мой Lotus. Ты в ответе за тех, кого приручил, – для меня эта фраза имеет значение. Именно поэтому я ушел с ветеринарной службы: клиенты слишком часто просили усыпить больного или ненужное животное. Заниматься

машинами куда интереснее, особенно – продвигать hand made в России, от нашего автопрома ожидать ничего не приходится, а иномарки слишком дорогие. Но легализовать мой Lotus Seven сложно. У меня есть нужные документы из Центрального научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института, но ГИБДД отказывает мне в регистрации. Можно подать в суд, но я надеюсь решить дело мирно.

У меня уже зреет план второго автомобиля. Скорее всего, это будет Shelby Cobra 1965 года. Думаю, что она сможет тягаться с Chevrolet Corvette, Porsche Boxster и прочими спортивными машинами. Я хочу делать кабриолеты, потому что они всегда привлекают внимание. Кабриолет – это свобода, на тебя не давит крыша, и когда ты вдыхаешь и обоняешь свободу, сидя в своем авто, именно от этого получаешь удовольствие. Конечно, в Москве больше надышишься выхлопными газами, чем свободой, но иногда даже по пробкам можно приятно выехать на Воробьевы горы – себя показать.

Я не такой, как все, я не хочу ездить на модных машинах, которых в городе – куда ни плюнь. У меня свой путь. И это не выпендрож. ☑

Из чего

Это реплика Lotus Seven. В ней установлен классический «жигулевский» двигатель – ВАЗ-2103, от этой же машины «новый англичанин» получил коробку, задний мост, тормозную и топливную системы, элементы передней подвески, а также приборы. Радиатор – от «Москвича» – 412, остальное все самоделка. Самодельные – передние и задние рычаги, рама, крылья и носовая часть, выпускная система. В электропроводку тоже внесено много изменений. На создание машины мечты было израсходовано 22 тыс. долларов. К настоящему моменту пробег составляет около 500 км

Текст Анна Шеркунова,
sherkunova@smena-online.ru

Фото Кирилл Лагутко

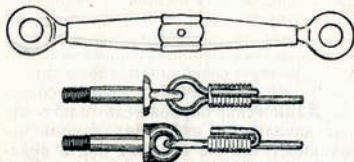
КАК САМИМ ПОСТРОИТЬ ПЛАНЕР.

(ОРГАНИЗАЦИЯ И ЗАДАЧИ ПЛАНЕРНЫХ КРУЖКОВ).

ИГРАДО, в переработке «Смены», чертежи по проекту С. АНТОНОВА.

УСТРОЙСТВО ЛОНЖЕРОНА.

ОН СТРОИТСЯ так: берут сухую сосновую доску без сучков, длиной 4,5 метра и толщиной в $1\frac{1}{2}$ —2 дюйма. Выпиливают из нее рейку, имеющую в сечении 20×25 миллим., склывая две ее плоскости для плотного прилегания нервюры, согласно вычерченного профиля. Две рейки кладут параллельно на пол в расстоянии 160 миллим. одна от другой ¹). К ним приклеивают фанерную обшивку толщиной в 2 миллим., выпиленную в виде решетчатой раскосной фермы, и затем приколачивают тонкими гвоздиками, длиной от 10—15 миллим. (черт. 4). После этого переворачивают лонжерон, приклеивают и прибивают решетчатую фанерку с другой стороны; таким образом, получают лонжерон коробчатого сечения, очень легкий и прочный. Рекомендуется заранее вставить деревянные распорки между рейками лонжерона одинаковой толщины с ним в местах крепления внутренних стоек крыла, а также все металлические бабки для проволочной растяжки (рис. 12), укрепляемые болтом, проходящим сквозь распорку. Проволока применяется толщиной

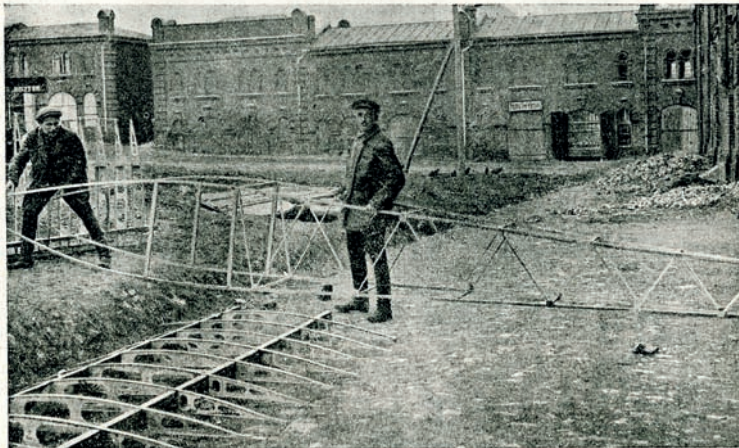
Простейший тип тандера, и способы соединения раскливающей проводки к тандеру.

в 1 миллим. Один конец лонжерона имеет деревянную ставку длиной до 300 миллим. Другими словами, часть сплошной доски вклеивается между рейками лонжерона и затем оковывается стальными листами, толщиной в 2 миллим. для крепления крыльев. (Рис. 14).

СБОРКА КРЫЛА. (Рис. 6).

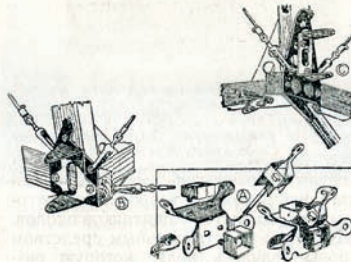
ИЗГОТОВИВ 4 лонжерона и весь комплект нервюры, приступают к сборке крыла. Для этого размещают лонжероны на козла и надевают на них нервюры в расстоянии 500 мм. одна от другой, приколачивая их гвоздиками к лонжеронам. Необходимо следить, чтобы нервюры плотно прилегали к лонжеронам и не давали «игры». Во избежание перекоса рекомендуется сделать станок для неподвижного положения лонжеронов в строго параллельном расстоянии друг от друга. После чего выставляют внутренние стойки лонжеронов, обычно прямо-

¹) Для данного типа планера, для других же высота лонжерона находится инженерным приемом расчета.

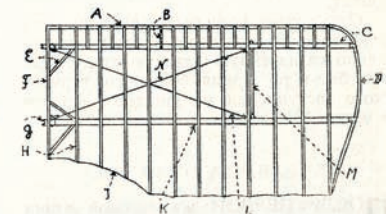

ВВЕРХУ (рис. 11): Крыло и недооконченный фюзеляж планера, делаемого Подольским планерным кружком. В СЕРЕДИНЕ (рис. 12): типовые алюминиевые бабки для угловых креплений: а и в — угловые бабки стоек фюзеляжа, с — обмотка крыла и стойки шасси. ВНИЗУ (рис. 13): устройство крыльев Подольского планера.

угольного или квадратного сечения рейки, размером 30×25 миллим. и длиной, равной расстоянию между лонжеронами. Натягивают проволочные кресты тандерами, соединяя их с проволокой посредством особых ушек (рис. 14). Если крыло, после натяжения внутренних проволок, перекашивается, следует поставить две коробчатые нервюры внутри крыла, провести добавочные параллельные кресты из проволоки и вставить распорки Е, как указано на рис. 15. «Ребро атаки» крыла или обшивается миллиметровой фанерой или укрепляется 2—4 рейками, толщиной 4×6 , идущими вдоль всего размаха крыла. Для большей жесткости

дается рычагом, который делается из тройных пластин трехмиллиметровой фанеры; для присоединения проволоки отверстие рычага оковывается медью или алюминиевой жестию. Натяжение элерона пере-

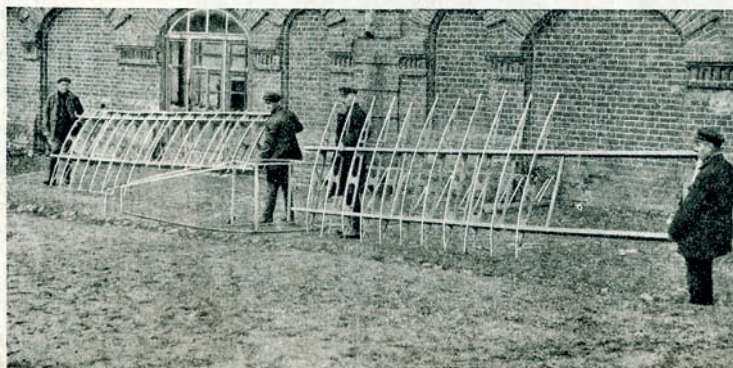

Крыло аэроплана в собранном виде (рис. 15): А—ребро атаки, В—промежуточное ребро обтекания, С—передний лонжерон, D—дуги закрутки, Е—угловая распорка, F—коробчатая нервюра, G—место присоединения к фюзеляжу, H—нервюра, I—ребро схода, L—внутренняя расчалка из стальной проволоки, M—распорная труба.

дается посредством троссов или рояльной проволоки, диаметром в $1\frac{1}{2}$ миллиметра, идущей внутри крыла через ролики к управлению летчика. Рациональнее устраивать жесткие тяги из тонких труб или металлических стержней вместо троссов и проволоки, идущих к элеронам.

УСТРОЙСТВО ФЮЗЕЛЯЖА.

ФЮЗЕЛЯЖ или корпус планера укрепляет крылья, рули, шасси, а также служит помещением для летчика. Его каркас состоит из двух горизонтальных прямых сосновых реек (лонжеронов 25×30 мм.) и такого же измерения двух нижних, слегка изогнутой формы для обтекания. Эти четыре рейки соединены вертикальными рамами, рассчитанными внутри ми-

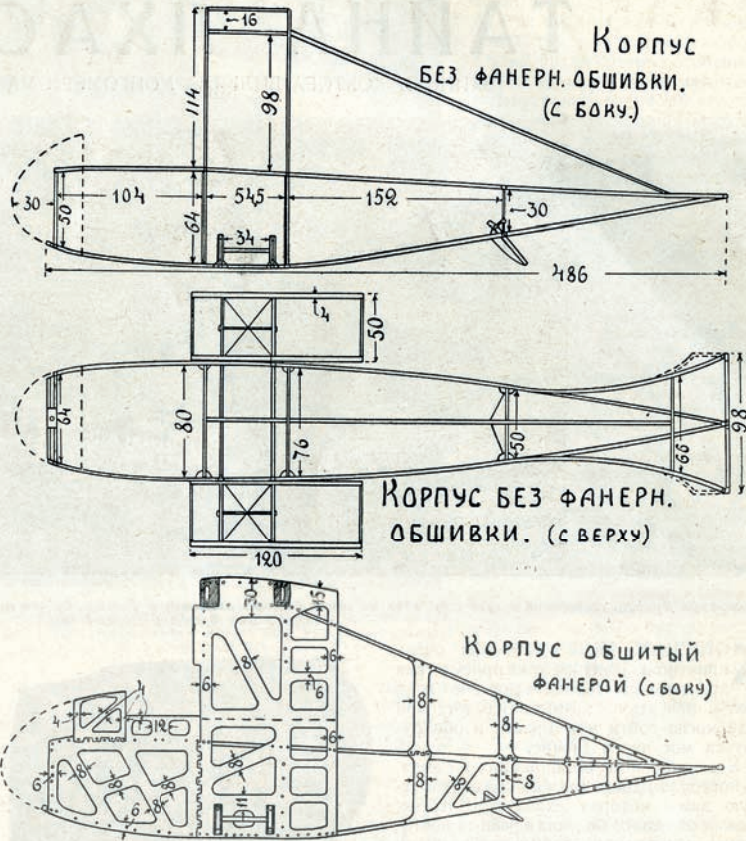
лиметровой проволокой и тандерами (рис. 14). От заднего конца фюзеляжа к центральной части идет брус-рейка (20 × 25 мм.), служащая, главным образом, для сообщения обтекаемой формы корпуса. Она образует заостренное ребро—киль, содействующий устойчивости прямолинейного полета. Центральная часть фюзеляжа состоит из четырех наклонных стоек прямоугольного сечения, размером 30 × 30 мм., обшитых фанерными листами. Верхняя узловая часть, называемая кабаном, имеет устройство, изображенное на черт. 9, и служит для крепления крыльев. Металлические ушки лонжеронов крыла двигаются в прорез кабана и укрепляются шарнирно двумя пятимиллиметровыми болтами. В современных планерах центральная часть имеет простое устройство: из четырех коротких стоек, крепящихся к верхним лонжеронам фюзеляжа при посредстве металлических башмаков, растяннутых проволокой, а фюзеляж имеет четырехугольную форму, постепенно заостряющуюся к концу. Узловые связи по углам деревянных рам делаются из алюминиевой жести и растягиваются проволокой, идущей по диагонали.

Пол центральной части корпуса, где сидит летчик, обшит фанерными листами; кроме того, он имеет выступающую маленькую плоскость с той же дужкой, что и основная несущая поверхность. В ней скрыты оси шасси для уменьшения вредного (лобового) сопротивления, ухудшающего летные качества планера; колеса выступают на концах. В современных зарубежных планерах эта добавочная плоскость не исполняется, а шасси для простоты делается либо просто из деревянных полозьев, либо крепится к корпусу так же, как у самолета. В некоторых типах планера шасси прячется внутрь фюзеляжа; колеса же зажимаются футбольными мячами, как у знаменитого немецкого планера "Вампир", летавшего в 1922 году непрерывно 3 ч. 10 мин. Ось шасси планера крепится к корпусу особой толстой резиной из нескольких витков (назв. амортизатором). Назначение ее—поглощать толчки при посадке и подеме, расшатывающие крепления крыльев и корпуса.

ПОДКОСЫ.

СПРАВА И СЛЕВА крылья планера крепятся особыми стойками, так наз. подкосами. Сечение черт. 8 ясно показывает устройство подкоса. К основной деревянной стойке, длиной в 1 метр, закругленной с передней стороны для лучшего обтекания, с боков пришивается металлическая часть из жести (алюминиевой). Конец подкоса имеет металлическую из стальных листов оковку, проходящую через железный поперечный стержень в крыле. Однако, подобные крепления нужно признавать мало-рациональными, в виду гибкости стержня; лучше сделать четыре подобных подкоса с той и другой стороны, крепя их к лонжеронам крыльев и добавочной нижней плоскости непосредственно. Вся конструкция от этого, несомненно, выиграет в прочности и жесткости всего устройства.

(Окончание в след. №).

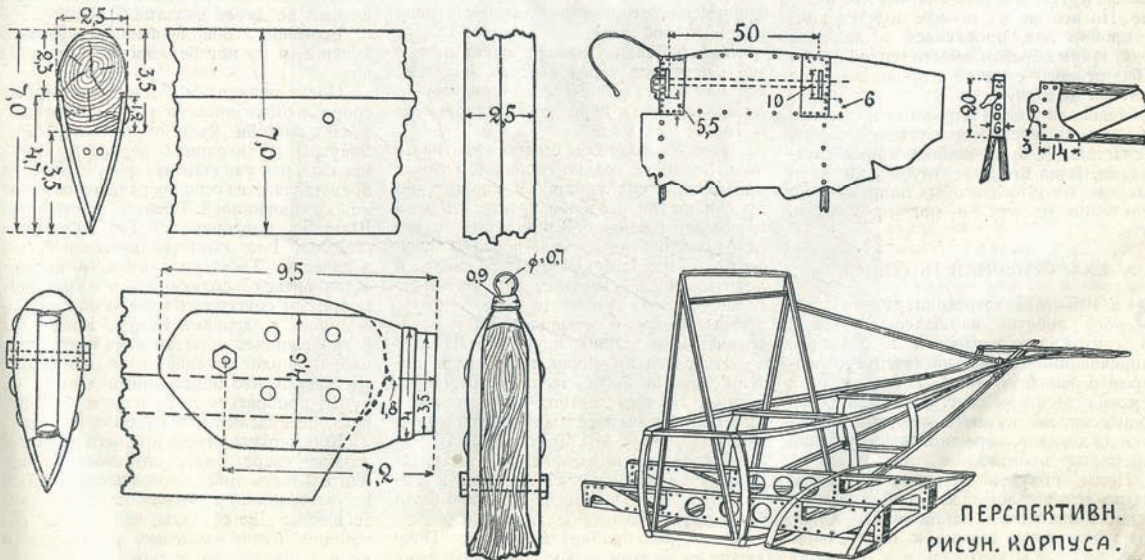

ВВЕРХУ (черт. 7): конструктивные чертежи фюзеляжа.

СЛЕВА ВНИЗУ (черт. 8): детали и устройства подкоса.

СПРАВА ВВЕРХУ (черт. 9): Кабан планера «способ крепления крыла металлической обшивкой и болтом».

СПРАВА ВНИЗУ (рис. 16): перспективный вид фюзеляжа до обшивки его фанерой.

Шаров – ремесленник **РАБОТАЕТ НА ШАРОВА-ДИЗАЙНЕРА**

Шьет сумки

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: Москва
ВОЗРАСТ: 34 года
ОБРАЗОВАНИЕ: факультет прикладного искусства Текстильного университета
РАБОТА: собственная мастерская

Из путешествий разные люди привозят разное: кто-то – ракушку, кто-то – кожаный барабан, кто-то – диковинные украшения. Максим Шаров из своих многочисленных поездок привозит новые рецепты. Особенно он любит супы, типа тайского, на кокосовом молоке. А вот свекольный крем-суп придумал сам. В общем, он мог бы стать поваром. Но выбрал путь кожаных дел мастера.

Максиму всегда было интересно рабо-

тать руками – рисовать, лепить из глины. Он говорит, что это увлекает его, успокаивает и наполняет. Семнадцать лет назад он нашел материал, который полюбил и научился делать из него то, что не могут другие. Это – натуральная кожа.

Шаров вырос гопником, в городе Железнодорожном, СССР. «Все было одинаковым: от сапог до школьных тетрадок, – вспоминает Максим. – Смотреть по телевизору –

нечего. Смотришь по сторонам – скучно. Проявлять индивидуальность – нет возможности. Неоткуда даже было взять что-то необычное».

Среда на какое-то время захватила Максима: как все, ходил на карате, носил короткую стрижку, грозное выражение на лице и нунчаки в кармане. Его привлекал культ физической силы. «Я потом только понял, что это скучно – ведь гопники развиваются только физически», – вспоминает дизайнер.

Шаров стал интересоваться музыкой, субкультурами панков, металлистов, хиппи. Среди них оказалось немало людей, которые делали фенечки своими руками – сплетали сложные орнаменты из бисера, мулине. Захотелось и Максиму.

Началось, как он рассказывает, с кожи – фенечек в индийском стиле, которые он раздаривал знакомым. А некоторые даже сбывал через художественный салон на Остоженке. Чуть позже освоил гравировку по коже, кельтские орнаменты. Увлечение захватило Максима так, что он отправился заниматься в кружок кожаного мастерства. Крупный молодой человек тихо сопел рядом с другими учениками – тетеньками в возрасте – пытаюсь повторить за преподавателем технику производства заколочек или брошей. На удивление «товарок», мастерил рокерские браслеты с металлической фурнитурой.

«Когда волна нового подхватывает тебя, в голове роятся идеи, образы, возникает жажда деятельности, руки так и просятся в дело», – вспоминает Шаров.

Основной работой пошив изделий из кожи стал не сразу: Максим сменил множество профессий: мыл полы, работал сборщиком замков для сейфов и гаражей, ставил кнопки на рубашки, продавал жалюзи на окна. Разрабатывал наружную рекламу и торговые знаки. Но, осознав, что больше всего на свете хочет мастерить из кожи, отправился учиться.

Вообще-то, изучал сапожное дело, а не технику пошива сумок. Сумки научился делать самостоятельно, и именно они стали его всепоглощающей любовью.

Идти куда-то на производство выпускник Текстильного университета не захотел.

К тому же, начался кризис 1998 года, и он понял, что устроиться будет сложно. И ослабился. Однокурсники, попавшие на фабрики, считали его лузером. А кожаных дел мастер продолжал искать себя.

Одно время работал в паре с известным ныне Денисом Симачёвым – тот тоже только вставал на ноги, искал себя. Но Максим быстро понял, что Симачёв двигается в собственном направлении и осуществляет только то, что хочет сам. «А мне не интересно работать в рамках чьей-то концепции, хочется самому определять границы», – объясняет Максим.

Но к модели «Шаров-ремесленник работает на Шарова-дизайнера» пришел далеко не сразу. Попробовал создавать коллекции в небольшой русской фирме, которая занималась производством спортивных сумок – рисовал, подбирал материал, делал дизайн, а другие люди создавали лекала. Наскучило быстро. Потом попробовал руководить производством – повышать качество китайского фейка. Разумеется, в самом Китае.

Прожил там два месяца и понял, что никакая сумма денег не компенсирует ему возможности самореализации. Вернулся.

Создал свою собственную фабрику – арендовал помещение под производство, открыл шоу-рум, набрал изрядное количество персонала. Дизайнер подсчитал, что чистая прибыль была примерно равна сегодняшней, но душевный комфорт отсутствовал напрочь.

Теперь он трудится один. Редко-редко приглашает помощника. Проще сделать что-то самому, чем объяснить другому, как это сделать. Максиму хорошо, когда он один. Бубнит телевизор или радио, в комнате с темно-зелеными стенами на турниках качаются свежеделанные сумки, а Шаров орудует шилом и дратвой.

«Мне не лень работать руками, не тяжело, – объясняет Максим. – Я крестьянский сын. Хоть мой папа и ученый, но родился он в деревне. На каникулы я ездил туда, видел настоящий сельский быт, окунался в него полностью. Я умею ворошить сено», – уверяет Шаров, поблескивая очками.

Каждый месяц он создает около десяти сумок. Чаще всего, трудится над ними па-

раллельно. Максим любит, когда сумка об­ладает функциональностью и легко может принять другую форму. Среди его творений – обычная «маечка», только кожаная, бельевой мешок, мяч для регби... За всю свою жизнь он сшил несколько сотен сумок. В «партии» – максимум пара экземпляров. Шаров не хочет создавать коллекции на год, ставить производство на поток. Он сравнивает свою работу с живописью – невозможно написать картины впрок, тща­тельно продумать, куда и какой краской по­ложить мазок.

Шорник стремится к «умеренно-подпольной деятельности» – без массовых продаж и шоу-рума с большой вывеской – после большой вывески начинается «надо». Потому что иначе пропадут клиенты, по­меркнет слава, оскудеет ручеек прибыли. «Лучше опираться на любовь и душевный комфорт. Моя мастерская состоит из трех комнат. В одной я работаю, во второй – шоу-рум, в третьей – склад».

Максим говорит, что он такой не один: в Москве есть другие шорники-одиночки – Женя Лифшиц, компания из трех человек под названием Love Corporation. «Все они увлечены своим делом. Для дизайнеров это очень хорошо. Нужно всегда, чтобы идея

была», – одобрительно отзывается Шаров.

Шаров делает также ранцы, чехлы для мобильных, ремни, портфели. Их легко узнать по выразительной выделке кожи.

Началось с сумки, которая не подошла заказчице, и тогда Максим вещь изуродовал: намочил, связал, засунул в полиэтиленовый пакет. А через три недели она стала другой – изменила цвет и форму. Певица Линда вцепилась в сумку обеими руками и уходит из мастерской без этой вещи отка­залась наотрез.

Максим говорит, что раньше он брал «страшные отходы» – бросовый товар, и на­тирал их гуталином, чтобы они выглядели, как новые. Сейчас он покупает новые шку­ры и старит их: у Шарова выработался соб­ственный стиль. Он сшивает более толстую кожу вручную, для себя освоил ручную строчку. «Мои изобретения — это прорез­ные ручки на одной из моих сумок. Я при­думал для себя исполнение в форме «заги­бающегося кармана».

Шаров использует кожу отечественного производства, ибо она интереснее по фак­туре. Красит ее в ванной своей мастерской. Секрет прочих способов обработки кожи раскрывать не хочет. Первоначальные экс­перименты проводит на ватмане. И толь­

Зачем

У Шарова есть свой собствен­ный бренд, его сумки прода­ют в дорогих бутиках, сами вещи стоят недешево. Но для кожаных дел мастера ни день­ги, ни слава не являются само­целью. Главное – увлекатель­ное времяпрепровождение. В своей собственной работе Максим Шаров отталкивается от максимы «занимайся лю­бимым делом, тогда мир бу­дет меняться автоматически». «Только любимая работа дает ощущение полноты жизни», – говорит он, разминая очеред­ное свое творение.

И тут я понимаю, что даже если бы сумки Максима не по­купали, он бы все равно их делал.

Проще сделать что-то самому, чем объяснить другому, как это сделать. И Шаров трудит­ся один – только тогда, когда ему хочется. Никаких партне­ров по бизнесу, наемных ра­ботников или начальников. «Для меня первично мое соб­ственное одеяло и его бере­гаешь, чтобы оно было имен­но такой формы, каким я его себе представлял, – объясняет шорник. – И неважно, сколь­ко мое дело принесет денег. Я должен любить то, что я делаю».

>> Где увидеть сумки Шарова

- www.maximsharov.ru
- www.bagmaker.livejournal.com

ко потом кроит из кожи – ножом, которым обычно режут бумагу или линолеум, пробивает дырки. Максим утверждает, что дырок в своей жизни он сделал – примерно 77 200.

Помимо кожи, дизайнер использует также отечественный клей «Момент» и русскую фурнитуру, за которой совершает рейды на птичий рынок – карабины и заклепки для ошейников. Для декорирования своих творений Шаров использует паяльную лампу и бормашину.

Самый волнующий момент для творца – нанесение клейма. Все свои произведения Шаров узнает мгновенно даже спустя много лет. «До сих пор накрывают эмоции», – признается Шаров. Говорит, что интересно делать на века, чтобы вещь жила долго.

Максим отказывается приступать к заказу, если не видел клиента и не говорил с ним. «Люблю видеть тех людей, для которых делаю сумки. Это очень личный процесс. Многие возвращаются, чтобы поговорить, выпить чаю. Так получается дружба», – комментирует он. Называть «звездных» клиентов считает моветоном. Но для тех, кто часто пьет чай в маленькой шаровской студии, не секрет, что, к примеру, Гарик Сукачев покупает здесь ремни, а Дмитрий Быков – портфели.

Но клиентам, которые приходят к нему со своим эскизом, дизайнер отказывает: творчество – дело Мастера. Шаров всегда

импровизирует, ему плевать на клише, которыми пользуются другие дизайнеры, и на то, что так проще.

Он медленно орудует шилом, которым работал еще его прадед. Максим никуда не торопится. Совершенно никуда.

Шаров не любит делать резких движений. «Я неспешный: иногда мне нужно часа два, чтобы выйти из дома», – объясняет дизайнер. Он мечтает рисовать – чаще, чем сейчас. Но для этого нужно уметь организовывать себя.

Шаров – не умеет.

«Я даже купил себе книжечку по тайм-менеджменту, мне нужно научиться распределять свое время. Планировать свой день сейчас для меня тяжело: ребенок появился, собака», – вздыхает он и принимает за новый этап работы – сушит готовую сумку внушительным строительным феном. Фен шумит так, что я ничего не слышу.

«С его помощью еще хорошо горячие бутерброды делать, – на полном серьезе комментирует мастер, отключив фен. – Хочешь?»

В его собственной сумке, похожей на простой мешок из кожи, кроме бумаги и книг, лежит запас еды. Чтобы Шаров-ремесленник не помер от голода, пока работает на Шарова-дизайнера. ☑

Дарья Самородова,

ПСИХОЛОГ, АРТ-ТЕРАПЕВТ:

У взрослых людей через руки идет не только развитие интеллекта, но и осознание многих эмоций и чувств. Одна из самых эффективных методик в арт-терапии – это рисование пальцами с закрытыми глазами, когда человек живет ощущениями, слуховыми и тактильными. Методика помогает развивать восприятие.

Хобби, связанное с ручным трудом, приносит творческое удовольствие, помогает наладить внутреннюю связь между мыслями и чувствами. Но все-таки хорошо, когда это хобби, а не основная работа – результат постоянного, монотонного ручного труда может быть прямо противоположным.

Текст Александра Генрих,
genrich.alexandra@gmail.com
 Фото Андрей Абрамов

Тема номера

Зачем

Мастер говорит, что все свои часы делает ради удовольствия. Для того, чтобы это занятие стало главным, нет достаточного сбыта. Так что пока он создает деревянные часы в свободное от основной работы время. А иногда – и вместо нее. «Когда отец семейства в течение 2-3 месяцев сидит и занимается ерундой, которая не приносит денег, семья должна бить тревогу. Но мои домашние, – и жена, и дети – все относятся к моим увлечениям с пониманием и одобрением», – заверяет умелец.

За 15 лет ему удалось продать 8 часов. И не только ради денег – они совершенно небольшие. Андрей говорит, что когда несколько деревянных часов висят дома, у него притупляется энтузиазм. А вот когда часы разбирают – когда освобождается стенка, на которой они обычно висят, – вот тут сразу появляется творческий зуд, мастеру «хочется заполнить свободное пространство чем-то новеньким».

Андрей Мартынюк – ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА, КОТОРЫЙ ЗАНИМАЕТСЯ «ЕРУНДОЙ»

Часы из дерева

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ:
г. Дзержинск, Белоруссия
ВОЗРАСТ: 50 лет
ОБРАЗОВАНИЕ:
инженер электросвязи
ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО РАБОТЫ:
компания, производящая
лестницы для коттеджей

«Одно время у нас вечерами часто были перебои с электричеством. При свечках не считаешь, и я решил сделать граммофончик из дерева, чтобы хоть музыку можно было слушать, – рассказывает Андрей Мартынюк. – Крутишь ручку и слушаешь пластинку на 78 оборотов. При свечах».

Из дерева он делает также скрипки, электрогитары и часы.

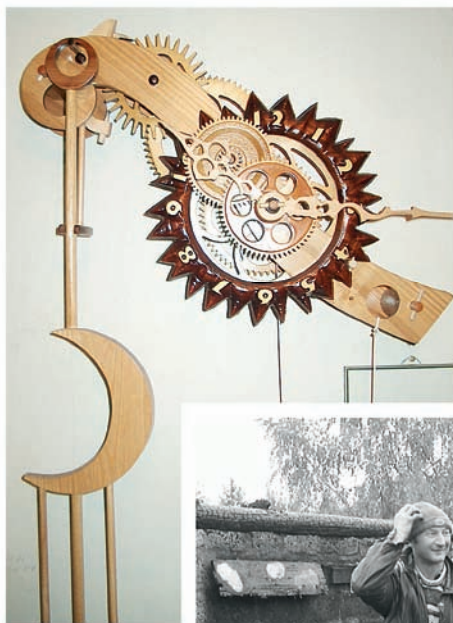
Из дерева – имеется в виду ПОЛНОСТЬЮ из дерева. Не только корпус, не только отдельные детали. А ВСЕ, включая все, самые хитрые и маленькие части.

Интерес к изобретениям зародился у Андрея вместе с просмотром диафильма, в котором рассказывалось о Кулибине. Учиться отправился в технический вуз, на факультет электросвязи, по стопам родителей. Правда, пространства для конструкторского творчества профессия не оставляла.

Возможно, руки до создания хитрых механизмов из дерева у Андрея в прямом смысле бы и не дошли, но случилась перестройка. Содержать семью на зарплату инженера стало невозможно, и он отправился работать в кооператив, который занимался деревянными интерьерными работами – отделкой кафе, ресторанов.

Позже удалось оборудовать свою мастерскую. Сам себе соорудил небольшой станочек ЧПУ с управлением от компьютера, с помощью которого можно быстро и качественно вырезать стрелки и цифры для часов, делать рельефы для дизайнерской обработки.

Первые часы мастер делал почти три года – руками ведь нужно было и на хлеб зарабатывать. Первая попытка сделать точную копию металлических часов не удалась. Андрей стал учиться – нашел книги о часах, стал ставить

Из чего

Реализация механических деталей в дереве – вопрос сложный. Например, очень сильно влияет влажность. После ряда экспериментов Андрей изобрел алгоритм: делает болванку из благородной древесины (дуб, ясень), затем по окружности пропиливает паз, в который вклеивает сегменты из твердой породы дерева, так, чтобы волокна сегментов были направлены вдоль зубца будущей шестеренки. Заготовку заранее разбивает на секторы по количеству шестеренок, чтобы склейки между сегментами попали в промежутки между будущими зубцами. Работа довольно кропотливая, требует усидчивости и упорства.

В некоторых моделях Андрей использует металлические концы валов, но чаще делает их из бамбука, чтобы не использовать детали из металла. Единственная проблема возникает с гирей, которая должна быть достаточно массивной, поэтому иногда мастер использует металлическую болванку, а чаще – делает деревянную кубышку, в которую закладывает пакет с раствором щебенки и цемента.

Музыкальные инструменты

Кроме часов Андрей делает электроскрипки и электрогитары. Сначала он попробовал несколько пород дерева. Когда понял, какое звучание дает каждая, сделал скрипку. Для образца взял фотографию инструмента фирмы Yamaha, но звук его не устроил. «Основным материалом был клен, и она получилась писклявенькая, много высоких тонов. Потом я сделал скрипку из красного дерева, только гриф кленовый, появилось больше низких тонов, звук стал более мягким, бархатным».

Андрей говорит, что очень любит музыку, но сам играть не может – плотничая, немного повредил пальцы левой руки. Но, приступая к работе, первым делом включает музыку. Жена Андрея преподает игру на скрипке. Для ее ансамбля мастер сделал пять электроскрипок, электровиолончель, бас-гитару, электрогитару, соло-гитару.

У семьи Мартынюков есть семейный ансамбль. «Мы даем концерты, ездим по школам, детским домам и в центр для детей-инвалидов, чтобы приобщить их к хорошей музыке, – рассказывает Андрей. – Чтобы знали, что кроме попсы, которую постоянно крутят по ящику, есть еще другая музыка. Наш репертуар – от Пресли, «Битлз», «Роллинг Стоунс» до современных групп».

>> Где увидеть

Персональная страничка мастера:
www.beozar.narod.ru

Текст Марина Шония,
marsh7@mail.ru

20 / **СМЕНА** / Январь 2010

эксперименты. Особенно проблематичной оказалась пропитка древесины. Методом проб и ошибок он «придумал» вакуумную пропитку. Позже оказалось, что ее используют уже давно. «Иногда не удается встретить нужную информацию в литературе, изобретаешь велосипед. А потом выясняется, что открытие это давно уже кто-то сделал», – комментирует умелец.

Зарубежные мастера, по его словам, делают часы только из березовой фанеры – финской, как ее называют у нас, или балтийской, как ее называют в Америке. Такая фанера уже пропитана заранее, с ней проще работать. Но белорусский искусник считает, что изделия из фанеры уступают по своему внешнему виду тем, что сделаны из цельного куска дерева – на дереве можно сделать резьбу, нанести рисунок.

В России и Украине Андрей знает несколько человек, которые занимаются деревянными часами. Знает и на Западе человек десять, кое с кем даже переписывается и обменивается опытом.

Белорусские друзья помогли ему создать часы с боем – из деревянных предметов сложно извлечь достаточно качественный звук, если не использовать струны, поэтому пришлось отлить несколько разных по размеру и звуку керамических колокольчиков.

Андрею нравится делать неодинаковые часы – с крючковым спуском, например. Или установить gross hupper – устройство с двумя подвижными рычагами, с виду напоминающий насекомое. Сейчас мастер озадачен запуском серии – импровизации на тему маятника. Например, чтобы два маятника параллельно колебались навстречу друг другу. Или сделать маятник горизонтальным. А еще Андрей мечтает водрузить башенные часы на собственном доме – большие часы с большими шестеренками, циферблат овальной формы примерно 2 м в ширину и 3,5 м в высоту.

В основном он делает настенные или напольные варианты часов. Большие. Ему интересно делать фундаментальные вещи, большие. «Карманные часы тоже можно сделать. Но хочется, чтобы было видно, как шестеренки двигаются, чтобы маятник был большим. Чтобы какая-то монументальность была в этом», – объясняет он. ☞

Где купить
вещи hand made

Лавки чудес

ОН у меня особенный, самый лучший на свете. Для того, чтобы принести ему на завтрак апельсинов, я готова отправиться на край света. Или еще дальше: на Измайловский рынок, например. Поэтому в поисках замечательного подарка для замечательного человека я могу поехать куда угодно, даже в Южное Бутово. Конечно, если там продается что-то особенное. Помимо Южного Бутова в этот раз подарки для любимого я искала и в пределах МКАД, в магазинах, специализирующихся на вещах ручной работы: потому что лучше подарка, сделанного своими руками может быть только подарок, сделанный руками другого человека.

Игрушки

Больше всего в магазинах хендмейда игрушек. Разного размера, цвета, техник исполнения, и... с разными запахами. Так, в «Министерстве подарков» были замечены вязаные коты цвета мокко, набитые кофейными зернами. Тех же кофейных котов можно встретить и в «Лаборатории сновидений». Думаю, неплохо бы продавались и другие животные, набитые кокосовой стружкой, барбарисовыми леденцами и шоколадом. Однако линейка вкусопахнувших шерстяных зверей пока не запущена.

Помимо красивых синих кроликов или белых ангелов из кружева, глины,

ваты и папье-маше, здесь можно купить и необычные «игрушки»: например, чебурашку с ушками-зеркалами («Министерство»), беременную медведицу («Акценты») или буратино из неотшлифованного полена («Новодел»). Любителей авангарда наверняка порадует «инсталляция» «Купание красного коня» («Лаборатория») – красный вязаный конь в банном махровом халате.

Товары для взрослых

Это не то, о чем вы подумали, а одежда, аксессуары, предметы интерьера и даже мебель. Например, в «Новоделе» есть кресло... из самой обычной картонной

Текст
Светлана
Гуркина,
s.gurkina@gmail.com

Валенки высокой проходимости, сваленные вручную, ожидают вас в «Галерейке». Расцветку всегда можно подобрать на свой вкус

Изделия «Бюро находок» использовать по назначению вряд ли получится. Хотя бы потому, что не всегда очевидно, для чего они созданы

» Некоторые ресурсы в Интернете, где можно купить вещи ручной работы

- www.hand-made-shop.ru
- www.tibetanmarket.ru
- www.handmade.moy.su (все подряд)
- www.cupprodesign.ru (кованые изделия)
- www.relaxmouse.ru (игрушки и подушки)
- www.handmade-online.ru (одежда, интерьер и бижутерия)
- www.yandanilov.com (открытки)

коробки. Подобный мебельный гарнитур, наверняка, отлично бы смотрелся не только под теплотрассой, но и в гостинной гринписовца.

Если икеевский креатив уже не доставляет удовольствия, то вам непременно надо купить здесь подушек в виде гамбургеров или настольную лампу. И лучше не одну. Например, классическую, обтянутую батиком или вышитой вручную тканью («Акценты»). И что-нибудь экстравагантное – например, светильник имитирующий указатель (например, указатель на выход – «Выход замуж – тоже выход») («Лаборатория сновидений»).

В таком же богатом ассортименте в магазинах с вещами ручной работы представлены часы: из дуршлагов, автомобильных дисков, разделочных досок, песка и полуразобранных будильников.

Самое необычное – солонки в виде бюста нынешнего премьер-министра («Новодел»). Цвета почти на любой вкус и к любому интерьеру. Особенно заинтересованные скупают солонки мелким оптом. Или тарелки. Остросюжетные:

украшенные инструкциями по мытью посуды и измерению параметров лица до и после приема пищи при помощи подручных средств.

В качестве одежды помимо смиренной рубашки (по size) я можно подыскать шарфы в виде змеи или длинного оранжевого кота, а также теплые тапочки («Министерство») или сотню-другую видов бус (Joki, «Акценты», «Галерейка»).

Волшебные вещи

В некоторых магазинах подарков можно купить совершенно волшебные изделия. Например, такие, как «корпоративных дух» или «запах денег». Объем, к сожалению, небольшой – всего 40 мл. Думаю, водителям стоило бы выпускать продукт для сильно обделенных в большем объеме. Хотя бы в пол-литровых бутылках. Все-таки «везение необыкновенное» или «эликсир вечного оптимизма» лучше принимать курсами («Лаборатория сновидений»)

Большой популярностью, как и в прошлом году (а вы говорите, что кризис кончился) пользуются антикризисные

На прилавках таких магазинов («Лаботория сновидений») всегда найдется то, что нужно именно тебе

салфетки и туалетная бумага. Купить их можно в «Лаботории», «Бюро находок» и «Министерстве».

В свободном доступе также появились куклы Вуду с табличками: в наличии «клиент», «менеджер» и «главбух» (я бы добавила еще «генерального директора», к примеру...). Комплект булавок прилагается («Министерство»).

Удивительные вещи ручной работы запаковывают обычно в специальные фирменные пакеты или обычную упаковочную бумагу, скрепляют степлером или прищепками или перевязывают лентами. В «Новоделе» специально для упаковки продаются пакеты, сделанные из старых газет. А в «Удаче» пошли еще дальше и запаковывают подарки в... обычные консервные банки. Нож придется покупать отдельно. И уже совсем в других магазинах.

Отдам в хорошие руки

В большинстве подобных магазинов «самodelки» стоят в одном ряду с вещами дизайнерскими, но промышленного

исполнения. Разбираться придется на месте.

За покупками сюда лучше приходить вечером, минуя час пик в метро и армию синеватых теней на тротуарах. Принести свои товары на комиссию (все упомянутые магазины принимают изделия от населения) удобнее всего в строго обозначенное для авторов время. Только прежде чем отдавать что-то, сделанное своими руками, постарайтесь реально оценить уровень вашего творчества. Работы, выполненные чуть лучше, чем в кружке «умелые ручки», вряд ли вызовут восхищение у кого-то еще, кроме ваших близких родственников.

И о самом главном: я, конечно, нашла подарок для любимого. Не уверена, что это именно то, о чем он мечтал всю свою жизнь, но он наверняка будет очень счастлив получить такую волшебную вещь (я, конечно, не скажу, что это). Потому что, уровень испытываемого счастья зависит не только от подарка, но и от того, кто его дарит. ☑

Магазины с креативными вещичками

- «АКЦЕНТЫ» www.akcenty.ru (немного пафосный интерьерный бутик)
- «ГАЛЕРЕЙКА» www.galereika.ru (войлочный магазин)
- JOKI www.jokijokishop.livejournal.com (хорош тем, что он один объединяет и известных дизайнеров и интернет-магазины hand made)
- «УДАЧА» www.udacha.su (магазин с «неудачным» названием, но очень богатым ассортиментом)

Неожиданные предметы быта находятся тут

- «НОВОДЕЛ» www.novodel.net
- «БЮРО НАХОДОК» www.buro-nahodok.ru
- «ЛАБОРАТОРИЯ СНОВИДЕНИЙ» www.magsnov.ru
- «МИНИСТЕРСТВО ПОДАРОКОВ» www.minpod.narod.ru

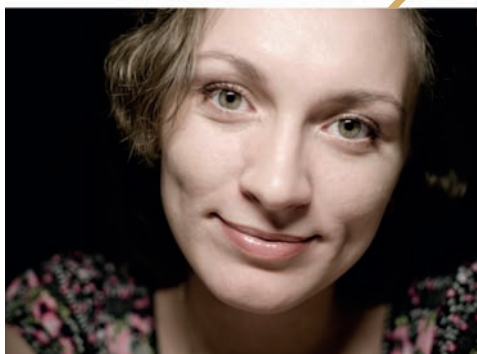
У последних трех магазинов некоторые авторы общи. Поэтому пугаться частичных совпадений не стоит.

На момент сдачи журнала в типографию должны были открыться еще два магазина. Один – www.nechegonadet.ru – с аксессуарами и одеждой, второй – www.lavka.abevega.ru – с марципановыми домиками, героями любимых сказок и... семенами репки.

Евгения Вдовина – ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И «ПОХИМИЧИТЬ»

Свечное дело

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: Москва
ВОЗРАСТ: 25 лет
ОБРАЗОВАНИЕ: филолог
РАБОТА: руководитель проектов event-агентства

Зачем

Для Жени свеча, как некий символ, содержит в себе массу интересных ассоциаций. Это и романтика-любовь и мистика-тайна, и домашнее тепло, и обжигающая страсть. Она говорит, что люди всегда считали огонь как добрым, так и демоническим. Евгении нравится сочетание в свече этих двух качеств – добра и зла, в этом есть что-то завораживающее. К тому же, свеча – это очень полезный и красивый элемент декора. Ее можно зажечь, когда хочется расслабиться, отдохнуть, огонь создает неповторимое ощущение тепла и уюта. Если свеча ароматическая, она может вызывать воспоминания.

«Чтобы получилась свеча с фотографией, я переносила фото на салфетку и припечатывала к воску горячей ложкой. Но выходило не очень», – Женья говорит о своем увлечении, не поднимая на меня глаз.

Она сосредоточена на нанесении замысловатого узора специальным ножиком на уже готовую свечку, которую сделала своими руками. Одно движение руки, другое, пара завершающих штрихов... Евгения ставит свечу на полку, отступает, окидывает работу критическим взглядом и продолжает: «А потом я нашла в магазине тоненькую клеящуюся пленку, на которой можно печатать фотографии. А еще выяснила, что фото лучше помещать на толстые свечи с одним фитилем. Они, как правило, прогорают внутрь, а изображение сохраняется».

О «тонкостях» изготовления свечек Евгения может разговаривать часами. Домашний свечной заводик появился у нее так давно – примерно год назад. Но Женья уже хорошо освоила это производство: ее свечки «живут» в домах многочисленных знакомых и родственников, друзей и соседей.

«Я еще в детстве любила что-то мастерить, – вспоминает она. – Только тогда не продавали вещей, которые облегчали бы творчество. Сейчас в какой магазин не зайти – глаза разбегаются, тут тебе и все для лепки и витражные краски. Это, с одной стороны, здорово, а с другой... так как в детстве я была лишена готовых материалов,

приходилось до многого доходить самой. Это очень развивает фантазию».

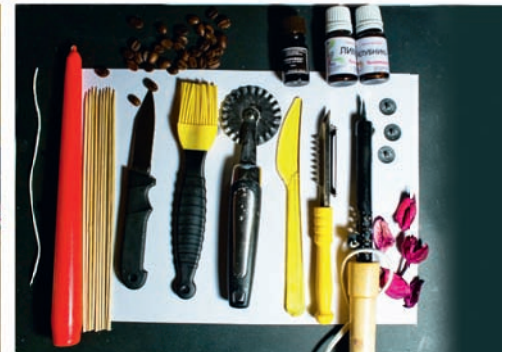
И сейчас у Евгении частенько возникает желание сделать что-то собственными руками – то открытку, то елочную игрушку, то упаковку для подарка... Она объясняет такое стремление просто – творческому человеку свойственно искать хобби и пробовать что-то новое. «Чего я только уже не перепробовала – и вышивала, и украшения делала, и технику декупажа освоила, – рассказывает она. – Последними были свечи, а в будущем планирую попробовать мыловарение. Да и, наверное, характер такой – когда вижу что-то интересное, сразу задаю себе вопрос: «А смогу ли я повторить?» – и тут начинается маленькое приключение».

Свечное дело, по мнению Жени – для людей, которые любят похимичить. Она считает, что в нем есть, где развернуться фантазии – когда освоишь технику, можно экспериментировать не только с материалами, но и с формой, цветом, запахами, да и с техническими моментами. Например, для себя Женья выяснила, что мелкие детали и украшения (бусинки, цветки) удобно закреплять паяльником. Увидела, что к «магазинным» свечкам ленточками привязывают палочки бамбука или корицы, начала делать свечи с... перьями, которые позаимствовала у одного знакомого попугайчика. Больше всего сейчас мастерицу беспокоит такой вопрос: как сделать свечи, покрытые сусальным золотом. Пока сусальное золото

Из чего

Что касается материалов, то начинающим я бы не советовала тратить на покупку специальных инструментов, вдруг не понравится: можно сходить в магазин бытовой химии, купить однотонные

не сгорает вместе со свечей, а начинает коптить и сморщиваться. Евгения ставит эксперименты, чтобы добиться нужного результата. Это – спортивный интерес: если цель поставлена, она должна быть достигнута.

Девушка говорит, что вдохновить может не только спортивный интерес. В основном она делает свечи в подарок. «Под конкретного человека». «Перед тем как начать, всегда стараюсь продумать, какой запах нравится этому человеку, какие у него любимые цвета, – рассуждает Евгения. – Если вдруг просят сделать свечку для незнакомого человека, стараюсь предварительно пообщаться, дабы не попасть впросак. Если заказчик мужчина, свеча, скорее всего, будет квадратная с запахом кофе, шоколада, корицы или классических цитрусовых».

Производство в промышленных масштабах Женю пугает. Во-первых, это процесс творческий и обычно растягивается

на несколько дней. Например, когда делаешь разноцветную полосатую свечу, приходится ждать, пока застынет воск одного цвета, перед тем, как залить другой. В холодильник тоже не поставишь – от резкой перемены температур поверхность может сморщиться...

На вопрос, как относятся близкие к ее свечному хобби, Женя пожимает плечами: ее домочадцы – полноправные участники процесса, она советуется с ними, просит помощи, в общем, привлекает к делу. Вернее, к увлечению – Евгения сомневается в том, что смогла бы сделать свечное дело своей работой – это все же для души... «Боюсь, мой свечной бизнес моментально бы прогорел, возмись я за него серьезно, – резюмирует она. – Найдется человек, способный взять на себя финансовую часть, тогда подумаю. А пока – да здравствует ничем не обремененное творчество!»

свечи рублей за пятнадцать и переплавить. Фитиль из них же извлечь. Если не найдете свечи любимых цветов, можно применить правила, известные со школы: смешайте синий и желтый воск – и получится зеленый.

Правда, посуду для переплавки воска (кастрюлька для водной бани) и ножи лучше сразу отдельные выделить, а вот формы можно не покупать – достаточно срезать верхушку у пивной или другой жестяной банки. Те, кто втянулся в свечное производство, могут сделать покупки в Интернет-магазинах: сто грамм неокрашенного парафина стоит 60 рублей, формочка – 100, а фитиль – около 10 рублей.

Гелевые свечи обойдутся начинающим мастерам дороже: сто грамм геля стоят 150 рублей, к тому же, придется купить стеклянный стаканчик и декоративные элементы. Зато человеческих и временных затрат они требуют меньше: достаточно на дно стаканчика высыпать ракушку, уложить порезанный гель и поставить на паровую баню.

>> Где освоить свечное дело

- www.vsehobby.ru/svechi_ruchnoj_raboty.html
- www.candles.org.ua
- www.vidumshiki.ru

Текст Елена Федотова,
epistolarij@rambler.ru
Фото Кирилл Лагутко

Новогодний подарок
своими руками

Сделай тигра

Искусство сложения бумажных фигурок появилось в Японии в VIII веке. Сначала оригами делали только представители аристократических кругов. Простой люд был лишен такой возможности – слишком дорогой тогда была бумага.

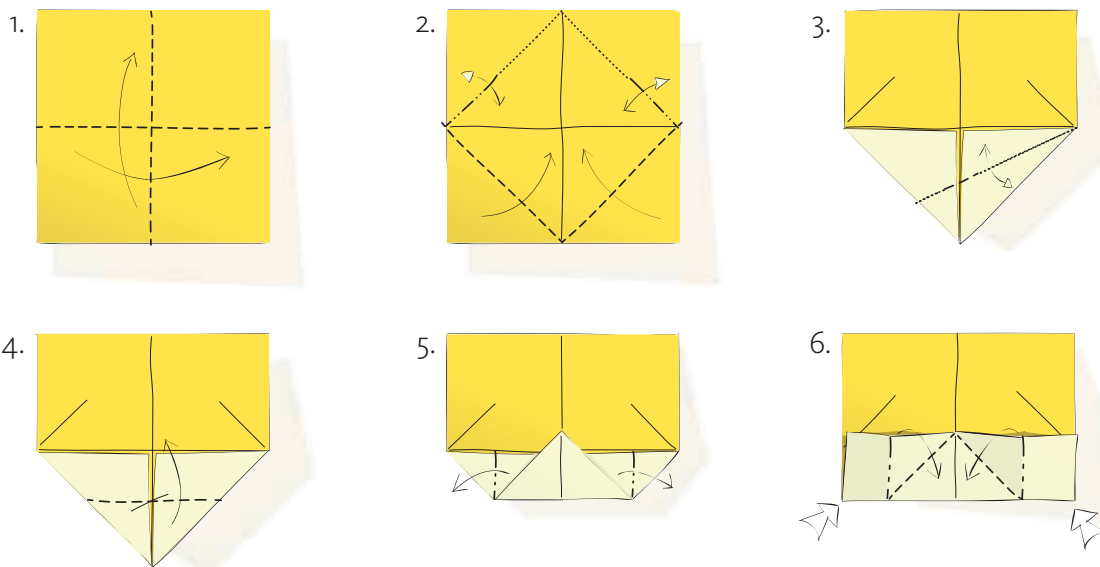
В XVI веке оригами обрело всеобщую популярность. Японцы украшали оригами свои дома, а также дарили их друг другу на праздники. По легенде, такой подарок обязательно приносил удачу.

Синтоистские монахи использовали оригами в своих религиозных обрядах. Например, отгоняли злых духов метелкой, сложенной из бумажных листов, а также сворачивали из бумаги амулеты и коробочки, в которые клали приношения духам.

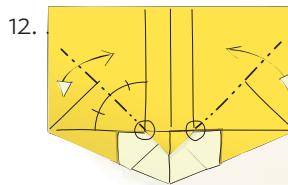
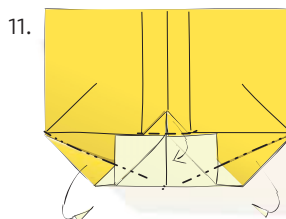
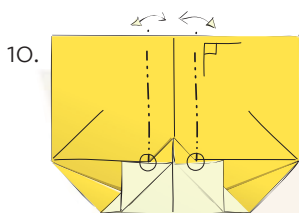
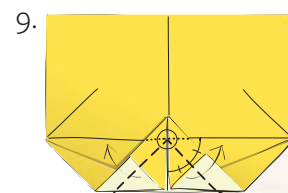
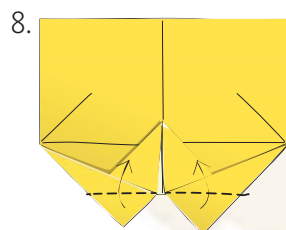
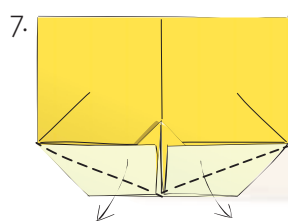
Всемирную известность оригами обрело благодаря мастеру Акире Йосидаве. Именно он популяризировал этот вид искусства, создав условные обозначения к чертежам, благодаря которым стало проще «строить» фигурки. Именно с его именем связывают появление авторских оригами.

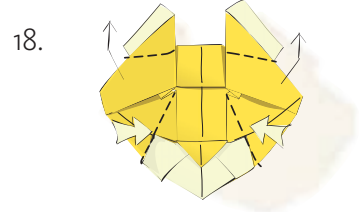
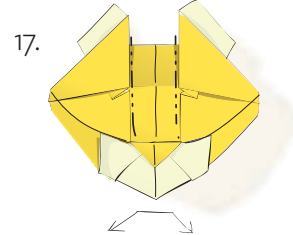
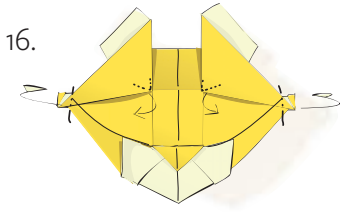
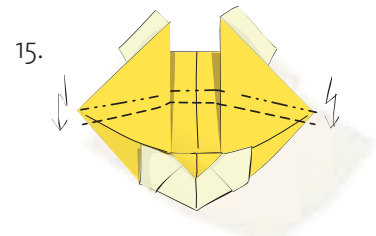
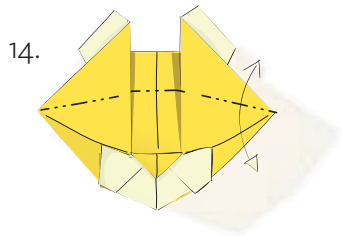
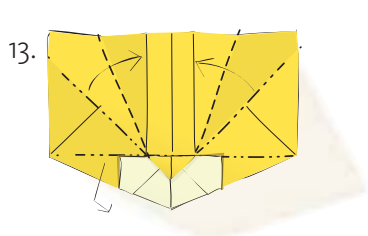
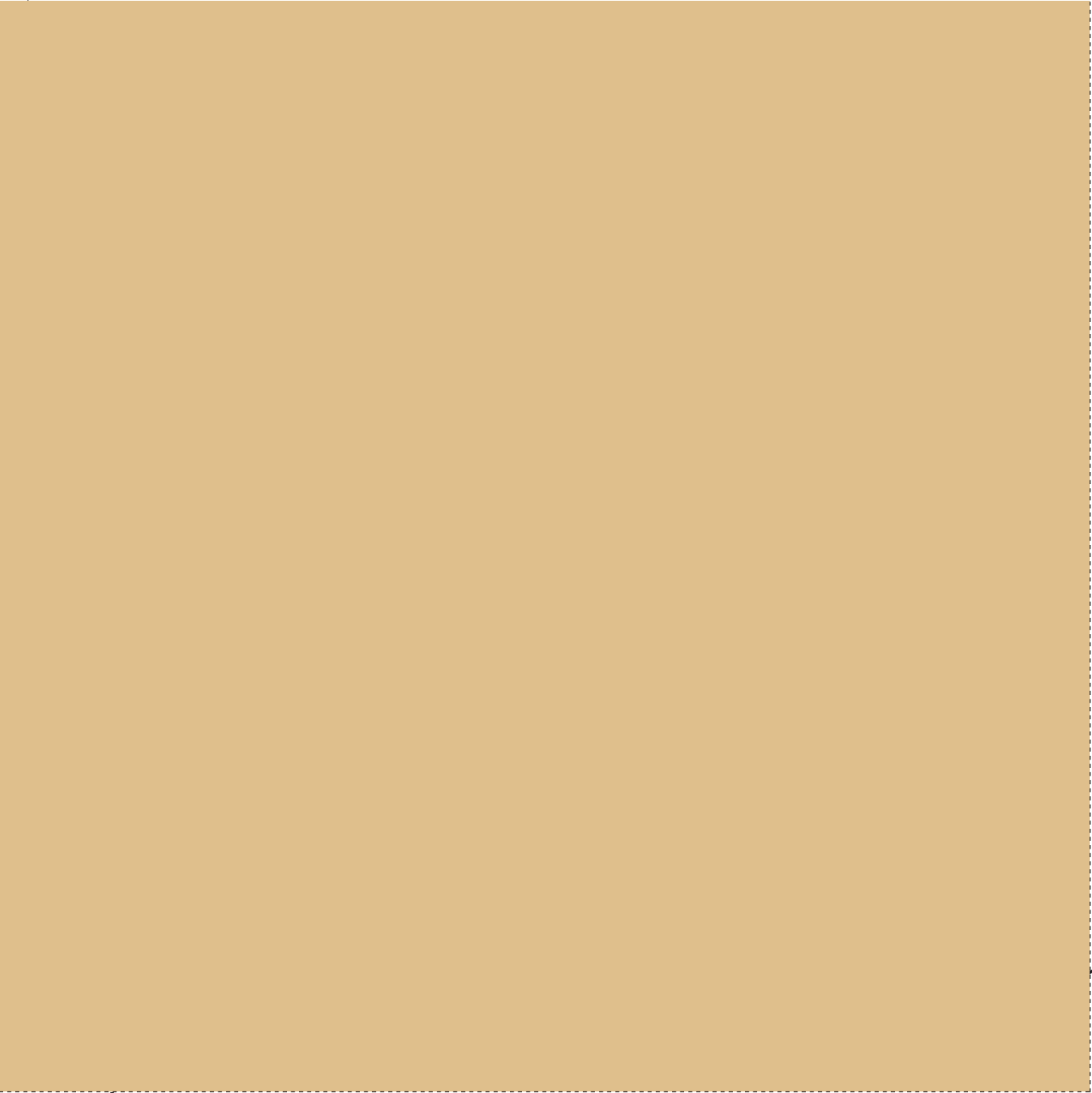
Оригами можно складывать из ткани и даже металлических листов. А российский дизайнер Наталья Пономарева придумала чайные пакетики, сложенные по принципу оригами.

Фигурка из бумаги – дорогой подарок. Именно потому, что дарящий делает его своими руками, с самыми добрыми намерениями. Это не так уж сложно – попробуйте! ☑

Как сложить тигра. Нужно вырезать лист бумаги (см. стр. 27) и следовать пошаговой схеме. Пунктирная линия («долина») означает, что загиб делается к себе, пунктир-точка («гора») – от себя. Стрелки обозначают, в какую сторону должен быть загиб. Большие стрелки (как на рисунке 6 и 8) означают, что лист нужно развернуть по стрелкам. Стрелки, как на рисунке 15, – вам нужно сложить лист гармошкой. Полукруг с линиями (рисунк 12) обозначает равнозначные углы или отрезки.

Текст Елена Федотова,
epistolarij@rambler.ru
Фото Кирилл Лагутко

Марина Степанищева – «ЗАМУЖЕМ» ЗА САМОДЕЛЬНЫМИ ОТКРЫТКАМИ

Из бумаги и ленточек

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: Москва, переехала из Казани
ВОЗРАСТ: 23 года
ОБРАЗОВАНИЕ: инженер по энергообеспечению предприятий, экономист-менеджер
МЕСТО РАБОТЫ: ВНИИМ, отдел ТВЭЛ инновации

Зачем

Марина хотела научиться скрапбукингу, чтобы сделать приглашения на собственную свадьбу, но не успела. Поэтому пригласительные были «магазинными». Сейчас она заполнила дом коробочками и папками с бумагой. Муж не против – главное, чтобы Марина была счастлива, а она счастлива, когда занимается скрапбукингом.

» Где освоить

- www.artugolok.ru
- www.scrappama.ru
- www.memuaris.ru
- www.scrap-info.ru
- www.scraboo.ru

Марина – инженер. Ее размеренная работа, как правило, всегда позволяет предположить, каким будет результат труда. Свою страсть к неожиданным открытиям девушка реализует, создавая самодельные вещи из бумаги – альбомы, коробочки, открытки. «Случайно иначе срежешь или порвешь бумагу – и вид уже другой. Поэтому каждая работа руками для меня – открытие чего-то нового», – говорит она.

Скрапбукинг (от англ. scrap – вырезка и book – книга) – занятие, которое подразумевает создание не только фотоальбомов, но и оригинальное оформление блокнотов, открыток своими руками. Марина говорит, что можно обойтись малым, то есть цветной бумагой, какими-нибудь ленточками, пуговками и картинками из старых детских записок. Чтобы делать по-настоящему интересные работы, нужны специальные материалы. Допустим, дизайнерская бумага (она более высокой плотности), без которой не обходится ни одна открытка, стоит от 25 до 200 рублей. Самая большая статья затрат – инструменты. Например, фигурный дырокол может стоить от 300 до 2000

рублей. «Клей я стараюсь покупать хороший, чтобы держал и при этом аромат был приятный, – открытка должна быть оригинальна не только визуально, но привлекательна на запах и ощупь», – объясняет мастерица.

На каждую новую работу Марину вдохновляет тот, для кого это делается. «Важно понять, что за человек и что он любит, чтобы вещь сразу ему показалась родной, – объясняет девушка. – Именно такие – родные – предметы хочется хранить годами и передавать из поколения в поколение».

Марина говорит, что не хотела бы превращать свое увлечение в работу. «Мне приятнее делать это именно в нерабочее время, когда есть вдохновение, – размышляет она. – Редкий человек ходит на работу с удовольствием: на работе у тебя есть обязанности, делаешь, «потому что надо». С открытками иначе. Именно это и приносит удовольствие. Марина убеждена: если бы хобби стало работой, появилась бы «норма выработки» – определенное количество открыток в день. Независимо от настроения. И удовольствие от работы прошло бы. ☹

Ярослав Иванов –
**СОЗДАЕТ ЭМОЦИИ
У НАКОВАЛЬНИ**

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ: Москва
ВОЗРАСТ: 30 лет
ОБРАЗОВАНИЕ: факультет
художественного металла
ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО РАБОТЫ:
дизайн-бюро

Железная работа

Зачем

«Мне всегда было интересно работать руками. И работать с металлом тоже было интересно, ведь это очень сложный материал. Возможно, это попытка таким вот необычным образом выразить себя. Кто-то вышивает, кто-то строит дома, кто-то рисует картины, и я тоже создаю то, что делает мир красивее»

Ярослав родился в творческой семье. Отец был художником, а брат – скульптором. И выбор профессии и цели в жизни, казалось, был вполне предопределен. Да и желание открыть свою кузнечную мастерскую у Ярослава возникло еще во время учебной практики. Но жизнь закружилась, хотелось попробовать силы в других областях: вдруг появится шанс реализовать себя в чем-то еще. «До того, как появилась своя кузнечная мастерская, я работал художником-мультипликатором, разрабатывал дизайн компьютерных игр и пробовал себя в сфере дизайна интерьеров, – говорит Ярослав. – Но было ощущение, что я делаю немного не то. Я не чувствовал удовлетворения от своей работы. Может, потому, что не всегда мог видеть и ощущать ее результат. Поэтому возникло желание что-то делать руками. И самому воплощать свои идеи».

Несмотря на профессиональное образование, для Ярослава работа с металлом сначала была лишь увлечением. Но кузнечное дело не может быть хобби. Это трудно потянуть и по деньгам, и физически.

Да и не каждый имеет возможность завести отдельное помещение под мастерскую. И не у каждого есть силы после рабочего дня (у кого-то нет такой силы в принципе) идти стучать пусть даже килограммовым молотом по наковальне (вес молота зависит от выполняемой работы и варьируется от одного до восьми килограммов).

«Поэтому в данном случае нужно либо хобби делать прибыльным, либо вкладывать в него те деньги, что у тебя есть, – рассказывает Ярослав. – Но это очень небольшие деньги. Поэтому я решил заняться кузнечным делом серьезно. И моя мастерская (Творческая группа «Железный камень» – прим. ред.) теперь работает на заказ. Мне сначала было странно и страшно заниматься этим профессионально. И даже сейчас, когда технологически процесс работы с металлом стал проще, и накоплены немалые знания в этой области, назвать себя профессионалом почти невозможно.

Да, это приносит некоторый доход, но удовлетворение приходит не тогда, когда я получаю за работу деньги. Ведь если бы я хотел просто заработать денег, я бы,

» **Получить специальное образование**

можно в Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова www.mghpu.ru, в Томском политехническом университете www.tpu.ru или в Камской государственной инженерно-экономической академии www.kampi.ru. В крайнем случае, всегда есть возможность пойти к кузнецу в подмастерья. Выучиться художественной ковке через Интернет не получится. Почитать про ковку и литье можно здесь – www.ostmetal.info. Посмотреть работы мастера – www.metallstone.ru.

Текст Светлана Гуркина,
s.gurkina@gmail.com

Фото Павел Сазонов

32 / **СМЕНА** / Январь 2010

наверное, торговал водкой. Или занимался еще чем-нибудь очень прибыльным. Как и любому творческому человеку, мне хочется признания гораздо больше денег. Пусть моя фамилия не будет известна, достаточно знать, что люди моей работой восхищаются. Это самое важное, ведь мы создаем эмоции и среду обитания».

Кузнец умеет делать все: от крючка до лестничных маршей. Главное – чтобы металл был подходящим. А дальше все зависит от вдохновения: «Меня вдохновляет желание создать нечто такое, чего еще никто не делал. Бывает, что видишь чужую работу и понимаешь, что мог бы сделать во много раз лучше или оригинальнее, или проще и дешевле с точки зрения материалов, например. В голову сразу же приходит невероятное множество идей, которые просто невозможно оставить в стороне и не воплотить в жизнь. Работа с металлом – это в некотором роде романтика. Металл – на удивление

пластичный материал. Если не мыслить о нем, как о чем-то статичном, можно делать невероятные, объемные и фактурные вещи».

В кузнечном деле до сих пор возможны новации. Часто бывает так, что при воплощении очередного проекта процесс вдруг останавливается из-за того, что известные на тот момент способы обработки или отделки по каким-то причинам невозможны или не подходят, не вписываются в концепцию эскиза. Тогда приходится обращаться к литературе, специалистам или даже изобретать решение на ходу: «Мы начинаем придумывать, искать, консультироваться со знающими людьми, которые занимаются кузнечным делом уже десятки лет. Информации много, просто не все ее используют. Придумывать что-то новое приходится практически каждую неделю. И в дизайне, и в обработке и изготовлении». ☐

Алексей Корнилов, ВРАЧ-ПСИХИАТР ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ №6, АССИСТЕНТ КАФЕДРЫ ПСИХИАТРИИ И МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ГОУ ВПО РГМУ РОСЗДРАВА:

В современной психиатрии и психотерапии немалая роль отводится трудотерапии, арт-терапии. Различные хобби, связанные с работой руками, способствуют снятию стрессов, решению внутренних проблем и конфликтов. Но если это труд однообразный, хоть и ручной, то полезным назвать его нельзя. Более того, длительный, выполняемый десятилетиями, монотонный труд может приводить к функциональным изменениям в организме, которыми занимается отдельная отрасль медицины – медицина профессиональных болезней.

Галина Осадчая, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР:

– Профессий, связанных с ручным трудом, которые бы требовали хорошего, глубокого образования и приносили бы немалый доход, практически нет. Раньше в ПТУ – на столяров, краснодеревщиков и прочих – учились только те, кто не мог поступить в вуз. А сейчас, я думаю, учиться на профессию «рабочий» и смысла-то нет. Потому что люди могут прийти на рабочее место без обучения, их с удовольствием возьмут. Многие процессы автоматизированы.

Большое значение имеет и заработная плата – она редко бывает высокой у людей, работающих руками.

Николай Бугров **ПОЗНАЕТ МИР ЧЕРЕЗ ВЕЩИ**

От кольца до телефона

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ:
Нижний Новгород
ВОЗРАСТ: 27 лет
ОБРАЗОВАНИЕ: инженер
(двигатели внутреннего
сгорания)
РАБОТА: рекламное агентство

Зачем

Ощущения для него – важнее всего прочего. После трехчасовой кропотливой и очень грязной работы с драгметаллами, сталью, алюминием, латунью и деревом (в составе которого есть дубильные, очень едкие вещества) руки невозможно отмыть – кожа окрашивается намертво. Но в этом-то, по мнению Николая, все заключается: «Главное – это познание окружающего мира. Работа руками доставляет мне безумное удовольствие: занимаясь только интеллектуальной деятельностью, невозможно в полной мере ощутить прелесть создания чего-либо».

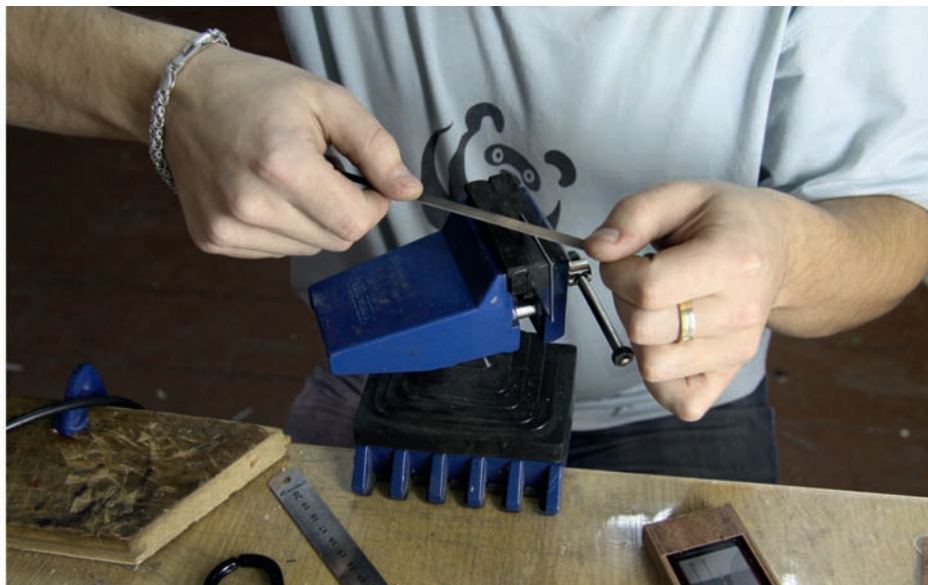
...«Я могу сделать своими руками все, что угодно. Поэтому и за работу берусь разную, – рассказывает мастер. – Среди «моих» вещей: серебряный кулон-улитка, кожаная визитница, флешки в виде черепахи из редкого дерева «пурпурное сердце», нарды из разных ценных пород дерева, награда для музыкальной премии рок-фестиваля в виде характерной «козы»... Но Николай не претендует на уникальность дизайна и иногда адаптирует чужие идеи.

Каждый раз он берется за новую работу, стараясь не решать те задачи, которые уже были выполнены. Сделал однажды мягкую игрушку, познал новое производство, освоил нужные технологии – пора переходить к следующей, совсем иной работе. При этом – при этой-то разовости – для него важно приблизить свою работу по результату к вещам, которые изготовлены промышленным, а не кустарным способом. Николай

» Персональная страница мастера

www.rukiizho.blogspot.com

Из чего

считает, что это стремление быть ближе к производству и отличает его и от «чистого хэндмэйдера», и от «чистого художника».

Свое увлечение мастер определяет как процесс перехода хобби в профессиональную деятельность. «Когда понял, что работа в конструкторском бюро меня больше не увлекает, уволился. Сейчас мои обязанности в рекламном агентстве не требуют полной занятости, — объясняет он. — Но я, наверное, трудоголик — не умею часами болтать в Интернете или лежать на диване, лучше поработаю руками».

Несколько лет назад, проектируя медтехнику в конструкторском бюро, Николай заразился от коллеги любовью к японским ножам и мечам. Причем, как вспоминает мастер, заинтересовала его не столько философия, сколько внешний вид этих предметов и процесс их изготовления — сложная технология обработки дерева и разных металлов. Он загорелся желанием сделать что-то самому, но до меча и ножа «не созрел» и до сих пор — изготовить такое оружие полностью парню и сейчас кажется слишком сложным.

Но тот же коллега-оригинал принес в офис красивую деревяшку — африканский махагон, и Николай влюбился в эту дощечку и решил сделать из нее корпус для телефона. «Горы стружки и пыли, — вспоминает он. — Возился месяц или полтора, сломал несколько корпусов, пришлось самому делать инструменты для работы, но — получилось!»

Сейчас Николай мастерит и ювелирные изделия, и аксессуары, и предметы интерьера, и одежду, и технику — по заказам, которые делают люди, нашедшие мастера по сарафанному радио. Лично для себя сделал кольцо из белого и желтого золота с изумрудом, браслет, а еще — стальной магнитик на холодильник в виде оленя (это животное изображено на гербе Нижнего Новгорода).

Ничего сложного в том, чтобы использовать в создании новых вещей разные мате-

риалы, он не видит — представить технологию незнакомого производства инженеру проще, чем, к примеру, писателю. Хотя с некоторыми материалами Николай работает по наитию — например, с войлоком, который использует, руководствуясь ощущениями.

В его мастерской нет ни радио, ни чайника — ничего отвлекающего. «И мне очень нравится процесс полного погружения», — резюмирует он. Николай говорит, что его увлекает весь процесс создания чего-либо — от возникновения идеи до появления готовой вещи у конкретного человека. После школы он всерьез пробовал заниматься музыкой — созданный им коллектив давал концерты и даже ездил на гастроли. Но в этой деятельности Николай не нашел внутренней отдачи, поэтому попытался самореализоваться в других областях. Вот тут-то и появился телефон с деревянным корпусом, а потом — прочие забавные вещи. Но, по мнению мастера, и музыку, и нынешнее хобби можно описать словом «созидание».

«Материальная выгода — не главное», — уверяет он. Но и полностью посвятить себя любимому делу невозможно. Например, где тогда брать деньги на путешествия, без которых мастер не представляет своей жизни? «Но я не могу продать другу, например, кофту, расписанную под хохлому за сумму, которой бы хватило на поездку, — сокрушается Николай. — Это неправильно. Даже с учетом того, что я расписывал ее вручную».

Для того, чтобы создать простую, на первый взгляд, вещь, по мнению Николая, порой требуется очень много времени: нужно понять, как это сделать, чтобы выглядело интересно, чтобы это можно было носить или использовать. Однажды друг попросил сделать ассиметричное кольцо с камнем — наполовину из золота, наполовину из дерева, в подарок девушке. «У него были некоторые представления, как кольцо должно выглядеть, у меня — знания ювелирного дела. Я ему объяснял, исходя из физических свойств металла и дерева, что реально, а что нет, предлагал альтернативные идеи», — вспоминает Николай. Он много времени потратил на попытки присоединить дерево к металлу, не повредив его, и сделать дерево таким тонким, как это нужно для ювелирного изделия. Говорит, что аналогов созданной вещи не видел — присоединить дерево к металлу крайне сложно. Обычно вместо этого часть металла либо красят, либо покрывают специальным материалом или используют каучук.

Текст Марина Шония,
marsh7@mail.ru

Январь 2010 / **СМЕНА** / 35

Неслышащие актеры
показывают спектакли,
интересные не только глухим

HANDMADE – постановки без слов

Театр «Недослов» существует с 2004 года, регулярно дает спектакли, участвовал в студенческих театральных фестивалях «Подийум», «Твой шанс», «Золотой витязь», «Будущее театральной России»

Текст
Александра Генрих,
genrich.alexandra@gmail.com

Фотограф
Василь Ярошевич

Актеры театра «Недослов» уверены: жест – это поэзия. Большинство из них – неслышащие. Они не любят слово «глухие». Это – обидное слово. Но синонимов для него практически нет. Равно как и вариантов профессии для тех, кому чужд мир звуков.

Актерам театра «Недослов» сложно собираться для репетиций и спектаклей – большинство участников труппы на основной своей работе заняты посменно, и не могут заранее прогнозировать свой график. Кто-то катает тележки в «Ашане», кто-то трудится рабочим на заводе. Некоторые из них работают в Театре мимики и жеста.

И собираются все вместе для того, чтобы играть на сцене. В репертуаре театра – несколько спектаклей. Один из самых старых – HANDMADE, своего рода концерт, состоящий из жестовых песен и миниатюр. Зрителю все становится ясно без слов – в смысле, без обычных слов, которые в этом случае заменяют руки.

Театральный проект «Недослов» родился в 2004 году, на базе одного из курсов Специализированного института искусств (ГСИИ). Создателями уникального театра стали педагог по мастерству Александр Мартьянов и преподаватель жестовой речи Анна Башенкова. Образование для неслышащих – большая тема. В 19-20 лет многие из них находят себя на уровне развития подростков.

Студентам ГСИИ повезло – набор дисциплин там такой же, как в Шукшинском. Только в специальном вузе все предметы студенты изучают с сурдопереводом. «В других театральных училищах за основу берется художественное слово, а у нас спектакли играют на жестовом языке, – объясняет Екатерина Мигицко, режиссер-постановщик театра и единственная слышащая среди глухих артистов. – Как и в любом театре, на первом плане у нас актеры, личности и проявление их самобытности».

В языке жестов могут использоваться не только обычные предложения – руками можно рассказать стихи, или прочесть прозаическое произведение. Участники «Недослова» уверены: жестами суть пьесы можно передать даже более выразительно, чем это делается в слышащем мире. «Когда мы смотрим на «говорящих» глухих, нам кажется, что они общаются всем телом. Они всегда вкладывают в жест эмоции, поэтому получается так ярко, – комментирует Екатерина Мигицко. – В спектаклях наши актеры даже «поют» жестами, но мы не специализируемся на этом. «Песни» – лишь элемент постановки, например, в «Справедливом разбойнике».

Сложность работы с неслышащими артистами в том, что их тяжело обучить танцу. Екатерине приходится постоянно работать проводником между музыкой и неслышащим человеком: «Если я им плохо покажу или неточно, они не поймут меня. Я двигаюсь вместе с ними, пока актеры запоминают ритм. Потом они продолжают работать сами, а я поддерживаю счет. Это как синхронное плавание: под водой ведь тоже ни черта не слышно. Они ритм запоминают и танцуют. Чувство ритма у глухих очень хорошо развито».

Екатерина говорит, что общение с актерами «Недослова» делает ее другой: «Они очень эмоциональные. И когда ты с ними общаешься, ты тоже становишься очень эмоциональным. Глухие на все реагируют мгновенно, любая фальшь глухому сразу видна».

Поэтому и спектакли «Недослова» – максимально искренние.

«Я с детства знаю язык глухих. Я родилась в семье слабослышащих, это мой второй язык, скорее даже первый, – объясняет Варвара Ромашкина, сурдопереводчик «Недослова». – И могу сказать, что классиков переводить проще. А вот попсу сложнее, там практически нет смысла, иногда мысль на целую песню всего одна».

Александр Мартьянов – постановщик по жесту, выпускник Щукинского училища, закончил экспериментальный курс для глухих, первый выпуск неслышащих актеров, на базе которого был создан ГСИИ

Стихи перевести на жестовый язык «дословно» невозможно, потому что этот язык очень образный. Даже словосочетание может быть одним жестом. Существует дактилология — пальцевая азбука, которая включается в жестовый язык. Жестов гораздо меньше, чем слов в русском языке. Как в любом языке, бывают заимствования, слэнг. В «русский жестовый» приходят слова из американского, финского жестовых языков.

Постановщик по жесту Александр Мартьянов – глухой с рождения. Он убежден, что человек должен отказаться от слова и начать говорить на жестах. «Жест – это ведь живой контакт, неповторимый, каждый раз заново. – объясняет он мне руками. – У жестового языка должен быть официальный статус. Коммуникация же существует, а официального признания нет! Нет словаря жестового языка. Нужно узаконить язык, сделать равноправным с другими языками».

Но пока нет равноправия неслышащих людей с теми, у кого работают все каналы восприятия, мечтать о том, что язык жестов станет признанным на уровне образовательных систем, рано. «В России глухие очень закрыты и недоверчивы к слышащим людям, – рассказывает Варвара Ромашкина. – Они присматриваются к тебе: можешь ли ты их обидеть, не будешь ли смеяться над ними. Их много обижали, отвергали в детстве. И сейчас многих не берут на работу».

В США, куда театр трижды ездил на гастроли при поддержке американского общества глухих, ситуация иная – существует очень мощная «глухая» община, огромный университет для неслышащих людей. Американцы с нарушениями слуха – очень раскрепощенные и общительные люди. Многие слышащие знают sign language – контролеры в транспорте, официанты.

Но участники «Недослова» не

унывают – они постоянно выступают в Москве, ездят и в Петербург, где каждый год выступают на малой сцене Ленсовета. «У нас все спектакли на эту тему, – говорит Варвара Ромашкина. – Постановка по Ричарду Баху, например. Она рассказывает о свободе выбора, об обществе, где есть «чужого» другие. Из-за того, что он не такой как все, стая выгоняет «ненормального». Но он возвращается, чтобы доказать им, показать, что жить можно иначе».

Руководители проекта говорят, что спектакли «Недослова» – это товар, который не окупается. Пока проекту удастся существовать на сцене ГСИИ, а иногда получается давать спектакли в театре на Страстном. Но его постановки нужны, и

«Жест – это ведь живой контакт, неповторимый, каждый раз заново...»

причем больше слышащим, чем глухим.

Я выхожу в фойе после спектакля Hand made. Слышащие – обычная театральная московская публика, много молодежи – выходят из зала в восторге, удивленные: «Ух ты, как может быть!»

О проблеме коммуникации между двумя мирами мало кто говорит. А если говорит, то не всегда правильно. «Не люблю фильм «Страна глухих», – говорит Александр Мартьянов. – Она не глухая, я ей не верю. Неточно образ передает. Дуру какую-то играет». Александр говорит, что глухим актерам Бог дал больше – чтобы они увидели главное, замечали все мелочи, не отвлекаясь на звуки. «Я благодарен ему, – говорит человек, воспитанный в интернате и проживший всю жизнь, не услышав ни единого звука. – Это не наказание – это здорово! ☺

>> В январе спектакли театра «Недослов» можно увидеть

В театральном центре «На Страстном» (Страстной б-р, 8а):
11 января. «Справедливый разбойник» («Ходжа Насреддин»), музыкальное представление в 2-х действиях для детей и взрослых.

12 января. «Крылья даны всем» (по мотивам повести Ричарда Баха).

В здании Государственного специализированного института искусств (Резервный проезд, дом 10/12):

16 января. «Осторожно, нежное сердце» (джазовая вариация на тему классического водевиля В. Соллогуба «Беда от нежного сердца».

17 января. «Прикосновение» (история об одиночестве, любви и смерти).

26 января. Премьера. «Все начинается с любви» (жестово-пластический концерт).
Начало всех спектаклей – в **19.00.**

Текст
Светлана
Гуркина,
s.gurkina@gmail.com

Александр Гронский. «Граница»

Галерея Photographer.ru
До 2 февраля 2010

На фотографиях Александра Гронского – окраины Москвы. И многоэтажки, за которыми, кажется, уже ничего не может быть. Тут мир обрывается. А значит, это и есть та самая граница...

Он каким-то удивительным образом сумел запечатлеть те самые моменты, когда время останавливается и замирает ветер. Всмотритесь, так и есть на самом деле.

На его снимках всегда особенное небо: серое, глубокое и неподвижное. И фигуры людей будто взяты случайно и совсем из других сюжетов.

Но все же я так и не смогла понять, откуда в его фотографиях столько одиночества. Возможно, это особенность не Гронского, а именно этих московских окраин, укутанных снегом.

www.gallery.photographer.ru

Тел. (495) 228-11-70

«Обнаженная натура. XX век»

Галерея «Дом Нащокина»
До 8 марта 2010

Выставка обещала быть сенсационной. Из-за жанра и количества картин (100 художников). Выписать столько работ из других музеев и других городов было непросто. В галерее есть картины на любой вкус: незаконченные и законченные, разных художников и разных эпох. Сгорбленные спины причесывающихся женщин 50-х, расплывающиеся силуэты 90-х, и картины, похожие на шаржи, уже начала нового века. Вас ждут обнаженные красноармейцы (я так и не смогла понять, о чем же на самом деле эта картина Петра Кончаловского), женщины Любарова в стиле примитивизма, лубочные рисунки Ларионова и кубические обнаженные Александры Экстер, совсем непохожие на обнаженных. Эта выставка действительно уникальна своими масштабами и своей направленностью. Но что-то мне подсказывает, что в наше время обнаженной натурой нельзя удивить. Если ты конечно не рисуешь ее художник.

www.domnaschokina.ru

Тел.: (495) 699-11-78, 699-47-74

Утагава Куниёси. «Жизнеописания 47 самураев»

ГМИИ им. А.С. Пушкина
До 14 февраля 2010

«Ценность жизни самурая легче гусиного пуха по сравнению с его долгом». Эту фразу можно считать эпитафией к выставке гравюр Утагавы Куниёси. Печальная история о верности и подвиге 47 самураев слишком известна, чтобы быть пересказанной и в этот раз. Лучше сказать о том, что собой представляет выставка в ГМИИ. У ее посетителей впервые появилась возможность увидеть оригиналы всех рисунков серии «Сэйтё Гисидэн» в одном месте.

Жанр муся-э (историко-героическая гравюра) пользовался в Японии в XIX веке большой популярностью из-за своей патриотической направленности. Однако Куниёси показал самураев не воинами, а обычными людьми, изобразив лишь один эпизод жизни каждого из них. Эпизоды, может быть, и не

слишком значимые, но здесь важно не только это. Гравюры выполнены великолепно. Из всех художников той эпохи он, наверное, был одним из лучших. Достичь такой восхитительной работы в короткий срок, используя не самые дорогие материалы (в Японии того времени действовал указ против роскоши), – мог только действительно великий мастер. Потрясающие в своей тонкости, почти «ювелирные» работы кажутся вершиной всего японского искусства.

Владелец коллекции – Александр Орлов-Кретчмер – считает, что благодаря истории о преданности 47-ми самураев выставка должна вызвать неподдельный интерес у молодежи. Но так как гравюры – не иллюстрация самурайских подвигов, не думаю, что стоит ждать особенного воспитательного эффекта. Они прекрасны сами по себе. Без какой-либо привязки к истории.

www.museum.ru/gmii

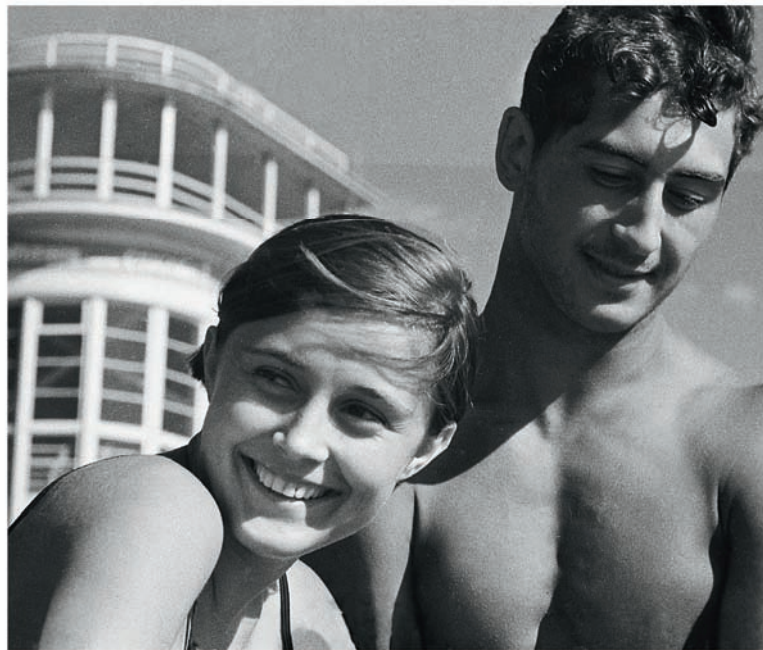
Тел.: (495) 697-79-98, 697-95-78

«Золотой теленок» в отраженном свете отечественной фотохроники, или «Сбылись мечты идиота»

Галерея «Фотосоюз»
Союза фотохудожников России
До 19 января 2010

Этих людей вы вряд ли встречали. И этих фотографов вряд знаете. И, скорее всего не застали те времена. «Представьте, что Остап Бендер мог быть здесь...» – мне почему-то не хочется предлагать вам прочесть стандартную пресс-релизную афишу, потому что связь с Ильфом и Петровым, на мой взгляд, не слишком очевидна. Если, конечно, не считать коммунистически красных плакатов с цитатами из тех самых книг, развешенных по галерее.

Попробуйте абстрагироваться: вот он перед вами, другой мир. Слишком натянутые лица, слишком счастливые улыбки – такое могло быть только тогда. Мир, в котором вас не было, нелепый и немного комичный, почти ненастоящий, настолько идеально вылизанной кажется картинка. И никто вас уже не сможет теперь убедить в том, что та жизнь действительно существовала. Фотографии классиков жанра (20-30-е годы) мне напомнили выставку, посвященную БАМу. Так же неестественно и

неправдоподобно. И действительно похоже на иллюстрацию. Из учебников. Или из книг с выдуманными героями. Но это книги не Ильфа и Петрова, это другие книги.

www.photounion.ru

Тел. (495) 621-57-27

Паоло Джордано

и его интимные отношения

Роман молодого доктора физических наук – «Одиночество простых чисел» – продается в Европе миллионными тиражами и позиционируется как интеллектуальное чтение об экзистенциальных поисках. Правда, редакции «Смены» показалось, что больше всего «Числа» похожи на любовный роман. А для рецензий на такие книги и без того достаточно журналов. Других. Равно как и для интервью с их авторами.

В попытках понять, не ошибся ли переводчик с расстановкой главных акцентов, и что заставило ученого-физика решиться на далекий от точной науки текст, я назначила Паоло свидание.

Текст Анна Шеркунова, sherkunova@smena-online.ru

Фото Кирилл Лагутко

Итальянский писатель оказался гораздо более открытым, чем может показаться тому, кто читал его роман (герой «Чисел» – интровертированный молодой ученый). «Это выдуманная история! – тут же отреагирует от героя Паоло. – В романе мало эпизодов, которые относятся к моей жизни. Есть, конечно, какие-то черты меня самого, но я наделил ими разных героев книги».

Паоло утверждает, что не личные проблемы и рефлексия подтолкнули его к тому, чтобы написать «Числа», а желание сделать что-то более креативное, чем изыскания в физике; заняться чем-то новым, но в гуманитарной области. «Я не стремился к популярности, – уверяет он, – но, был приятно удивлен, что многим понравилась моя книга. У каждого из нас есть что-то такое, тревожное, внутри. Но мы не всегда отдаем себе отчет – что именно». Писатель полагает, что популярным роман стал потому, что говорит о скрытых переживаниях человека, его внутренней боли. Но Паоло не собирался читать морали или проводить уроки. И не планировал рассказывать о любви.

«Я хотел поговорить о той отстраненности и дистанцированности, которую может создать человек. О людях, которые по каким-то причинам закрылись от внешнего мира, – объясняет Паоло. – Но если все считают, что мой роман о любви, я доволен. Потому что любовь действительно заставляет людей менять свою жизнь».

Я спрашиваю, не планирует ли он изменить свою. Паоло смеется и говорит, что она уже изменилась: книга настолько перевернула ритм его жизни и расписание, что ему сложно вспомнить, каким было обычное бытие. Паоло собирается написать еще один роман, но о чем он будет – пока не знает. «Замысел есть, но он расплывчат. И, знаете ли, это очень странно – рассказывать какие-то детали о еще не написанном романе! – возмущается он. – Это внутренняя лаборатория. Между мной и тем, что внутри меня созревает, слишком интимные отношения. Их суть нельзя кому-то рассказывать».

А вот о разрыве с физикой молодой писатель говорит смело: «На защите диссертации все закончится». Он считает, что между физикой и литературой слишком мало общего, правда, и то, и другое, по мнению Паоло, – инструмент исследования окружающего мира. «Только один инструмент очень точный, а другой – нет. Пожалуй, я выберу неточный – интереснее, когда остается пространство для фантазии».

ЧТЕНИЕ

Надежда Панченко,
nadypan@gmail.com

Дмитрий Медведев. «Тэтчер: неизвестная Мэгги». «Рипол-классик», 2009

Тезка действующего президента РФ провел немало времени за изучением английской истории: годом раньше на прилавках появилась биография Уинстона Черчилля. Что приятно, своих героев он разбирает весьма основательно, при помощи фактов создает довольно четкие и убедительные портреты. Без прикрас. Мне всегда нравилась Тэтчер – за жесткость позиции, пусть даже не самой доброй по отношению к нашей стране; за то, что карьеру эта хрупкая женщина сделала сама; за интеллигентность и ум. Медведев показал другую Тэтчер: закомплексованную троичницу, помешанную на власти и статусе, преуспевающую в политике благодаря партийным разногласиям и замужеству за богачом. А также – ослиному упрямству, которое часто лишь чудом приводило к нужному для страны результату. Правда, даже такой портрет не отменяет ее действительно серьезных заслуг и вклада в мировую историю.

Андрей Кивинов. «Ночь Накануне». АСТ, 2010

Некий Основатель дает героям – посетителям небольшого чата – возможность попасть в любое время и в любое место человеческой истории, чтобы ее исправить. Сумеют убедить Основателя в том, что наш мир не безнадежен – Апокалипсис будет отменен. Автор (вернее, семь авторов, в числе которых назван и Сергей Лукьяненко) пытается сконструировать социологическую выборку из современного российского общества, в которую включает невообразимо безмозглую и неопрятную провинциальную ПТУшницу, чрезвычайно совестливого опера, непомерно интеллигентного скинхэда, etc. Все они, эти гротескные герои из чата, отправляются в реал. К финалу авторов, видимо, так утомляет плетение интриг, что новеллы становятся короче, а сын опера из семилетнего Лешки превращается в десятилетнего Игорька. В общем, у семи нянек – дитя без глаза. Сидеть в чате компанией, может, и продуктивно, а вот писать книгу – похоже, не очень.

Нинни Хольквист. «Биологический материал». «Рипол-классик», 2010

Еще одна фантастическая история, претендующая на оригинальность. Но явно не новая: только у Рэя Брэдбери было, как минимум, два подобных сюжета – «Пурпурные поля» и «451 по Фаренгейту». Что, собственно, не значит, что Хольквист занимается плагиатом – просто проблема снова встала в полный рост, особенно в Европе. Неслучайно критики Швеции, Англии и Германии восторгаются книгой, сравнивая ее с творчеством Руссо, Мора и Оруэлла. В антиутопии Хольквиста те, кто не завел детей до достижения пятидесятилетнего возраста, признаются «не-нужными» – их насильно забирают в резервацию, где позволяют стареть в достатке. До тех пор, пока кому-то не потребуется почка, сердце или же мочевого пузыря. Доррит не может смириться с тем, что ее «пустят на органы» и отчаянно ищет выход. Но финал смазан, и остается непонятным – дает ли автор надежду или же печально хоронит ее.

Мишель Уэльбек, Бернар Анри Леви. «Враги общества». «Иностранка», 2009

Лет десять назад я отдала бы за эту книгу руку. А, может быть, даже и глаз. И не только я – все те, кто искал отрывки из их романов в литературных журналах. Потом Уэльбек и Леви появились в России. По отдельности, разумеется. Для переписки меж собой они созрели лишь недавно – два европейских кумира конца XX века, определившие вектор развития, по меньшей мере, литературы и философии, вступили в открытую полемику. Обсудили кризис культуры, преступления «путинизма», различия между реакционерами и консерваторами... Удивительно, но в России это издание практически осталось незамеченным. Может быть, потому, что людей, способных понять и оценить «Врагов» в стране, запоем читающей Донцову и Устинову, становится все меньше? Если так, то это страшней, чем сдавать бездетных на органы – исключительно потому, что осознать ужасы такой перспективы будет попросту некому. То есть – нечем.

Давление среды

ЦЕНТР ДИЗАЙНА ARTPLAY
ПЕРЕЕХАЛ НА ПЛОЩАДИ
ЗАВОДА «МАНОМЕТР»

Когда-то тут был завод «Манометр». Теперь здесь измеряют давление современному дизайну и архитектуре – в корпусах бывшего завода расположился центр Artplay. Внутри здания, затянутого сеткой и закрытого лесами, еще вовсю идут ремонтные работы, слышен шум молотков и дрелей. На центр дизайна и архитектуры совершенно не похоже... Пока не оказываешься внутри.

Территорию уже обжили архитектурные бюро («Уборевича-Боровского», «Виртуальная архитектура», бюро Кирилла Маркушина), дизайн-студии («Мама дизайн», «Арх-идеи», «А дизайн»), антикварный магазин «Русская усадьба», различные фотостудии, рекламные агентства. Работает и выставочный зал, который недавно провел первые выставки в рамках 3-й Московской биеннале современного искусства.

Сейчас занята треть из 75 тыс. метров всего здания. По словам арт-директора Artplay Алины Сапрыкиной, строительство завершится к весне 2010 года. На площади «Манометра» центр дизайна и архитектуры перебрался в 2009 году. Вообще-то, Artplay открылся в 2003 году, когда еще не было ни «Арт-стрелки», ни «Винзавода». Располагался Центр в краснокирпичном цехе ткацкой фабрики «Красная Роза» на улице Тимура Фрунзе. «Первый наш комплекс был в большей степени похож на огромный сквот для художников, архитекторов и дизайнеров, владельцы которых объединились и отреставрировали здание, «вдохнули» в него новую жизнь, вместе творили и работали», – рассказывает Алина.

Незадолго до кризиса собственник снес здание. Но финансовые трудности не стали помехой для открытия нового, более масштабного проекта. В прежнем здании в пространство Artplay входило около 50 компаний. Новая территория дает возможность создать творческое объединение из почти 500 компаний.

Artplay – это маленький «городок», где творческие люди, прежде всего, работают, а не демонстрируют результаты этой работы. «Основное отличие Artplay от других Центров, которые занимают большие территории бывших промобъектов в том, что у нас просто в силу времени и самого

разнообразного опыта накопилось немного больше ресурсов. И что мы в первую очередь все-таки Центр дизайна, а «Винзавод» – Центр современного искусства, «Гараж» – Центр современной культуры», – объясняет г-жа Сапрыкина.

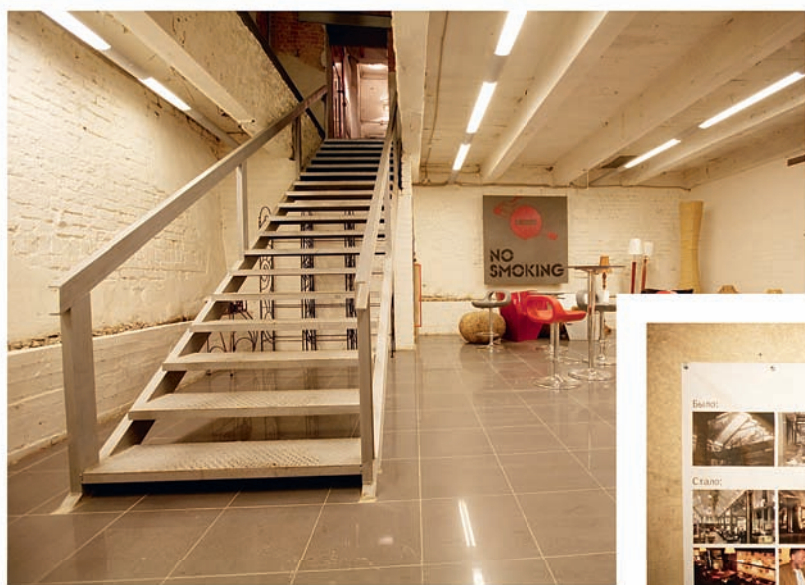
Она говорит, что Artplay не конкурирует с известными арт-центрами. Прежде всего, потому, что проведение выставок для Центра – вторично. Самое главное – привлечение творчески ориентированных арендаторов – архитектурных бюро, дизайн-студий, шоу-румов и т.д. Создание условий для синергетики творческого ресурса. «Это для страны важно, и для Москвы как самого главного города России», – объясняет Алина. – Мы часто пересекаемся благодаря разным проектам, участвуем в общих выставках, биеннале и т.д».

Недавно в Центре прошла неделя моды Cycles&Seasons by MasterCard, в рамках которой состоялись показы ведущих российских дизайнеров – Вики Газинской, Сергея Теплова, Гоши Рубчинского, Vardoui Nazaryan и Nina Donis. В декабре состоялся рождественский базар и концерт Олега Нестерова, отгремел Avant Club Fest, зимняя версия фестиваля нового рока Avant Fest, хедлайнером которого стал автор музыки к фильму «Амели» Ян Тирсен.

Синергетический эффект налицо. Эта идея не нова. В Нью-Йорке, например, функционирует Design and Decoration Building, который так же, как и российский аналог, аккумулирует ресурсы различных творческих студий. «Мы не хотим равняться на центры, созданные с помощью государства или чьих-то безвозвратных инвестиций», – объясняет Алина. – Куда ближе независимые проекты, которые сами обеспечивают свое собственное выживание и развитие, в том числе финансовое».

Текст
Анна
Шеркунова,
sherkunova@
smena-online.ru

Фото
Павел
Сазонов

В корпусах столичного завода «Манометр» расположится комплекс с неограниченными возможностями для работы, досуга и профессионального общения

Но, к сожалению, Россия в вопросе освоения промышленных пространств намного отстала от Запада. В нашей стране арт-центры на фабриках и заводах рождаются чаще всего из желания оптимизировать доход с территории – особенно если она находится на красной линии. А когда район/комплекс получает яркое развитие, и стоимость этого места повышается, старинный завод, ставший приютом для творческих студий, можно снести и построить на этом месте многоэтажный бизнес-центр или центр с развлекательными заведениями, гостиницей, магазинами или элитное жилье...

Пока у пространства Artplay на Яузе всего только начинается. В ближайших планах – открытие Британской школы дизайна, нескольких продюсерских центров, а также галерей, названия которых пока держатся в секрете. Так что остается дожидаться, когда Artplay окончательно достроится, и проверить самим, кто же «заселил» новый старый московский завод. ☑

www.artplay.ru
ул. Нижняя Сыромятническая, дом 5/7
Тел.: (495) 620-08-82, 917-47-67

Текст
Надежда Панченко,
nadypan@gmail.com

МИССИЯ: СОБЛАЗНЯТЬ

Теодор Курентзис плетет
руками заклинания,
которые меняют мир

«Мои концерты в оперных театрах разных стран расписаны до 2013 года. Это ужасно. Как я могу быть уверен в том, что моя влюбленность в произведение к тому времени не закончится?!» – Теодор возмущенно вскидывает свои соболиные брови, испытующе смотрит мне в глаза.

Он не играет на публику, он действительно такой – эмоциональный, страстный, искренний, порывистый, как многие греки. И этим подкупает. Курентзис относится к музыке, как к женщине, и всерьез озабочен проблемой сохранения чувств.

«Разве можно сегодня планировать романтическое путешествие на осень 2013 года? Откуда ты знаешь, что будешь по-прежнему влюблен в этого человека через четыре года?!» Ну я-то, например, могу хотя бы это предположить – я замужем.

А ему 37, и он никогда не был женат. Влюбленность для Теодора – главное слово

и главное состояние. «Классическая музыка – это страстная музыка, – убеждает он. – Человек должен услышать музыку, влюбиться и изменить свою жизнь.

Хороший дирижер – как стилист, который может улучшить женщину косметикой: даже если это не очень сильное произведение, я делаю его лучше. У меня с музыкой возникают странные ароматные ассоциации, раскрывающие духовный мир. Если я не буду это выражать, я не выполню мой долг».

Курентзис живет в России уже 15 лет, но до сих пор говорит с акцентом и допускает ошибки – в согласовании времен, произношении. Именно акцент помогает воспринимать слова о его долге и миссии всерьез – сразу понятно, что иностранец, а им причуды дозволены. Если бы это говорил кто-то другой, сочла бы сумасшедшим, либо позером. Он закуривает очередную сигарету и объясняет: «Ты понимаешь, я ДОЛЖЕН делиться с людьми тем, что вижу, и раскрывать им эту красоту».

Дирижер обращается со знакомыми широкий публике произведениями типа «Аиды» Верди совсем не так, как диктуют академические каноны. «Правильным считается то, к чему уже все привыкли. Но если сыграть «Лебединое озеро» так, как играли до тебя десятки лет, ты не сможешь испытывать полноценное, свежее чувство. Зачем переваривать пищу, которую до тебя уже переварили? Разве этим можно соблазнить женщину? А ведь музыка должна соблазнять!»

Говорить с ним о чем-то, кроме любви и музыки – напрасный труд. Вся жизнь и творчество Курентзиса находятся в пространстве этих координат. Использовать какие-то другие – бессмысленно. «Музыка – это миссия нести людям свет и любовь. Она предназначена для того, чтобы рождать в человеке больше, чем известные нам чувства. Это не исполнительское, а ритуальное искусство», – говорит Теодор.

И он творит свой ритуал – сосредоточенный, погруженный в свои ощущения, слушая одновременно и голос внутри себя, и оркестр вовне. Похожий на жреца из древнегреческих мифов, Теодор плетет руками заклинания, которые меняют мир.

«Я знаю, что говорил Бог Верди, когда тот писал свои произведения. Я чувствую, как должно быть, как музыка исполнялась тогда. Это моя способность. Я чувствую эту музыку, как ее никто не чувствует. Я вижу образ, который, кроме меня, никто не видит. Это интуиция, проникновение космической энергии.

Я слышу какой-то голос внутри себя. Но иногда я откладываю на потом то, что он

велит мне делать. Вот сейчас я чувствую, что мне нужно сесть и писать свою музыку, но не делаю этого».

Свою? Курентзис известен как талантливый дирижер, он – лауреат двух Национальных театральных премий «Золотая маска» – «За яркое воплощение партитуры С.С. Прокофьева» и «За впечатляющие достижения в области музыкального аутентизма». Но не как композитор...

«В моем шкафу валяется пачка законченных вещей. Но я не хочу исполнять мои произведения, – объясняет он. – Когда я приглашаю слушателей на Малера, Моцарта, Стравинского, я уверен на 100%, что я могу обеспечить великолепные ощущения, открыть другой, красивый мир. По отношению к своим собственным вещам я не хочу быть мамочкой, которая считает, что ее сын – самый красивый и самый хороший».

Но зато Теодор уверен в том, что его прочтение старинных партитур – самое правильное. С этой позицией можно спорить. Чем и занимаются корифеи от классической музыки. Но, наверное, не зря крупнейшие звукозаписывающие компании мира – Sony BMG и Alfa – бились до последней капли крови за право выпустить запись барочной оперы Перселла «Дидона и Эней»? Эту оперу исполнил камерный оркестр Musica Aeterna Ensemble, который Курентзис создал при Новосибирском академическом театре оперы и балета.

Дирижер делает две симфонические программы в оперном театре Сан-Франциско, дирижует в парижской Опере Бастий, принимает приглашения других мировых театров. Все ради одного: укрепить статус новосибирского оркестра и заработать денег для его развития.

Пять лет назад Курентзис согласился руководить Новосибирским академическим театром оперы и балета (НГАТОиБ) для того, чтобы провести эксперимент – объединить при нем тех, кого действительно интересует музыка. Теодор говорит, что в Москве все упирается в деньги – особенно такие вещи, как музыка или любовь. Музыканты хотят ездить на дорогих машинах и иметь стабильную зарплату. Театры – иметь на своих афишах названия известных, привычных вещей, а публика – чтобы они исполнялись в традиционном ключе.

Он считает, что только в провинции можно создавать настоящую музыку. И, пожалуй, – только в российской провинции. «Европейцы извратили мысли Баха и Моцарта. Им кажется, что только они имеют право утверждать, как должно играть то или иное произведение – лишь потому, что много лет назад композитор жил в их

«Я знаю, что говорил Бог Верди, когда тот писал свои произведения. Я чувствую, как должно быть, как музыка исполнялась тогда. Это моя способность. Я чувствую эту музыку, как ее никто не чувствует. Я вижу образ, который, кроме меня, никто не видит. Это интуиция, проникновение космической энергии»

стране. Я стараюсь делать вещи, которые исполняю, аутентичными. Но это не разрушение академизма, это разрушение ложных традиций.

Европейцы – они ведь... – Теодор замолкает, подбирая слова – роботы! Если откроешь тамошнему слушателю грудную клетку, увидишь провода. Все они носят одинаковые очки. И видят через эти очки одинаково! Все эти немцы, в которых не осталось ни капли романтики – они идут с девушкой в кафе и платят там поровну. Представляешь?!

– Израильтяне тоже так делают.

31 января во Дворце на Яузе оркестр MUSICA VIVA и солисты – звезды мировой величины – под руководством Курентзиса исполнят программу «Другой Новый Год». Без привычных вальсов и полек, дежурного набора арий. Так уже было год назад. Программа «Другого Нового года-2010» снова держится в тайне. Известно лишь, что Курентзис будет играть произведения, которых от него не ждут.

Теодор родился в Афинах, в 1972 году. В четыре года стал играть на фортепьяно, потом выучился игре на скрипке. В 12 лет начал обучение на теоретическом факультете и факультете струнных инструментов афинской консерватории. В 18 лет Курентзис стал главным дирижером Musica Aeterna Ensemble в Афинах. Через несколько лет уехал в Санкт-Петербург, учился у создателя ленинградской дирижерской школы Ильи Мусина. Как дирижер и солист, участвовал в программах Санкт-Петербургского симфонического оркестра, оркестра Мариинского театра, оркестра «Виртуозы Москвы», Большого симфонического оркестра, Российского национального оркестра, оркестра «Новая Россия».

Первую оперу поставил восемь лет назад в «Геликон-опера» (Москва). С 2003 г. – постоянный дирижер Национального филармонического оркестра России. С 2004 г. – музыкальный руководитель и главный дирижер Новосибирского академического театра оперы и балета.

С 2008 г. дирижирует в Парижской национальной опере, с 2009 г. – в Большом театре. За несколько последних лет исполнил более 20 мировых премьер, среди которых произведения Малера, Стравинского, Верди, Глюка, Моцарта, Россини.

– Ну, у них это профессиональная черта, – неожиданно легко улыбается Теодор. – Меня, как грека, это бы оскорбило. Потом, греки – они ленивые, краем уха слышали об античной философии, и считают, что они наследники тех людей. Греки – ограниченные в своем высокомерии, они не хотят совершенствоваться!

– А русские?

– Русские... очень талантливые, открытые, с одной стороны. С другой – у вас греческое сознание, религия, культура. С третьей – привычка к французской бессмысленной роскоши. Россия, при всей своей наивности, сохраняет великую мировую культуру, сама не зная об этом. Система образования лучше в Европе. Но у русских есть душа, которая способна изменить мир. И гении рождаются почему-то здесь. И лучшие музыканты – тоже.

Теодор не жалеет сил и времени, занимаясь с русскими музыкантами. И молодыми дирижерами – в рамках фестиваля «Территория» он учит студентов работать с оркестром: «В консерватории объясняют, как махать руками, чтобы все музыканты играли в едином ритме. А управление оркестром – искусство управления энергиями».

Однажды он сыграл «Свадьбу Фигаро» в хосписе. Вера Миллионщикова, руководительница хосписа, считает, что каждому из слушателей он подарил по два дня жизни.

Курентзис думает, что музыка – это не удовольствие, а лекарство. И она помогает людям найти надежду на будущее. Тогда же он захотел исполнить Моцарта в Бутырке. Но до сих пор не нашел времени: график у Теодора сложный. Он не только занимается социальными и образовательными проектами. Чтобы обеспечить свой НГАТОиБ, гастарбайтер от классического искусства берет на себя работу в других странах и Москве. А к работе Курентзис подходит очень вездельно. Конечно, не как Верди, который один дуэт репетировал 120 дней. Но примерно так же дотошно.

А вот отдыхать Теодор не умеет. «Никогда не отдыхаю. Разве что когда сплю. Спать – мое хобби. У русских отдых – пойти и выпить, это происходит, когда люди не знают, куда деть свое время. Я всегда работаю. И не могу ложиться спать по расписанию, разве так можно – приказать себе заснуть в определенное время?!»

Но самое главное – правильно настроить свой внутренний камертон до завтрака.

– Я всегда просыпаюсь, а в моей голове звучит какая-то музыка. И я думаю, какую бы пластинку поставить, чтобы музыка была похожа на ту, с которой я проснулся? Найти такую музыку – очень важно,

потому что если ошибешься, пойдет уже другой поток энергии. Сегодня с утра слушал Малера, «Я потерянный для этого мира». Настроение у меня теперь – меланхоличное, ностальгическое.

– Не понимаю, как у тебя в Москве вообще может быть иное состояние, кроме как меланхолия – ведь по сравнению с Грецией или Сибирью тут куда более пасмурное, серое небо.

– Да, последнее время московское небо особенно низкое. Я не могу поменять погоду. Хотя иногда мне удается менять физические явления. А иногда я понимаю, насколько я беспомощный. И эта беспомощность дает кураж!

Знаешь... я могу улететь в космос, у меня есть для этого особый скафандр. Но с собой, в скафандр, я смогу взять максимум пару людей, не больше...

Теодор лукавит – далеко не пара людей отправляется с ним в волшебные путешествия на его концертах. Особенно много тех, кого интересует новое прочтение традиционных вещей.

«В консерватории объясняют, как махать руками, чтобы все музыканты играли в едином ритме. А управление оркестром – искусство управления энергиями»

– Любители мейнстрима тоже заглядываются на аутентичную музыку – как мужчина, женатый на блондинке, заглядывается на брюнеток. Аудитория может привыкнуть к хорошей музыке. Главное – избавить ее от шансона и прочих проявлений мусорной культуры. Это просто – нужно только чаще делать движения. Руками. Дирижерские. Выполнять свое предназначение.

– Не все ведь знают свое предназначение.

– Если ты его не знаешь, значит, ты мало медитируешь, плохо слушаешь внутренний голос, – объясняет он мне так же буднично, как дорогу до ближайшей станции метро. – Ты редко совершаешь иррациональные поступки, боишься потерять голову, начать заново. Но если бояться сойти с натоптанной тропы, ты не найдешь свой собственный путь. Нужно обязательно найти свою струну, свою тональность.

– Как тебе кажется, какая она у меня?

– До минор. ☞

dvd

Александр В. Волков,

avv@kushnir.ru

«Лакомб Люсьен» / «Lacombe Lucien» (Франция — ФРГ — Италия, драма). Режиссер Луи Маль. В ролях: Пьер Блэз, Аврора Клеман, Хольгер Левенадлер и др. «Синема Престиж», 1974, издание на DVD в России — 2009
👤 коллаборационизм, Франция, боши

В выходящей на DVD полной коллекции фильмов режиссера Луи Маля эта картина — эдакий «тихий» шедевр. Это рассказ о французской глубинке, оккупированной во время Второй мировой. Главный герой — парень, развлекающийся стрельбой по зайцам. Этот образ присутствует постоянно — он бьет навскидку по убегающему косому даже во время жестокой перестрелки. Люсьен попадает на службу в немецкую полицию, с удовольствием сдает участников сопротивления и носит большой черный пистолет. В нем — сила — явная, жестокая и это особенно чувствуют женщины и звери. Но история развивается банально — герой влюбляется в еврейскую девушку и вдруг мир оказывается сложным и полным вопросов, не имеющих ответа.

«Звездный путь» / «Star Trek» (США, фантастика, 84 мин.). Режиссер Дж.Дж. Абрамс. В ролях: Крис Пайн, Закари Куинтро и др. «Парамаунт Пикчерс», 2009
👤 «Энтерпрайз», звездные войны

Идеальный фантастический сериал, имеющий уже несколько десятков разнообразных сиквелов, потребовал актуального продолжения в жанре высокобюджетного боевика. Сюжет прямолинеен как световой луч — корабль галактической Федерации атакован диковатым на вид пришельцем из будущего Ромулом с планеты Нерон... Впрочем, детали тут не так важны — более существенен беспримерный динамизм, спецэффекты и героические крики типа «Огонь из всех лазеров!» Картина сохранила атмосферу космических странствий, название космического корабля — «Энтерпрайз» и бесконечный оптимизм персонажей. Фильм вселяет уверенность в том, что хулиганы в космосе нужны всегда, а зло будет если не уничтожено, то наказано.

«Билли Оуэнс и тайна рун» / «Billy Owens and The Secret of The Runes» (Великобритания, фэнтези, 81 мин.). Режиссер Марк МакНэбб. В ролях: Далтон Магридж, Кьяра О'Хэнлон и др. «CP Диджитал», 2009
👤 Гарри Поттер, тролли, валькирии

Это только кажется, что тема «чародейство, волшебство и дети» полностью раскрыта в саге Джоан Роулинг — множество писателей и кинематографистов полагают иначе. Британский телефильм про мальчика Билли Оуэнса и его друзей — как можно догадаться по названию — вариация на предложенную тему. Думается, что каждый человек в детстве мечтал о волшебной палочке и всяких важных делах, которые можно сделать благодаря этому предмету. Фильм эту мечту реализует — перед нами одна из тех прекрасных историй, в которых волшебство — очевидная и понятная всем штука. Сказка исполнения желаний оживаемо мутирует в сагу с чисто британскими говорящими головами и боем на мечах. Ведь не секрет, что с книжным злом лучше всего справляются дети.

«The Willie Nelson Special featuring Ray Charles» (США, концерт). Продюсер Терри Ликкона. Eagle/«Союз Мьюзик», 2009
👤 кантри, соул, гений

Встреча двух величайших музыкантов прошлого столетия — ныне уже покойного великого ритм-энд-блюзового гения Рея Чарльза и менее известного за пределами Штатов величайшего мастера кантри-музыки Вилли Нельсона — произошла в 1995 году. Как большинство музыкантов такого масштаба, они не замыкаются в узкожанровых рамках. Нельсон всегда участвовал в массе проектов от джаза до рока, а Чарльз мотало по палитре американской музыки от соула до того же самого кантри. Впрочем, если Вилли все же — символ чистоты стиля, то Чарльз «просто» великий артист — для его творчества впору выдумать свой, специальный термин. На сцене благодаря этому они создают удивительно раскованную обстановку — настоящий дух свободы, особенно когда вдвоем садятся за фортепиано.

Январь 2010 / OVENA / 47

КОНЦЕРТЫ

Текст ДД,
denistogliatti@gmail.com

МУЗЫКА

КТО: «Пелагея»
КОГДА: 7 января, 21.00
ГДЕ: Б1 «Максимум»

Уже давно в прошлом времена, когда концертные площадки и клубы в Москве вымирали до конца января, уступая место всевозможным елкам. Кризис заставляет многих оставаться в городе. Так что и концертам – быть, лишь бы нашлись деньги на билет, и клубы не позакрывали.

Б1 «Максимум» вроде бы ничто не угрожает. А выступление удивительной девушки **Пелагеи** может стать хорошей альтернативой мещанскому гусю под мерцание телевизора – пробовали, знаем, это не первый рождественский концерт группы в Москве. Задумчивые и задорные, грустные и веселые песни в исполнении Пелагеи – один из очевидных поводов выбраться из дома в праздники.

ЧТО: Billy's Band
КОГДА: 8-9 января, 21.00
ГДЕ: Ikra

Это, кажется, называется алкоджаз. Кабацкое веселье питерского коллектива грозит увлечь за собой добропорядочных граждан, даже если кто-то и собирался провести в трезвости последние дни каникул. Для тех, кому не хватит – не один концерт, а два подряд. Хотя, говорят, что каждое выступление будет особенным. В первый день предполагается настоящая рок-программа, на грани с хэви, жесткая, серьезная. В нее войдут песни с нового альбома, который питерцы планируют назвать простенько, но с глубоким для себя смыслом – «In Rock». Даже старые композиции подадут в новых аранжировках.

Во второй день перед публикой предстанет тот Billy's Band, который критики считают традиционным: томительный едва-ли-не-шансон, душераздирающие блюзы и неприменные скетчи. В общем, funeral dixieland with endless happy-end во всей своей похмельной красе. Кто как, я – иду.

ЧТО: Guano Apes
КОГДА: 16 января, 21.00
ГДЕ: «Главклуб»

ДК Горбунова под новой вывеской старательно пытается поддержать марку законодателя мод. Наряду с непримечательными героями там случаются действительно значимые концерты. Например, январский Guano Apes. Этих немецких музыкантов можно не любить, но не признать их величие будет глупостью. Вся Европа, включая гордых британцев, покорились их музыке. Guano Apes – это всегда энергетика на километры киловатт, искрометный драйв на миллионы килогерц. Кое-кто успел забыть об этом за те несколько лет, когда группа брала таймаут. Но с прошлого года они снова в строю и легко докажут это российской столице.

ЧТО: Rammstein
КОГДА: 28 февраля, 1 марта, 20.00
ГДЕ: «Олимпийский»

Не надо думать, что вы еще успеете. Кажется, билетов уже нет. Даже на дополнительный понедельничный концерт, которого изначально в афише не значилось. Неудивительно – с последнего приезда этой группы в Россию прошло уже 5 лет. Прошлый раз они порвали «Олимпийский» парой аккордов. Судя по их последним клипам, задора брутальные немецкие парни не утратили. Хотя некоторые фишки нового альбома «Liebe ist fur alle da» – первого после долгого затишья – больше похожи на заигрывание с публикой, чем на откровенные порывы мятушейся души. В программе – мощные рифы, эпатаж и отменное шоу. **Rammstein** на сценические выдумки горазды – вспомните только огнеметы у них в руках! Вспомните и тут же забудьте – в связи с последними событиями огнеметов может и не быть.

Также пора покупать: Metallica, 24 апреля в «Олимпийском», U2, 25 августа в «Лужниках» (впервые)

Fahrenheit Project. Part One (2001), Second (2001), Third (2002) (Ultimae Records/Diamond, 2009)
 👤 эмбиент, Клаус Шульц

На впервые изданных в России стартовых альбомах культовой серии последователи электронного гуру Клауса Шульца из США, Швеции, Канады, Франции и Англии талантливо растаскивают по своим трекам его многочисленные концептуальные полотна. Получается ритмически банальная, но уверенная по настроению чилл-аут коллекция, в которой в пропорциях, близких к идеалу, намешаны трайбал, даунтемпо, немало транс и так вплоть до неодаба. Фактически, три первых диска Fahrenheit Project – это три взгляда на электронный эмбиент, три способа «сервировки» протяжных, тянущихся, как дым, гуделок и шуршалонок. Первый альбом – скорее наэлектризованный и нервный, второй – более печальный, на третьем довлеет сумрачное, предгрозовое настроение.

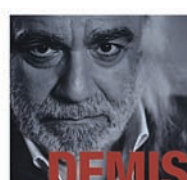
Аквариум. «Пушкинская 10» (Мистерия Звука, 2009)
 👤 «Зоопарк»

Совершенно лишенный экспериментов – как музыкальных, так и социальных – альбом БГ и его бэнда собрал песни, известные по концертам и пару хитов – «Вперед, Бодхисаттва» Майка Науменко и «День радости». Это показательно нелучший альбом знаменитой группы, но зато он украшен легендой о знаменитом доме в Питере, где расположена студия «Аквариума». Группа выложила фонограмму для бесплатного или – по желанию – платного скачивания в Интернет. Этот прием, похоже, становится общим местом – многие поняли, что вовремя и с достаточной информацией о событии «выложенная» музыка только способствует продажам. Но «правильные» вибрации дома на Пушкинской, о которых говорит Гребенщиков, ощущаемы, пожалуй, только при качественном воспроизведении и этого материала. Диск так «вкусно» звучит, что на этот раз становится уже всерьез жаль тех, кто качал его из Сети.

Sting. «If On A Winter's Night...» (Cherry Tree Records/Deutsche Grammophon, 2009)
 👤 Рождество, Бах, Элвис Костелло

Выпустив на классическом лейбле Deutsche Grammophon альбом песен викторианского композитора Джона Дауленда, Стинг пошел дальше – записал несколько классических напевов, плюс мелодии Баха и Шуберта. Стинг поет и старую музыку, и свою, сделанную «под старину», так, как будто сидит у камина в теплой компании, так, как будто это – народная музыка. Особо показательна «Cold Song» великого британца Генри Пёрселла – трагичность и философская глубина подобных вещей уводят «If On A Winter's Night...» далеко от жанра «рождественского» альбома. По сути это – древняя британская традиция, давшая дыхание всему просветленному и высокому, что создано и в жанрах, пограничных с роком.

Demis. «Demis» (Discograph/Союз Мьюзик, 2009)
 👤 Джо Кокер, блюз, Vangelis

Знаменитый толстяк с серебряным голосом и бородой-лопатой отныне потерян для мировой поп-музыки. Новый стиль Демиса Руссоса – проникновенная рок-эстрада, хриплый, простуженный поп-блюз, которому могут позавидовать и Эрик Клэптон, и Джо Кокер. Певец, некогда покорявший мир витиеватыми напевами типа «Goodbye My Love, Goodbye», похоже, переиграл непререкаемых авторитетов жанра на их же территории. В связи с этой мутацией суперзвезды неизбежно воспоминание о древней рок-группе Aphrodite's Child. Но новый диск, конечно, не копирует достижения прошлого, а неожиданный поворот в судьбе знаменитого певца объясняется не только изменением голоса – он, после того как подвергся разбойному нападению, серьезно пересмотрел свои взгляды на жизнь.

Текст
Александр
Назаровский,
nazarovsky@gmail.com

Самые полезные и самые бесполезные приложения из мира iPhone

«Карманная Монро»

Если вскоре после покупки iPhone вы начали подозревать, что этот симпатичный кусок пластика не стоил таких денег, успокоить себя можно единственным способом. Зайти в App Store и купить крайне полезное или запредельно бессмысленное приложение.

Для работы

Air Mouse Pro

Это приложение превращает ваш iPhone (или iPod Touch) в виртуальную «мышь», совмещенную с клавиатурой. Программа использует Wi-Fi соединение для управления компьютером или ноутбуком. Air Mouse Pro – прекрасное подспорье тому, кто проводит презентации. Подойдет и в случае, если очень нужно выполнить какое-нибудь действие (например, выключить компьютер), но не хочется вставать с дивана.

AirSharing

Тоже работает через Wi-Fi и позволяет подключить iPhone как сетевой диск. С файлами можно работать и через «Проводник», копировать документы на телефон и с него. Программа существует в трех вариантах: для MacOS, Windows и Linux. Отличное и функциональное средство – странно только, почему оно не идет установленным по умолчанию...

Evernote

Мы уже писали об Evernote для компьютера («Смена» №10/2009). Версия программы под iPhone обладает дополнительными возможностями. Во-первых, можно фотографировать афиши, визитки, расписания... все, что душе угодно, на встроенную камеру. Картинки автоматически загружаются на сервер, в них распознается текст – пользуйся. Во-вторых, можно надиктовать голосовые заметки. Распознавания пока нет, но через год-другой, наверняка, появится. Ну и, конечно, с помощью Evernote можно просматривать-прослушивать сделанные записи. Идеальная программа для тех, кто постоянно все забывает.

Instapaper

Разработчик этой программы, Марко Армент, объясняет: «Когда вы продираетесь через полтысячи записей в блогах, то и дело прерываясь на почту, чат и просмотр клипов на YouTube, времени на вдумчивое чтение

у вас банально нет, да и качество такого чтения страдает».

Армент предлагает выход: нажимаете на кнопку Read Later – прочитать позже. И забываете об этом. Потом, когда появляется свободная минутка, достаете iPhone, запускаете Instapaper и читаете все заблаговременно отложенное. Проблем с русскими кодировками нет, что весьма радует.

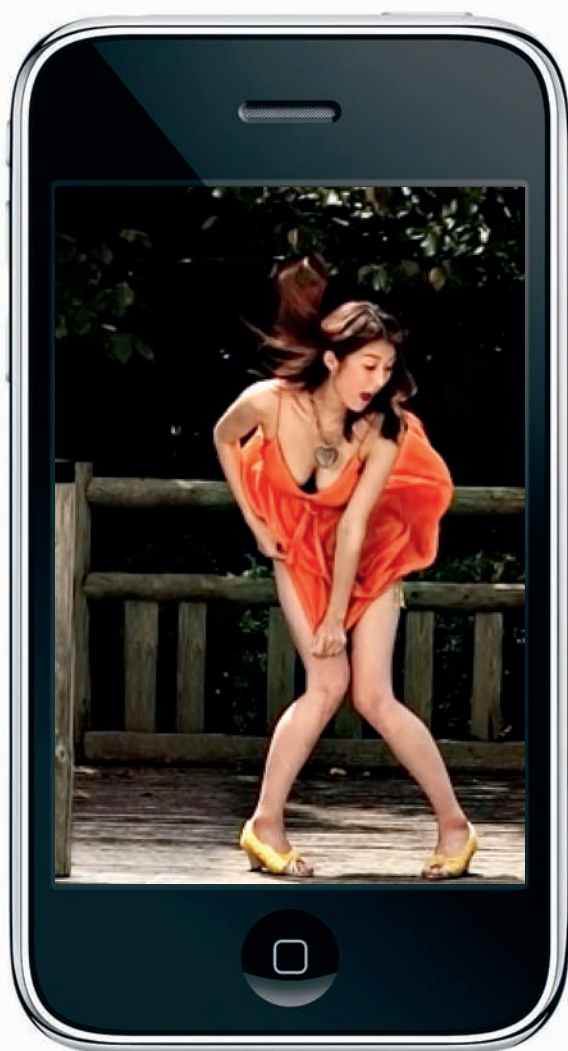
Byline RSS Reader

Про технологию RSS «Смена» тоже рассказывала в №5/2009, и вы наверняка оценили ее преимущества. Хотя мозгового импланта с тех пор не придумали, зато в карман все новостные и блогговые ленты уже помещаются. Byline – одна из лучших оффлайновых RSS-читалок под iPhone. Программа работает с аккаунтом Google Reader, синхронизируя ваши подписки, как только вы выходите в Интернет. Установите ее совместно с Instapaper, и читать станет гораздо удобнее.

Для забавы

Hang Time

Известной «фишкой» iPhone является встроенный акселерометр – датчик ускорения. С его помощью приложения «чувствуют», что телефон повернули и изменяют ориентацию дисплея. Создатель Hang time придумал использовать этот датчик для подсчета времени нахождения в

свободном полете. Вы подбрасываете iPhone, ловите (обязательный пункт!) и на экранчике высвечивается, сколько времени ваш телефон пробыл в воздухе (bit.ly/6AP5J6). У профессионалов время полета достигает двух секунд и более. Ведется автоматический учет рекордов через Интернет. На странице лучших подбрасывателей обнаружен чирер (bit.ly/8l9281) с результатом 67 секунд. Он, правда, честно признается: «Запустил приложение во время затычного прыжка с парашютом. Побейте это, сосунки!»

Puff!

Японцы явно вдохновились Мэрилин Монро с развевающимися от ветра подzemки платьем. После установки программы Puff достаточно подуть в iPhone с торца, и – в зависимости от силы и объема ваших легких – изображения молоденьких девушек на его дисплее будут обнажать свои красивые виртуальные ножки (bit.ly/6NuatS). Врачи, ловите идею: эту программу можно использовать в медицинских тестах вместо спирометра.

iPhone Ocarina

Просто дуть в микрофон? Быстро наскучит. Но можно ведь еще и на сенсорный экран нажимать! Так появилась Ocarina, весьма натурально имитирующая звук реального музыкального инструмента (bit.ly/7QfiNa).

Японцы же (да, опять они) на этом не остановились и вырезали из оргстекла при помощи лазера систему – держатель для трех iPhone сразу. Если это и не самая дорогая в мире окарина, то точно самая высокотехнологичная.

Blower

А один из разработчиков программ для iPhone решил: раз у телефона достаточно мощный динамик, почему бы не сделать из него заменитель вентилятора? Запускаем программу и переводим наш iPhone-насос в рабочий режим при помощи «выключателя» на тачскрине... вуаля! Теперь можно задуть свечки на праздничном торте (bit.ly/5OoADh). Гениальное в своей бесполезности приложение.

Sonar Ruler

Братья-программисты Лаан были чуть серьезнее: задействовали не только динамик, но и микрофон, дабы получить эхолоот. Sonar Ruler – это приложение iPhone, позволяющее измерять расстояние. Выглядит результат круто и научно (bit.ly/7EfV1O). По крайней мере, учитель на уроке физики (или биологии – в ходе рассказа о летучих мышах) может показать эксперимент, который стопроцентно будет усвоен школьниками. «Тем не менее, обычную рулетку айфоном не заменить, – сокрушаются авторы приложения. – Точность, особенно вне помещений, никакая, да и результаты зависят от слишком многих факторов: температуры, ветра и т.д.»

iRevolver

Кстати, о рулетках. Напоследок расскажем о приложении – рулетке. Русской. На экране iPhone высвечивается револьвер. При помощи тачскрина можно раскрутить барабан и спустить курок. Лучше, впрочем, один раз увидеть (bit.ly/8KsoXA).

Только не показывайте видео детям и чувствительным персонам (нет, я серьезно: не показывайте!).

Кого читать в русскоязычном Твиттере?

Для тех, кто до сих пор не знает, что такое Twitter – поясню: это интернет-система, при помощи которой можно обмениваться короткими сообщениями, в том числе и с мобильного телефона. То есть, нечто вроде гибрида маленького блога, социальной сети и SMS-сервиса, причем все в реальном времени. Можно написать, чем вы занимаетесь в текущий момент, высказать идею или мнение, и любой твиттерянин, подписанный на вас, сможет тут же прочесть и прокомментировать.

Помимо разговоров, в Твиттере вы сможете стать чуть ближе к миру знаменитостей, узнать, какие напитки распивает Дэнни Де Вито (<http://tiny.cc/dev344>), или, например, где хранится меч Конана у Арнольда Шварценнегера (<http://tiny.cc/sch331>). В США данным сервисом уже пользуются миллионы, а русскоязычная аудитория Твиттера (по различным оценкам там сейчас 50–80 тысяч активных пользователей) еще только набирает силу.

Как предвестник надвигающейся бури 8 ноября 2009 г. в Ярославле состоялась конференция ReTweet09. Это первое в России крупномасштабное мероприятие, посвященное Twitter. Я там побывал, и теперь могу ответить на частый вопрос, кого же читать в русскоязычном Твиттере?

Начнем с самопровозглашенных «евангелистов» – тех, кто ходит «в народ» и рассказывает про Twitter. По-моему, слово не очень серьезное, да, впрочем, и сами «евангелисты» относятся к нему с юмором. Их в российском Твиттере двое: Максим Аль Фарах – @maxt3r (никнеймы пользователей в системе начинаются с символа «собачки» – @) и Миша Квакин – @misha_kvakin.

В Твиттере присутствует и штатный евангелист компании Microsoft Петр

Диденко @pdidenko. Примечательная личность @bobuk (Григорий Бакунов), который руководит департаментом разработки в Яндексе, но более известен как подкастер Радио-Т – еженедельной интернет-программы о высоких технологиях. Если интересуетесь hi-tech, вам также нужно подписаться на Дмитрия Алтухова @daltukhov, он – спец по мобильным телефонам и разработке приложений под них, а в его ленте – отличная подборка новостей из мира новомодных гаджетов и социальных сетей.

В Twitter есть такое понятие, как «масс-фолловер». Это тот, кто подписывается на все чужие записи в надежде, что ему ответят взаимностью. Евгений Козлов @ekozlov – российский чемпион в этом виде спорта, на его счету более 30 тысяч фолловеров. В обычной жизни он – менеджер по развитию из компании Fly, а в русскоязычном Твиттере – пионер и вообще всем ребятам пример. Пишет много и про все на свете, часто ретвитит (цитирует) чужие записи, что почти всегда приносит цитируемой персоне популярность и много новых подписчиков.

Питерец Дамир Халилов @damirkhalilov занимается интернет-маркетингом. У него много полезных записей про блоггеров и для блоггеров. Маруся Подлеснова, известная в русском Твиттере как @marillin, работает в PR и рекламной сфере. Она – создатель и активная проповедница хэштега #sexymonday, под которым твиттеряне по понедельникам вывешивают фотографии, относящиеся, да-да, именно к тому, о чем вы подумали. Также популярный человек @dmitry_vi – создатель сайта twiru.ru, посвященного русскому Твиттеру.

Текст Александр Назаровский,
nazarovsky@gmail.com

Иллюстрация
Анастасия Григорьева

Оригами
origamivideo.net

Любой человек, увлекающийся оригами, рано или поздно спотыкается о схемы сборки. Зачастую они непонятны, а показать правильное действие – некому. Поможет сайт origamivideo.net. Он собирает видеуроки по сборке любых фигурок – от журавликов до гениталий. Уроки рассортированы, поэтому подобрать нужный по вкусу и навыкам – легко. Коллекция постоянно пополняется.

Об оригами знают все: кто в детстве не складывал самолет или шляпу? Но мало кто знаком с киригами – этот вид японского искусства отличается от собрата тем, что в процессе бумагу режут.

Видеоклипы, выложенные на origamivideo.net, хорошо показывают сборку. Их единственный минус – мелковато; некоторые детали иногда додумываешь сам. Надоели тетрадные листки – попробуйте салфетки, полотенца или банкноты. У всего этого сырьё на сайте свои разделы. Некоторые адепты утверждают, что 5-евровая лягушка скачет выше той, что сложена из обычной бумаги. Интересно, прыгнет ли лягушка из рубля выше, чем фигурка из доллара?

Отечественный производитель

В Рунете немного сайтов о хэндмэйде с толковыми видеуроками. Но они есть. Например, на ilovehandmade.ru есть вязание, вышивка и прочий женский досуг. Девушкам нравится; но раздел с видео на ilovehandmade.ru обновляется редко.

Зато skillopedia.ru делает апдейт часто, так как ролики загружают сами пользователи. «Скиллопедия» – это склад более 4500 видеуроков на любые темы: от пируэтов в MS Word до мордобоя. Есть свой уголок и у хэндмэйда. Здесь можно просветиться на предмет того, как самому сделать мелкие игрушки или что-то более крупное: настенные часы или даже собственные обои.

Сам сайт – это сообщество, в котором любой участник может выложить собственный урок или чужой (это не возбраняется). Однако стоит включить информационный фильтр, потому что через стенку с уроками по фотошопу находятся лекции вроде «Каббала: как выжить в этом мире».

Сеть научит!

Лучшие видеуроки ручной работы на русском

Текст Илья Бердников,
theuksound@gmail.com

Иллюстрация
Даша Авдеева

Минимализм artsandcraftstv.com

Хэндмэйду все возрасты покорны – именно эту мысль культивирует artsandcraftstv.com. Из видеуроков, размещенных на этом ресурсе, вы узнаете, как мастерить самые простые вещи из подручных материалов. В одном ролике из пакета молока делают кормушку для птиц, в другом – из коробки собирают хранилище для журналов, в третьем – склеивают маленькую игрушку из помпонов.

Вы когда-нибудь увлекались мыловарением? Если нет, попробуйте с помощью artsandcraftstv.com.

Все уроки очень просты. Какими-то можно воспользоваться самому, а какими-то – вместе с ребенком. Как утверждают авторы сайта, к сборке простейших вещей детей надо приучать с ранних лет. Да и взрослым приятно вспомнить детство, переговариваясь по телефону из бумажных стаканчиков.

Текст
Денис Логинов,
denis@edpnet.be

Янтарное Гаскони

Поначалу арманьячная бутылка имела вид плоской «пиратской» фляги, потом унификация упаковки привела к более-менее стандартной круглой форме

Производство, потребление и коммерциализация арманьяка, по уверениям историков, начались с XV века, а история коньяка, по некоторым данным, – в XVII веке.

Свое имя арманьяк – восхитительный напиток янтарного цвета с невообразимым смешанным ароматом зрелого винограда, орехов и меда крепостью 40° – получил от названия крохотного графства. Графства давно нет, но, по традиции, его бывшую территорию называют Арманьяком.

Известным арманьяк сделали голландцы в XVII веке, когда они начали активно скупать и вывозить почти все вина атлан-

тые свойства самого консерванта.

К концу XVIII века арманьяк стал надежным коммерческим продуктом. Гасконцы старались делать запасы продукта впрок, чтобы поддерживать рынок, и вот тут-то и произошло настоящее открытие. Дубовые бочки, в которые заливался спирт, в процессе хранения и старения алкоголя придавали ему цвет, «округлость» и великолепный аромат. Это уже был не вспомогательный спирт, а отменный самостоятельный напиток. Начались опыты с выдержкой спирта и смешиванием спиртов разных годов сбора винограда и его сортов, в прошлом веке наименования арма-

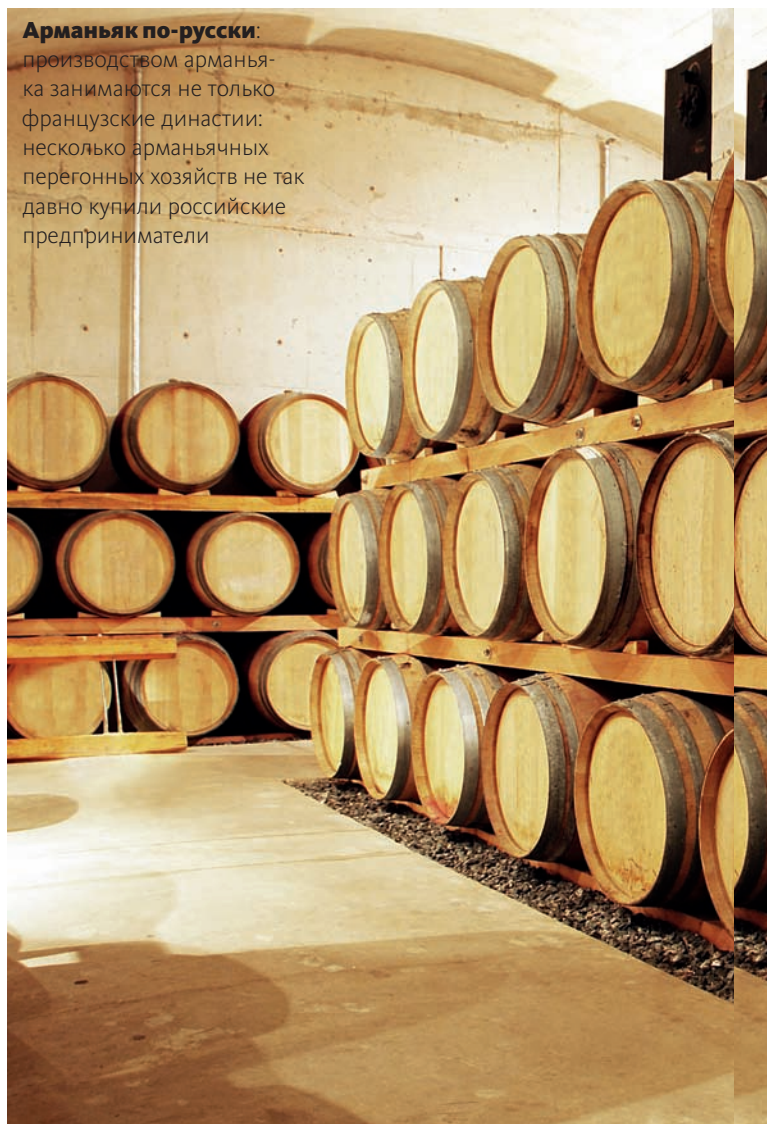
тической части Франции, за исключением бордо, находившегося под полным контролем англичан. Добравшись до Жера, голландцы договорились о закупках гасконских вин. Но бордосцы запретили провоз этих вин в Атлантику речным путем через свою территорию.

Однако запрет был наложен только на вино – алкоголь провозить разрешалось. И тогда гасконцы начали активно перегонять свои вина в спирт.

Голландцы охотно принимали этот товар. Они добавляли винный спирт в вино для его консервации при дальних перевозках. То, что мы теперь называем арманьяком, стало использоваться для консервации запасов солины на кораблях, но моряки очень быстро оценили и питье-

Арманьяк по-русски:

производством арманьяка занимаются не только французские династии: несколько арманьячных перегонных хозяйств не так давно купили российские предприниматели

СОКРОВИЩЕ

Еaux-de-vie, вода жизни, живая вода – так называли этот обжигающий напиток из винного спирта. Многие источники утверждают, что у арманьяка более старая история, чем у коньяка. Говорят также, что и вкус его – более благороден. Но давайте по порядку.

ньяка по происхождению (АОС) и условия его производства закрепили законодательно.

Фундамент производства арманьяка – белые вина, которые используются для перегонки. Метод перегонки арманьяка – это медленная непрерывная дистилляция, как правило, одноразовая, в отличие от коньяка. Полученный бесцветный спирт заливается в новые бочки из гасконского или лимузенского дуба. В течение года-двух свежее дерево отдает винограду спирту свои танины и аромат. Потом будущий арманьяк помещают в старые бочки для закладки на длительное созревание.

Арманьяк бывает миллезимный (обозначаемый годом урожая) или сборный, «ассамбляжный» – из спиртов разной выдержки и разного происхождения. Для ассамбляжа категории «Hors d'Age» самый молодой спирт в составе напитка должен выдерживаться более 10 лет.

То, что арманьяк известен за рубежом не так широко, как коньяк, французы обыгрывают в шутке: они подарили коньяк всему миру, а арманьяк оставили себе. Но шутка эта явно выдыхается. Популярность арманьяка быстро растет, и сегодня в более чем 130 странах ежегодно потребляется 6 миллионов бутылок арманьяка. ☞

В Гаскони арманьяк активно используется как элемент местной кухни. Особенно хорош он со знаменитой гасконской уткой и всеми производными от нее: фуа гра, магре, утинными паштетами. По гасконской традиции арманьяк подается с кусочком сахара. Сахар кладут и в бокал, и употребляют его вприкуску. Это для тех, кто хочет смягчить обжигающий эффект напитка. На основе арманьяка готовятся менее крепкие десертные алкогольные напитки великолепных вкусовых свойств, например, черника на арманьяке.

В завершение хорошего обеда или ужина принято выпить немного арманьяка – от 50 до, максимум, 100 граммов.

Пить арманьяк можно из распространенной «наполеонки» – коньячного бокала с расширяющейся нижней частью сосуда или из небольшого бокала в форме тюльпана. Прежде чем пригубить этот нектар цвета янтаря, необходимо, слегка разогрев бокал в ладонях и осторожно «взвинтив» содержимое, вдохнуть богатейший букет свежераспиленного дуба, прелого виноградного листа, липового цвета, зрелой сливы, ванили, абрикосовой косточки. Запахи в арманьяке играют ничуть не меньшую роль, чем вкус.

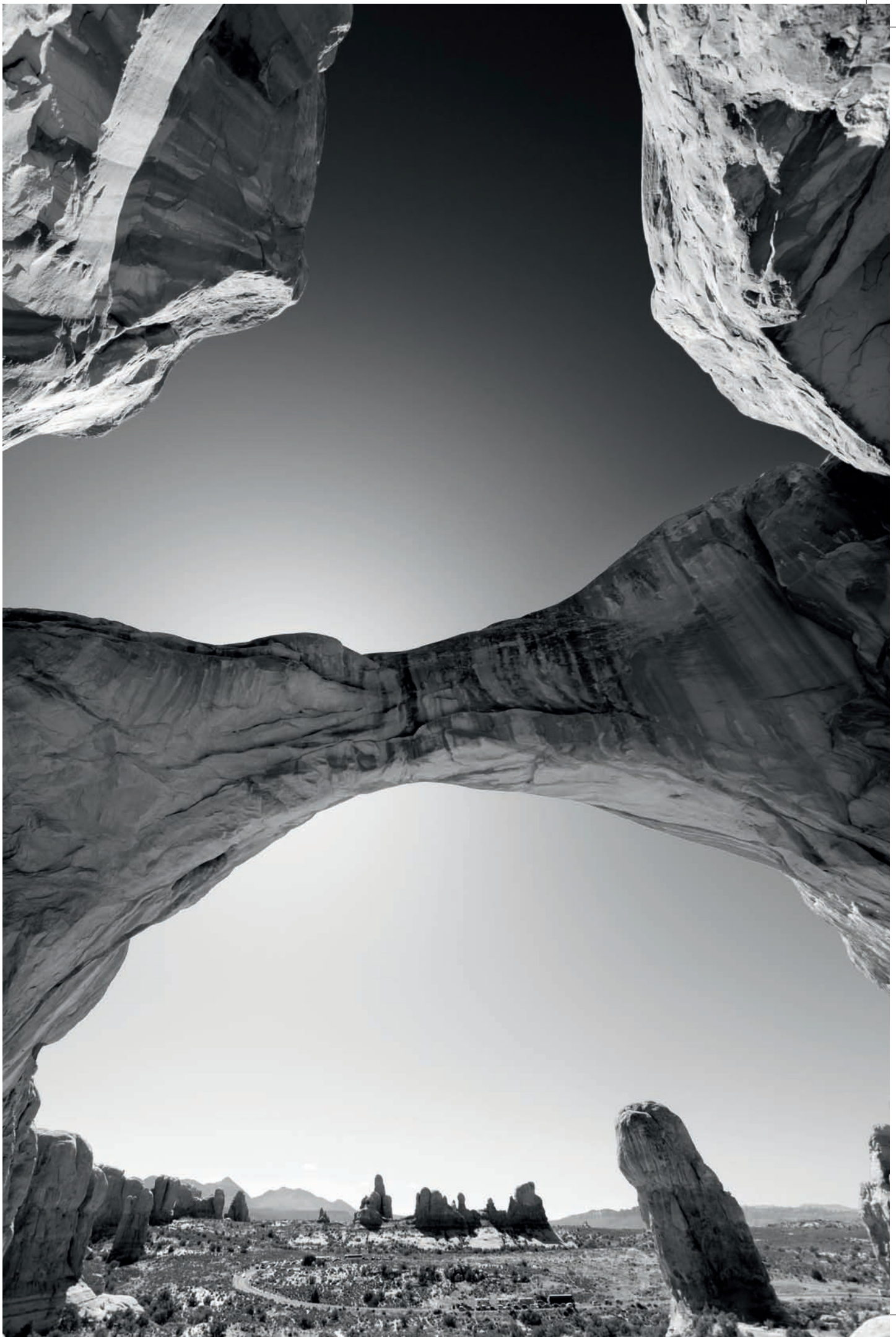

Фото
и текст
Юрий
Пустовой

Америка – это не только гигантские мегаполисы, затянутые в сталь и стекло. И не только уютные маленькие городишки, окруженные полями и лесами. Самые красивые пейзажи США – на юго-западе, где проходит горный хребет Кордильер. Калифорния, Невада, Аризона, Юта, Нью-Мехико – здесь можно встретить практически все ландшафты нашей планеты.

Америка. Юго-Запад

Долина сменяется горной грядой, далее шоссе уводит в пустыню, неподалеку от которой раскинулись озера фантастического цвета, а за ними – солончаки, водопады, каньоны. Оставив машину на мысу под названием Alstrom Point, отправляемся любоваться озером Пауэлл. Горы из красного песчаника врезаются в бирюзовую водную гладь, и на закате озеро наливается сочными красками. Величественное и тревожное зрелище не в состоянии оставить путешественника равнодушным. Но мы не можем задерживаться надолго – нас ждут «Волны».

«Волны» – часть каньона Paria возле городка Пэйдж. Право входа на территорию получают, выиграв в лотерею (!), и это отдельный аттракцион – с азартом, криками, слезами. Выигрывает один из десяти человек. «Волны» невозможно отыскать самостоятельно – карты выдают на следующий день. Полтора-часовой подъем пешком – того стоит. Впечатляют высокие стелы из песчаника, Wahweap Hoodoos и Rim Rock Hoodoos – причудливый результат эрозии почвы.

Финал нашего тура – Долина Монументов, место резервации индейцев наваха. Фотоохота начинается до рассвета. Гид-индеец подвозит открытый джип к первой, предрассветной точке съемки. На фоне темно-синего неба и мерцающих звезд постепенно выделяется силуэт скалы. Рядом со скалами обнаруживаются пещеры или такие вот «глазницы». Их испытующий взгляд, кажется, говорит: ты не сможешь забыть это место, ты еще сюда вернешься. ☑

«Купание
красного
коня», 1912

Эта картина – одно из самых известных полотен Третьяковской галереи. Возможно, самое значительное творение художника; картина, ставшая хрестоматийной, вошедшая во все монографии и альбомы, посвященные русскому искусству начала XX века... А ведь в России ее не видели почти сорок лет – с 1914 по 1950 год!

В 1912 году открылась очередная выставка объединения «Мир искусства», и главным ее событием стало огромное полотно Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня». Руководители объединения понимали, что оно привлечет всеобщее внимание, поэтому поместили его не в общей экспозиции, а повесили над входной дверью в зал – как символ, как программный манифест «Мира искусства» 1912 года. «Огромный, не вмещающийся в размеры полотна величавый и мудрый конь багряным знаменем полыхал над входом первой выставки, куда поместили картину... Казалось бы, все в картине застыло, статично, но от этого красного, от этого синего, от этой застывшей силы веяло неясной тревогой, и зрители, пришедшие на выставку, чувствовали ее», – писал один из современников после выставки.

Текст
Ирина
Опимах

Картина воспринималась как предсказание чего-то важного и трагичного.

Плачь на огненном коне

В 1910–1915 годах Петров-Водкин преподавал в школе Е.Н. Званцевой, с 1918 – в Государственных свободных художественных учебных мастерских (Академия художеств). В 1924 году стал участником объединения «Четыре искусства». В советское время Петров-Водкин больше работал как график и театральный художник.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин родился 15 ноября 1878 года в Хвалынске, маленьком городке Саратовской губернии. Его отец, Сергей Федорович, зарабатывал на жизнь сапожничьим ремеслом. Но его забрали в солдаты, когда Кузьме было три года, и мать, Анна Пантелеевна, вынуждена была подрабатывать, убираясь в чужих домах. Но как только выдавалась свободная минутка, тут же бралась за книгу. От матери и унаследовал будущий художник «запойную» любовь к чтению. А еще ему нравилось рисовать. Он обожал смотреть, как создает веселые лубочные картинки сосед, ночной сторож. Как-то Кузьма оказался в мастерской одного иконописца, и тот, заметив интерес мальчика к краскам и кистям, предложил ему попробовать самому. Оказалось, что это – увлекательнейшее занятие.

Однако Кузьма не сразу понял, что живопись – его призвание. Окончив в Хвалынске четыре класса, он отправился в Самару – продолжать учебу в железнодорожном училище. Практичный юноша считал, что нужно иметь крепкое ремесло, «правильную» профессию. Но судьба распорядилась иначе – его не приняли! Помыкавшись некоторое

время, Кузьма решил продолжить учебу на другом поприще, в классах живописи и рисования самарского художника Ф.Е. Бурова. Через год Буров умер, курсы распались, и пришлось Кузьме, так и не получив толком никаких навыков, вернуться домой, к матери в Хвалынск.

Помог случай. Ю.И. Казарина, у сестры которой в это время работала Анна Пантелеевна, решила строить дачу и пригласила для этой цели из Петербурга известного архитектора и владельца мебельной фабрики Р.Ф. Мельцера. Заезжей знаменитости решили показать работы способного юноши. Мельцер был поражен. У мальчика настоящий талант! Ему нужно учиться живописи, и учиться в Петербурге! Он, Мельцер, непременно поможет с поступлением в хорошее художественное училище. Казарина, в свою очередь, обещала материальную помощь талантливому юноше. Так, в июле 1895 года Петров-Водкин оказался в Петербурге, а в августе уже был зачислен в Училище технического рисования барона Штиглица. Проучившись там два года, он поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где обрел замечательных учителей и друзей:

В. Серова, М. Сарьяна и П. Кузнецова.

Кузьма проучился в училище целых семь лет – помимо живописи его влекла страстная любовь к литературе. Он писал повести, пьесы и даже некоторое время размышлял, что же выбрать – живопись или сочинительство?

Долгое время Кузьма мечтал побывать за границей. Денег на дальние путешествия у него, конечно же, не было, но разве это могло его остановить? Он все-таки отправился за границу... на велосипеде! И доехал на нем до Мюнхена, где взял несколько уроков в школе знаменитого А. Ашбе, которую прошли многие молодые русские художники.

Затем была Франция и еще одно знаменательное событие в жизни Петрова-Водкина – он познакомился с Маргаритой Йованович, дочерью хозяйки пансиона, в котором остановился. Девушка заинтересовалась работами молодого русского, а потом и им самим. А вскоре стала его женой.

Четыре года провел Петров-Водкин в путешествиях – Турция, Греция, Алжир, Пиренеи, Бретань, Италия. Этот сын сапожника с восторгом открывал для себя новый, незнакомый, огромный мир, так непохожий на мир русской глубинки. И непрерывно работал, создавая свой неповторимый стиль. То, что он видел, оставалось на его картинах: парижское кафе, развалины Карфагена, африканская пустыня.

Возвращение на родину было почти триумфальным: журнал «Аполлон» решил организовать персональную выставку Петрова-Водкина, которая была прекрасно принята и публикой, и критиками.

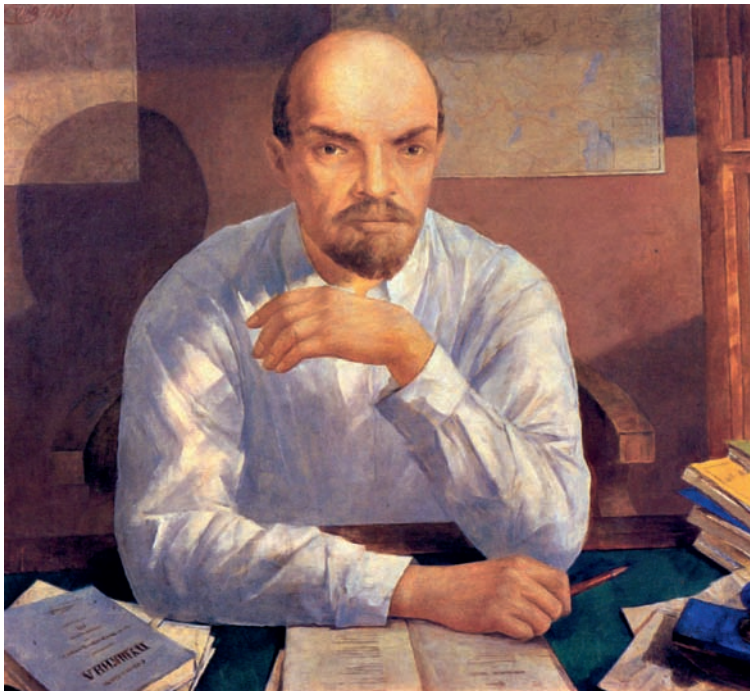
Летом 1912 года одна из учениц Петрова-Водкина, Наталья Грекова, дочь генерала Петра Грекова, пригласила своего учителя с женой провести лето в имении ее отца, располагавшемся на хуторе Мишкина Пристань в Саратовской губернии. Грековы, люди вполне прогрессивных взглядов, часто

принимали у себя гостей из Петербурга и Москвы, а также представителей местной интеллигенции, поэтому молодой художник прекрасно чувствовал себя в их гостеприимном доме.

Наталья обожала живопись, прекрасно играла на рояле, увлекалась модной в те времена фотографией и любила фотографировать своих родных и гостей. На одной из таких фотографий – Мария Федоровна верхом на лошади, которую все в имении звали Мальчик. Вот этот Мальчик и стал прообразом будущего «красного коня».

Возвращаясь в Петербург, Петров-Водкин захватил в Хвалынск, где сделал несколько портретов своего двоюродного брата Шуры Трофимова – так Шура вскоре стал юношей, оседлавшим «красного коня». С этого и началась работа над знаменитой картиной, но пока еще это были эскизы. Постепенно рождалась композиция, наполнялись смыслом и цветом фигуры коня и мальчика. В ранних рисунках и в первом варианте картины (который был уничтожен автором в порыве недовольства собой) все было вполне реалистично. Но вдруг в душе художника что-то произошло – жанровую картинку сельской жизни он отбрасывает и создает глубоко символическое полотно. Образ красного коня – живого, косящего на зрителя глаз и в то же время совершенно неведомого, фантастического, могучего, неукротимого, и юноши, прекрасного, хрупкого отрока, но при этом подчиняющего себе дикое животное – каждый трактовал по-своему, видя в них будущее России, грядущие потрясения, войны, испытания и – надежду...

Идеологи «Мира искусства» очень хотели вдохнуть новую жизнь в свое движение, для чего было решено привлечь молодых художников. Картина «Купание красного коня» оказалась как нельзя кстати. В ней были и традиция, и совершенно новый

Портрет
В.И. Ленина, 1934

живописный язык. Как говорил критик В. Дмитриев, всем, кто ее видел, она казалась знаменем, вокруг которого можно сплотиться. Вот оно, новое искусство, то, что мы ждем, что ищем. После выставки о художнике уже говорила вся артистическая Россия.

В 1914 году в шведском городе Мальме должна была пройти Балтийская выставка, в которой собирались принять участие лучшие российские художники. Среди них – Валентин Серов, Василий Кандинский, Николай Рерих и Петров-Водкин. Семь его картин отправились в Швецию, включая главное его свершение – «Купание красного коня». И в Швеции картина имела такой же огромный успех. Что увидел в ней главный посетитель выставки, шведский король Густав V, можно только догадываться, но, так или иначе, он наградил художника памятной медалью и грамотой.

Началась Первая мировая война, и Россия словно забыла о 50 (!) картинах своих лучших художников, оставшихся в Швеции. А затем – революция, Гражданская война, голод, разруха, нищета... Кто тогда думал об искусстве – выжить бы....

«Купание красного коня» и шесть других картин Петрова-Водкина (как и другие русские картины, экспонировавшиеся на Балтийской выставке 1914 года) долгие годы оставались в Швеции. А Петров-Водкин... писал новые.

Октябрьскую революцию художник воспринял с энтузиазмом, включился в агитационную работу, оформлял спектакли, стал профессором Академии художеств – чтобы помогать молодым талантам в трудное для творческих людей время.

Его картины стали своеобразным памятником эпохи. На полотне «Мать» изображена простая крестьянка, ставшая символом материнского начала, Родины. Натюрморт «Селедка» – картофелины, ломоть хлеба, селедка – скромное счастье времен

Гражданской войны. А вот петроградская мадонна («Петроград, 1918 г.») – жизнь продолжается, несмотря ни на что. В 1928 году Петров-Водкин создает трагическое полотно «Смерть комиссара» – глубокое философское обобщение, это его личное истолкование важнейших проблем человеческого бытия.

В эти же годы Петров-Водкин написал и целый ряд замечательных портретов, среди которых портрет Андрея Белого и ставший классическим портрет Анны Ахматовой.

Во второй половине 1920-х годов врачи обнаружили у Петрова-Водкина туберкулез. Художник изо всех сил старался избавиться от тяжелого недуга, ездил лечиться в Крым, на Кавказ, но все оказалось бесполезно, процесс постепенно принимал угрожающие формы. Но самое страшное – врачи запретили заниматься живописью, так как большим легким противопоказаны пары масляных красок. И тогда художник вспомнил о другом своем увлечении – о давней любви к литературе. Он пишет замечательную автобиографическую трилогию «Хвальнск», «Пространство Евклида» и «Самаркандия» и сам ее иллюстрирует – карандашами. В этой книге – воспоминания о детских и юношеских годах, впечатления о зарубежных поездках, интереснейшие сведения о художественной жизни России начала XX века.

Но болезнь все-таки не отпустила, и 15 февраля 1939 года Кузьмы Петрова-Водкина не стало.

А его «Красный конь» по-прежнему «скакал» в Швеции. И только после Второй мировой войны начались переговоры о возвращении этой и других картин Петрова-Водкина на Родину. Директор музея в Мальме очень не хотел расставаться с русскими картинами и предложил вдове Петрова-Водкина за полотна мужа крупную сумму, но Мария Федоровна отказалась. Для нее было очень важно вернуть их в Россию, и они вернулись в 1950 году, прожив на чужбине 36 лет!

Позже Мария Федоровна продала полотна мужа ленинградской собирательнице К.К. Басевич, которая в 1961 году подарила их Третьяковской галерее.

Так благополучно закончилась история Красного коня.

И теперь каждый, придя в Третьяковскую галерею, может увидеть эту удивительную картину и пережить эмоции, подобные тем, что когда-то захлестнули поэта Рюрика Ивнева:

Зрачки расширились, стою в святом волнении
И слышу запах волн, поющих о весне,
И слышу шепот душ, измученных в гореньях
И юноша, твой плач, на огненном коне... ☞

ЖУРНАЛ
«СМЕНА»
И ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»

РЕКОМЕНДУЮТ

ДЭН БРАУН

УТРАЧЕННЫЙ СИМВОЛ

ОТ АВТОРА
«КОДА
ДА ВИНЧИ»

На прилавках книжных магазинов –
с конца декабря 2009

Человек, называвший себя Малахом, прижал кончик иглы к обритой голове: острое пронзило плоть, и он с наслаждением вздохнул.

Тихое гудение машинки манило и завораживало... как и укусы иглы, проникавшей глубоко под кожу и оставлявшей там краску.

«Я – шедевр».

Татуировки никогда не делались ради красоты. Их накалывали, чтобы измениться: нателенные рубцы нубийских жрецов за два тысячелетия до нашей эры, татуировки служителей культа Кибелы в Древнем Риме, современные маори и их шрамы «моко»... Испокон веков люди татуировали тело, словно принося его в жертву с целью выдержать испытание болью и преобразиться.

Вопреки грозным предписаниям Книги Левит (19:28), запрещавшим наносить на тело отметины, татуировки стали обычным делом для миллионов современных людей – от модничающих подростков до отпетых наркодилеров и провинциальных домохозяек. Это стало способом заявить миру о своем могуществе: «Я властен над своей плотью». Упоительное чувство власти, возникающее при физическом перевоплощении, подтолкнуло миллионы людей к тому, чтобы различными способами изменять внешний вид: пластической хирургии, пирсингу, бодибилдингу, стероидам... даже булимии и смене пола. «Человеческий дух жаждет власти над материальной оболочкой»...

...Три недели назад, пройдя таинственный ритуал, на котором присутствовали влиятельнейшие лица Америки, он был посвящен в тридцать третью степень – высшую степень самого древнего братства на планете. Несмотря на новый градус, братья ничего не открыли Малаху. И не откроют, он это понимал. Так не бывает.

Малах мог ждать сколь угодно долго, но все равно не заслужить их полного доверия.

К счастью, в доверии братьев он больше не нуждался. «Посвящение уже сыграло свою роль».

В радостном предвкушении грядущих событий Малах зашагал в спальню. Из установленных по всему дому динамиков звучала редкая запись: «Вечный свет» из «Реквиема» Верди в исполнении кастрата – напоминание о прошлой жизни. Малах включил громоподобный «Судный день» и под грохот литавр и параллельных квинт легко взлетел по мраморной лестнице; полы кимоно развевались за его спиной.

Желудок недовольно заурчал. Вот уже два дня Малах постился и пил одну воду – готовил свое тело согласно древним обычаям.

«К рассвету я утолю голод, – напомнил он себе. – И жажду мести тоже».

... Так называемый Массонский шифр был в ходу у первых членов братства, которые пользовались им для личной переписки. Алфавит вышел из употребления по очень простой причине – его было слишком легко расшифровать. Большинство старшекурсников, посещавших семинары Лэнгдона по символогии, справились бы с этой надписью за пять минут. Сам профессор при наличии ручки и листа бумаги мог декодировать ее меньше чем за минуту.

Это обстоятельство позволяло Лэнгдону сделать два вывода. Во-первых, он был отнюдь не единственным человеком на свете, способным дешифровать надпись на пирамиде. Во-вторых, Сато почему-то решила, что этот код – дело государственной важности. С тем же успехом она могла заявить, что пусковые коды ядерных ракет раскрываются при помощи игрушечного шифровального кольца из коробки с поп-корном. Лэнгдону не верилось в этот абсурд. «Надпись на пирамиде указывает, где хранится мудрость веков?!»

... Тогда его звали не Малах. Да что там, у него вообще имени не было. «Заключенный №37»...

... Малах знал, что после сегодняшних событий не сможет вернуться домой.

«В этом больше не будет необходимости», – с улыбкой подумал он.

Интересно, Роберт Лэнгдон уже знает об истинной силе пирамиды... и о том, какую роль ему предстоит сыграть?

...«Тайна сокрыта внутри Ордена, – размышлял Лэнгдон. – Спасибо, подсказали...»

Он поймал себя на мысли, что, возможно, Питер сам заблуждался относительно содержания шкатулки. Ведь пирамиду с наверху создали задолго до появления Питера на свет, и он просто следовал завету предков, храня тайну, о сути которой знал не больше Лэнгдона и Кэтрин.

«А чего я ожидал? – подумал Лэнгдон. Чем больше становилось известно о легенде масонской пирамиды, тем труднее было в нее поверить. – Отыскать потайную винтовую лестницу, прикрытую огромным валуном?»

Профессора не покидало чувство, что он гоняется за теньями.

... Волшебный, или магический квадрат. Точно. Кэтрин присмотрелась к решетке с цифрами, изображенной на гравюре. Большинство решило бы, что Лэнгдон тронулся умом, но Кэтрин моментально сообразила: он прав. Никакой мистики. «Волшебный квадрат» – термин чисто математический. Это квадратная таблица, заполненная последовательностью чисел таким образом, что сумма в каждой строке, столбце и по диагонали получается одинаковой. Первые такие квадраты были созданы

четыре тысячи лет назад в Индии и Египте, и кое-где по сей день верят в их магическую силу. Кэтрин читала, что даже в наше время набожные индуисты чертят на алтаре для совершенных пуджи особые квадраты три на три клетки под названием Кубера-колам. Но все же в современном мире магический квадрат перешел скорее в разряд «математических развлечений» – людям нравится ломать голову, пытаясь отыскать новые «волшебные» комбинации. «Судoku для гениев».

Кэтрин быстро подсчитала в уме, сложив числа в нескольких строках и столбцах дюрерова квадрата.

... – Тридцать четыре, – огласила она результат. – В любом направлении.

— Правильно, – подтвердил Лэнгдон. – А ты знаешь, чем знаменит именно этот квадрат? Тем, что Дюреру удалось осуществить, казалось бы, невозможное. – И он наглядно продемонстрировал Кэтрин, что сумма тридцать четыре получается не только при сложении чисел по вертикали, горизонтали и диагонали, но также во всех четырех четвертях, в центральном четырехугольнике и даже при суммировании четырех угловых клеток. – А самое удивительное, что Дюрер к тому же умудрился вписать в нижний ряд 15 и 14, обозначив год совершения этого невероятного подвига! Кэтрин заскользила взглядом по клеткам, поражаясь количеству комбинаций, дающих одинаковую сумму.

В голосе Лэнгдона слышалось растущее восхищение.

... Малах понимал, что нельзя терять время – тем более, раз в дело вмешалось ЦРУ. Широким шагом он направился к Лэнгдону. Профессор лежал в отключке – и вряд ли мог очнуться в ближайшее время. С благоговейным трепетом Малах перевел взгляд на каменную пирамиду, валяющуюся на полу, рядом с раскрытым портфелем профессора. У него захватило дух, а в груди будто паровой молот зачастил.

«Я ждал столько лет...»

Дрожащими руками он поднял масонскую пирамиду с пола, с замиранием сердца медленно провел пальцем по высеченным на камне значкам и, не давая себе увлечься, сунул пирамиду в портфель, где лежало наверху.

...В голове у Лэнгдона пестрым хороводом крутились мысли – сны, воспоминания, надежды, страхи, откровения – и уплывали под купол Ротонды. Когда веки снова начали слипаться, профессор вдруг увидел перед собой латинскую фразу, выписанную на фреске «Апофеоза».

«E pluribus unum».

«Из множества – один!» ...

Ивен Хантер

Падший ангел

Перевод с английского
Дмитрия Павленко

ОН явился ко мне рано утром – когда я составлял бухгалтерскую ведомость для своего маленького цирка. Рабочие сворачивали шатер и собирали реквизит, готовясь к переезду в следующий городишко, а я сидел у себя в вагончике с гроссбухами, записывая, кому сколько причитается, – может быть, потому и не услышал, как открылась дверь.

Когда я поднял голову, передо мной стоял долговязый мужчина средних лет. У него было узкое лицо с маленькой щеточкой усов и карими глазами, а черные волосы торчали дыбом.

– Мистер Маллинз? – осведомился он с какой-то странной, кривой улыбочкой.

– Да, – кивнул я. – Но я занят.

– Я не отниму у вас много времени, – тихо проговорил он и подошел к столу – мягкой, скользкой походкой, словно двигался на смазанных роликах.

– Мне все равно, сколько времени это займет. Я занят по горло.

– Меня зовут Сэм Анджели.

– Рад знакомству, мистер Анджели, – буркнул я. – А меня – Энтони Маллинз. Очень жаль, что вы так торопились, но...

– Я воздушный гимнаст, – перебил он меня.

– У нас уже есть три воздушных гимнаста, – сухо сообщил я, – и все они – отличные исполнители. Наш бюджет не позволяет...

– Но такой, как Сэм Анджели – только один, – усмехнулся он, ткнув себя большим пальцем в грудь.

– Что есть, то есть, – согласился я. – Если перечислять их в алфавитном порядке, то это: Сью-Эллен Брэдли, Артур Фарнингс и Эдвард-Великий.

– Но не Сэм Анджели.

– Нет, конечно. Было бы трудно звать их всех Сэмами Анджели, поскольку они даже не родственники. Даже если бы и так, то для цирка это не годится... будь они хоть тройняшками!

– Сэм Анджели – это я. И я лучший, – самоуверенно заявил он.

– Я еще не встречал ни одного воздушного гимнаста, который бы не считал себя лучшим на свете.

– В моем случае это – истинная правда.

Я молча кивнул и, пожевав немного сигару, вернулся к своим книгам. А когда вновь поднял голову, он по-прежнему с улыбкой стоял передо мной.

– Послушайте, друг мой, я искренне сожалею, что для вас нет места, но...

– Почему бы вам не взглянуть на то, что я умею?

– Я очень занят.

– Ваш главный купол все еще установлен.

Просто уделите мне пять минут, только и всего.

– Друг мой, с какой целью? У меня уже есть...

– Мистер Маллинз, можете захватить ваши книги с собой... и не пожалеете.

Я посмотрел на него, а он уставился на меня – с таким проникновенным выражением, что я почему-то и впрямь поверил, что не пожалею, посмотрев его номер.

– Хорошо, – кивнул я. – Но мы лишь напрасно теряем время.

– Времени у меня сколько угодно, – пожал он плечами.

Когда мы с Анджели вошли внутрь, он внимательно посмотрел на трапецию, а я с сарказмом поинтересовался:

– Не слишком ли высоко для вас?

Он в ответ лишь небрежно пожал плечами.

Иллюстрация
Лев
Рябинин

– Я бывал и выше, друг мой... гораздо выше. И тут я заметил, что страховочная сетка уже снята.

– Ничего не получится, сетки нет.

– Мне не нужна сетка, – отмахнулся он.

– Вы собираетесь сломать себе шею с помощью моего реквизита? Предупреждаю – моя страховка не покрывает...

– Никто шеи не сломает, – холодно перебил меня Анджели. – Лучше присядьте.

Я пожал плечами и сел, думая о том, что, в конце концов, это его шея, и надеясь, что доктор Липски не пьян, как обычно. А Анджели начал взбираться на трапецию.

– О'кей, вы готовы? – наконец окликнул он меня.

– Готов.

Я задрал голову.

– Дело будет так, – прокричал он, сидя на трапеции, – ему пришлось кричать, потому что она находилась в доброй сотне футов над манежем. – Я раскачиваю вторую трапецию, а потом – ту, на которой сижу. И перепрыгиваю с одной – на другую. Все ясно?

– Все! – крикнул я в ответ. По природе я человек спокойный и не люблю кричать, а кроме того, он собирался выполнить самый элементарный трюк воздушных гимнастов, так что удивляться было нечему.

Анджели оттолкнул вторую трапецию, и она пошла от него по ровной дуге, затем вернулась, и он оттолкнул ее вновь – на этот раз дальше и выше. Затем раскачал перекладину, на которой стоял сам, и обе трапеции принялись летать взад-вперед, каждый раз подскакивая все выше и выше. Он встал на перекладину, глянул на вторую трапецию, рассчитывая прыжок, а потом крикнул мне:

– Чтобы было интереснее, я сделаю кульбит!

– Валяйте!

– Ап!

Его трапеция скользнула вниз и пролетела вперед, а вторая достигла конца своей траектории и пошла назад. Слегка согнув ноги в коленях и пригнув голову, он рванулся вперед – то есть пошел на кульбит.

Анджели сделал отличный чистый переворот и протянул руки к перекладине второй трапеции, но та уже была слишком далеко. Его пальцы схватили воздух, и он, упустив трапецию, полетел на арену головой вниз.

Я вскочил, разинув рот, вспомнив, что под ним нет страховочной сетки, и представляя, какое месиво сейчас увижу на полу арены. Он камнем рухнул вниз, а я зажмурился от ужаса и стиснул кулаки в ожидании звука удара. В шатре наступила мертвая тишина. Я вздохнул и осторожно приоткрыл глаза.

Сэм Анджели встал и, небрежно стряхивая опилки с одежды, спросил:

– Ну как, вам понравилось?

Некоторое время я стоял столбом, потрясенно пялясь на него.

– Вы... вы...

– Вам понравилось? – повторил он.

– Доктор Липски! – завопил я. – Док, быстро сюда!

– Никакой доктор не нужен, – с улыбкой заявил Анджели, подходя ко мне. – Как вам мое падение?

– Падение?... Я не... Вы хотите сказать?..

– Падение, – кивнул Анджели. – Классная работа, правда?

– То есть?

– Надеюсь, вы не думаете, что я упустил перекладину случайно? Выполняя такой детский трюк?

– То есть, вы... упали нарочно? – Я сглотнул и уставился на него: все кости целы, следов крови не видать...

Публика чуть подалась вперед, как бывает обычно, когда вступает дробь, и Анджели, раскачав трапеции, изготовился к прыжку в перекрестье лучей прожекторов. Дробь не умолкала, и тут гимнаст, подпрыгнув, перевернулся раз... два... а затем вытянул руки к перекладине, но его пальцы соскользнули... и он полетел вниз.

– Разумеется, мистер Маллинз, – улыбнулся он. – Это – моя специальность, я сам ее придумал. Знаете, почему публике нравятся выступления на трапеции? Вовсе не потому, что для этого нужно какое-то особое умение, а потому, мистер Маллинз, что все люди по своей натуре порочны. Они приходят полюбоваться, как этот болван на верхотуре рано или поздно сорвется и свернет себе шею!.. Вот я и придумал этот трюк. Если публике так уж охота посмотреть на сорвавшегося гимнаста, то – пожалуйста. И начал учиться падать.

– То есть?

– Поначалу я падал с кровати, потом из окна первого этажа, потом – с крыши... и наконец, совершил свое самое большое падение, которое... Впрочем, вам это ни к чему. Суть в том, что теперь я могу упасть с любой высоты. Если честно, ваша трапеция подвешена довольно низко.

– Довольно низко, – тихо повторил я.

– Да.

– В чем дело?! – выпалил доктор Липски, врываясь в шатер в расстегнутой рубашке. – Что стряслось?

– Ничего, – пробормотал я, медленно качая головой. – Все о'кей, док.

– Тогда какого черта?..
 – Я лишь хотел сообщить вам, что мы только что наняли нового воздушного гимнаста.
 – М-да? – промычал пьяный как обычно доктор Липски. – Вот и славно!

Мы переехали с другой город, и я представил Анджели своим остальным гимнастам: Сью-Эллен, Фарнингу и Эдварду-Великому. В то время я был куда моложе и любил полюбоваться стройными ножками в трико, а у Сью-Эллен они были что надо. Еще у нее были прекрасные светлые волосы и голубые глаза, и когда я знакомил ее с Анджели, эти самые голубенькие глазки окинули его таким взглядом, что мне закралась в голову мысль – а не совершил ли я ошибку, наняв его? Я объявил им, что сегодня Анджели попользуется шатром один, и весь день просидел, наблюдая, как он прыгает к трапеции, промахивается, летит вниз и падает: на нос, на голову, на спину и так далее. Особенно внимательно я пытался уловить момент, когда он падал, но каждый раз вокруг него взмывало облако опилок, и мне так и не удавалось разглядеть, что с ним происходит внутри. Тем не менее, он каждый раз вставал, отряхивался, и я бежал к нему, предполагая найти сотню переломанных костей, а то и пробитый череп, но он стоял с приятной улыбкой на лице, словно ниоткуда и не падал.

– Это потрясающе! – сказал я ему. – Почти сверхъестественно!

– Знаю, – спокойно кивнул он.

– Мы начнем сегодня же! – распаясь все больше, воскликнул я. – Вы готовы начать сегодня?

– Я могу начать когда угодно.

– Сэм Анджели!.. – воскликнул я, взмахнув рукой, словно уже был в перекрестье прожекторов. – Сэм Анджели!.. – Тут я запнулся и опустил руку. – Это ужасно.

– Я уже все придумал.

– Что?

– Сценический псевдоним.

– И какой же?

– Падший Ангел.

В тот вечер публики было не слишком много. Сью-Эллен, Фарнингс и Эдвард-Великий вышли на манеж и проделали все свои обычные трюки, но народ реагировал вяло, и все аплодисменты уместились бы в баночке из-под сардин. Кроме меня. Когда я видел Сью-Эллен, то аплодировал, как сумасшедший, и мне было плевать на публику. Когда гимнасты покинули манеж, вышел я и объявил:

– Леди и джентльмены, а теперь я с огромным удовольствием представляю вам американскую премьеру великого артиста... Итак, Падший Ангел!

Разумеется, никто из публики и глазом не моргнул.

– Обратите внимание, – продолжал я, – что страховочные сетки убраны из-под трапеций, а сами трапеции – подняты под купол цирка. Падший Ангел выступит перед вами на высоте ста пятидесяти футов, без страховки, и исполнит самые сложные смертельные трюки...

Публика слегка оживилась, но особого восторга не выказала.

– А теперь... – крикнул я, – Падший Ангел!

Анджели вышел на манеж: длинный, тощий и мускулистый – в красном трико, усыпанном золотыми блестками. Когда он ухватился за веревочную лестницу, было заметно, что зрители уже начинают потихоньку скучать от всех этих акробатов. Достигнув нужной высоты, Анджели немного поразмялся, раскачиваясь и перепрыгивая с одной трапеции на другую, при этом сделал несколько весьма сложных кульбитов. Затем он взглянул на оркестр, Чарли начал выбивать дробь, а я крикнул в мегафон:

– А теперь – леденящее кровь двойное сальто на высоте ста пятидесяти футов – без страховки!

Публика чуть подалась вперед, как бывает обычно, когда вступает дробь, и Анджели, раскачав трапеции, изготовился к прыжку в перекрестье лучей прожекторов. Дробь не умолкала, и тут гимнаст, подпрыгнув, перевернулся раз... два... а затем вытянул руки к перекладине, но его пальцы соскользнули... и он полетел вниз.

Какая-то женщина пронзительно взвизгнула, все до единого повскакали с мест, и из четырех сотен глоток одновременно вырвалось изумленное «Ах!» Анджели падал... падал... падал... (женщины начали закрывать глаза и визжать, а мужчины – отворачиваться), пока камнем не рухнул на арену, подняв облако опилок, и над публикой пронеслось приглушенное «Ох-х-х!» Все стояли, испуганно притихнув и ожидая развязки.

А затем Падший Ангел как ни в чем не бывало легко вскочил на ноги и, спокойно отряхнув свое красное трико, посмотрел на публику и улыбнулся – широкой счастливой улыбкой. После чего, одарив улыбкой и вторую половину зала, протянул к зрителям руки, словно говоря:

– Мои детишки! Мои чудесные маленькие детишки!

Публика кричала и свистела, топала и орала, некоторые даже вопили: «Браво! Брависсимо!»... Стоявшая рядом со мной Сью-Эллен вздохнула и прошептала:

– Тони, это потрясающе!

Несмотря на крики «Анкор!», в тот вечер я не стал выпускать Анджели «на бис», а, наоборот, спрятал подальше и стал дожидаться аншлага.

«Лавина» обрушилась на нас следующим вечером. Мы гастролировали в маленьком городке, но, по моему, все, кто был в состоянии шевелить ногами, явились на выступление. Они заполнили шатер до отказа, стоя в проходах, пихаясь и толкаясь, с нетерпением пропуская прочие номера программы, но когда вышли воздушные

гимнасты, толпа оживилась, потому что ждала именно Падшего Ангела – уж очень всем хотелось убедиться, что слухи о нем – чистая правда.

Когда я объявил его выход, наступила полная тишина. Анджели вышел, взлетел на перекладину и вновь принялся показывать свое мастерство, но все ждали двойного сальто, зная, что он упал именно во время этого трюка.

Но Анджели оказался отличным актером, понимая, что главное в его шоу – это элемент неожиданности. Так что на этот раз он не стал доводить дело до двойного сальто, а просто в процессе одного из самых рутинных трюков раскочкал трапецию и рванул к ней, только промахнулся и сорвался вниз. Публика с воплями вскочила на ноги.

Многие пропустили само падение, но в этом то весь «фокус» и заключался, ибо они пришли и на завтра, но Анджели никогда не повторялся. Он падал то в середине выступления, то под конец, а как-то раз упал вообще в самом начале, едва прыгнув на трапецию. Однажды он блестяще выполнил всю программу, но, спускаясь по веревочной лестнице, зацепился ногой за ступеньку и под пронзительный визг кувыркнулся на манеж.

И после каждого выступления он подходил ко мне со сверкающими глазами и повторял:

– Тони, ты их слышал? Они хотят, чтобы я упал и свернул шею!

Возможно, так оно и было. А может, они радовались тому, что после падения он поднимается живой и невредимый. Как бы то ни было, но работал он чудесно. Бизнес процветал, и я начал подумывать, не обновить ли верх купола или даже ввести в программу номер с каким-то дрессированным животным. Я повысил всей труппе жалование и прикидывал, не увеличить ли свою долю, но самое главное – был готов задать Сью-Эллен вопрос, который собирался задать уже давно. И все это – благодаря Сэму Анджели. Как-то вечером я застал ее наедине, неподалеку от слоновника.

– Послушай, Сью-Эллен, – начал я, – у меня уже давно кое-что на уме.

– Что именно, Тони? – невинным тоном спросила она.

– Я владею всего лишь маленьким цирком, и, сама знаешь, богачом никогда не был, а посему боялся даже об этом заикнуться. Но сейчас, когда дела резко пошли в гору...

– Не надо, Тони, – остановила она меня.

– Прошу прощения, Сью-Эллен?

– Не надо ни о чем просить. Не знаю, возможно, раньше я бы ответила «да», но не сейчас. С тех пор, как я встретила Сэма, он – все, что мне нужно в этой жизни. Понимаешь?

– Полагаю... да.

– По-моему, я его люблю.

Я молча кивнул.

– Тони, мне ужасно жаль, но...

– Дорогая, если это принесет тебе счастье... – Закончить фразу у меня просто не хватило сил.

Возможно, мне стоило тут же уволить Анджели, но разве любовь уволить? Вместо этого я с головой ушел в работу, стараясь пореже сталкиваться со Сью-Эллен. Я научился предсказывать реакцию зрителей и, поняв, что, как ни крути, Фарнингс и Эдвард (от титула «Великий» пришлось отказаться) уступают Падшему Ангелу, придумал для них свою программу, а Сью-Эллен ввел в номер Анджели – теперь у него появилась партнерша, с которой можно предварительно «поиграть», сделав падение более эффектным.

В ее обязанности не входило ничего сложного: обычно либо она ловила партнера, либо он – ее, однако все заканчивалось впечатляющим падением Анджели из-под купола цирка: самое замечательное заключалось в том, что ей не приходилось рассчитывать время. Поначалу я пытался предсказать «тот самый» момент, но в итоге бросил это бесполезное занятие. Мне было очень больно наблюдать, какими восхищенными глазами смотрит на него Сью-Эллен, однако если она была счастлива...

А затем меня осенила гениальная идея! Чего ради мыкаться с маленьким шапито, когда можно объединиться с кем-нибудь еще и расширить дело?

Я разослал это предложение ряду крупных цирков, особо отметив, что с парнем, который и является «гвоздем программы», у меня эксклюзивный контракт, и надо понимать, что в случае чего Падший Ангел уйдет вместе со мной. Судя по всему, земля уже полнилась слухами, потому что в ответ посыпалась лавина писем от «крупных шишек». Все, как один, утверждали, что готовы объединиться с моим маленьким предприятием при условии, если мой артист – именно тот, о котором они слышали.

Всем заинтересованным лицам я отправил приглашение посетить мое обычное представление в пятницу вечером, чтобы они смогли лично по реакции публики убедиться, на какие чудеса способен Падший Ангел. Наутро на моем столе лежала пухлая пачка телеграмм, и я понял, что не прогадал!

Всю пятницу в цирке творился настоящий бедлам.

Вообще-то, это обычное дело для любого цирка, но в тот день разборки начались с самого утра. Сначала ко мне ворвалась Фифи, наша наездница-француженка в своих ослепительно-белых бриджах.

– Мой конечек! – с ходу выпалила она, гневно сверкая карими глазами. – Мой бедный лошадак!

– Что с ним такое?! – встрепенул я.

– Что такое?! – взорвалась она. – С ним?

– Да, что?

– Нет, с ним все в порядке! – гаркнула Фифи. – Не в порядке с этот чертофф Хосе Эсперанса, который я собираюсь свернуть его тощую...

– Успокойся, милая. Давай по порядку.

– Я сказать ему – ведро ячменного, а не овсяного! От Жужу зависеть мой здоровье и жизнь, а он ест только ячменный, и я сказать этот проклятый Хосе...

– Хосе! – рывкнул я. – Хосе Эсперанса, мигом сюда!

Хосе был маленьким пуэрториканцем, взятым совсем недавно – симпатичный парнишка с карими, прямо-таки телачьими глазами и вечной улыбкой. Однако стоило ему сунуть голову в мой вагончик, при виде Фифи улыбка мигом погасла.

– Хосе, это правда, что Фифи просила накормить Жужу ячменем, а ты задал ему овса?

– Si, se or! – кивнул он. – Правда.

– Господи, Хосе, но почему...

– У меня не получилось, se or!

– Это почему?

Хосе опустил голову.

– Из-за коня, сеньор. Он мне нравится. Хороший конек и всегда меня слушается.

– Ну и какие проблемы с ведром «ячменного»?

– Сеньор, – умоляюще глядя на меня, проворчал Хосе. – Я не хотел, чтобы конь напился пьян.

– Пьян? То есть?

– Но, сеньор... целое ведро ячменного виски? Это много даже для лошади. Я не думал...

– Господи! – простонала Фифи. – Бог с ним, теперь я сама буду кормить коня.

Она выбежала из вагончика, а Хосе с тревогой спросил:

– Сеньор, я сделал что-нибудь не так?

– Все в порядке, Хосе, – успокоил я его. – Иди работай.

Я покачал головой, Хосе убежал, а когда я обернулся, передо мной стоял Сэм Анджели. Я не слышал, как он вошел, и мне даже стало интересно, давно ли он здесь, а потому спросил:

– Славный мальчик, верно?

– Если тебе такие нравятся...

– Ну, попомни мои слова, этот-то уж точно попадет в рай.

– Возможно, – усмехнулся Анджели. – Тони, я хотел с тобой поговорить.

– О чем?

– Об этих важных персонах, что сегодня будут на представлении. Чтобы посмотреть на меня.

– А что с ними такое?

– С ними все в порядке. Но представь себе... просто на минутку... что будет, если я не упаду?

– В каком смысле?

– В самом обыкновенном. Что будет, если я сегодня не упаду?

– Это просто глупо. Ты обязан упасть.

– Неужели? Где это сказано?

– В твоём контракте. Ты же подписал...

– Тони, в контракте нет ни слова о том, что я должен падать.

– Послушай, что ты задумал? Это подстава?

– Ничего подобного. Мне всего лишь пришлось в голову, Тони, что, если сегодня все пройдет, как по маслу, ты станешь большим человеком. Но что от этого получу я?

– Ты хочешь прибавки, так, что ли? О'кей. Ты ее получишь.

– Мне не нужна прибавка.

– Тогда что?

– Всего лишь одна мелкая... пустяковина. Не-что, не имеющее финансовой ценности.

– А именно?

– Тони, почему бы нам не заключить сделку... так сказать, ударить по рукам? И если я сегодня упаду, то взамен получу некую пустяковину, совершенно не имеющую финансовой стоимости?

– И что это за пустяковина?

– Так мы договорились?

– Мне надо подумать.

– Тогда все отменяется.

– Нет, постой. Никак, под этой «пустяковинной» ты подразумеваешь Сью-Эллен?!

– Чтобы заполучить ее, мне не надо заключать никаких сделок! – самодовольно осклабился Анджели.

– В таком случае – деньги?

– Нет, стоимость подобных вещей не измеряется деньгами.

– Тогда зачем тебе она?

– Я их коллекционирую.

– И у меня она есть?

– Безусловно.

– И это не стоит денег?

– Нет, Тони, ни цента.

– Но что это?

– Тони... да или нет?

– Н-не знаю. Прямо скажем, довольно странный способ...

– Поверь, для тебя она не представляет никакой материальной ценности. Ты даже не почувствуешь ее утраты. Но, если хочешь, чтобы я сегодня упал, то прошу лишь об одном – отдать ее мне. Чтобы договориться, нам достаточно пожать руки.

– Ты несешь такую же чушь, что и Фифи!

– Так мы договорились? Если я упаду, то получу, что хочу?

– Ладно, договорись, – пожал я плечами. – При условии, что ты ничего не переврал. Что для меня она не представляет материальной ценности.

– Не переврал. Ну, так что, Тони, пожмем друг другу руки?

Он протянул мне руку, и я пожал ее. В этот момент его глаза блеснули торжеством, но его ладонь оказалась такой холодной, что я тут же отдернул свою.

– Итак, – устало произнес я, – что ты от меня хотел получить?

От ледяной улыбки Анджели меня зазнобило.

– Всего-навсего твою душу...

Внезапно я оказался в вагончике один – Анджели словно испарился, – а затем дверь распахнулась, и вошла Сью-Эллен... с ужасом глядя на меня.

– Прости, но я все слышала, – прошептала она. – Подслушивала у двери... Тони, что ты будешь делать?.. Что нам всем теперь делать?

– Деточка моя, – потрясенно прошептал я, – неужели подобное возможно? С виду он такой же, как мы с тобой. Как я мог на такое поддаться?

– Тони, мы должны что-то придумать, – мотнула головой она. – Остановить его!

Напоминаю, в тот вечер цирк был набит под завязку. Зрители сидели, стояли, висели на канатах – повсюду. Первые ряды были заняты «шишками», лишь терпевшими мое, прямо скажем, довольно посредственное шоу, с нетерпением дожидаясь появления Главного Чуда – Падшего Ангела.

Я вышел на арену и с жалкой улыбкой пролепетал:

– Прошу прощения, господа, но пришла пора объявить следующий номер...

Обитатели первых рядов сверкнули зубастыми улыбками, понимающе кивнули, блеснули золотыми запонками и заколками для галстуков, пыхнули дымом первоклассным кубинских сигар, и мне вдруг ударила в голову совершенно дикая мысль: «ДА, МАЛЛИНЗ, ТЕПЕРЬ ТЫ МОЖЕШЬ ДО ТОШНОТЫ ОБКУРИТЬСЯ ЭТИМИ ПРОКЛЯТЫМИ СИГАРАМИ, НО ДУШУ-ТО СВОЮ ТЫ УЖЕ ПРОДАЛ!»

Но стоило мне объявить номер, как я испытал настоящее потрясение, увидев рядом с собой всех своих воздушных гимнастов: Сью-Эллен, Фарнинга, Эдварда и... Падшего Ангела. Стоило мне глянуть на Анджели, пересекавшего луч прожектора, все мои сомнения отпали разом – он не отбрасывал тени.

И тут... я с изумлением увидел, как вся моя воздушная труппа проворно поднялась по лесенкам на трапеции. На лице Анджели играла победная улыбка, но лица остальных троих были крайне напряжены и серьезны.

Они проделали несколько трюков, однако по выражению лиц «больших шишек» было видно, что для них это обычное дело – не более того. Повернувшись к оркестру, я вскинул руки и, постепенно нагнетая напряжение, выкрикнул:

– А теперь, леди и джентльмены, Падший Ангел исполнит перед вами свое смертоубийственное, леденящее кровь, душераздирающее тройное сальто на высоте ста пятидесяти футов под куполом цирка... без страховки!

Сью-Эллен послала свою трапецию к нему, Анджели: свою – ей навстречу... Сью-Эллен, поймав его за запястья, принялась его раскачивать... и все вокруг затаили дыхание, предчувствуя, что за этим последует... И только я один знал, что случится, если он и в самом деле упадет. Наша сделка... наша дьявольская сделка... Я и Сью-

Эллен, приготовившаяся к прыжку Анджели, как пантера...

Чарли, как обычно, выбил свою барабанную дробь, от которой волосы вставали дыбом, резко смолк, и, Анджели, отпустив трапецию, перекувыркнулся в воздухе раз... два... три... но ладони Сью-Эллен впились в его запястья мертвой хваткой! Снизу я не видел его лица, но, казалось, он отчаянно пытается вывернуться. Этой секунды хватило, чтобы сзади подлетела трапеция с Эдвардом – Эдвардом Великим!, – мгновенно сцапавшим его за щиколотки. Анджели хлопнул в ладоши и бешено засучил ногами, пытаясь освободиться, но тот сработал безукоризненно. Вместо того, чтобы обхватить его за талию, он пустил трапецию назад, и запястья Анджели испытали на себе стальные объятия Фарнинга!

Тот, словно младенца, подбросил Анджели вверх, его мгновенно перехватила Сью-Эллен и без промедления отправила обратно. Только тут до меня начало доходить, что на высоте ста пятидесяти футов происходит настоящее сражение! Затем Фарнингс перепрыгнул на трапецию Сью-Эллен, и они оба синхронно соскочили на промежуточные маты. После чего Эдвардс, совершив изящнейший кульбит, перевернул Анджели с ног на голову и аккуратно, словно младенца, водрузил его между Сью-Эллен и Фарнингсом, не замедливших заключить его в крепчайшие объятия!

Слушая негодующий свист и улюлюканье толпы, я не мог сдержаться от улыбки. Какая разница! «Большие шишки» выказывали первые признаки беспокойства, хотя им и доводилось слышать, что Анджели, бывает, падает в самый последний момент, так что по-прежнему оставались на местах. Однако сегодня Анджели упасть не было суждено, ибо Сью-Эллен, что было сил, цеплялась за его запястье, а Фарнингс – за лодыжку. Постепенно зрители начали вставать и расходиться, – а вслед за ними и "большие шишки" с мрачными минами на физиономиях, проклиная меня, на чем свет стоит.

Когда ко мне подскочил Анджели, на его лице вместо обычной улыбки багровела столь яростная гримаса, словно он был готов взорваться.

– Ты надул меня! – выкрикнул он. – Провел, как мальчишку!

– Пошел ты к черту! – негромко сказал я ему и... он мгновенно исчез!

Ну, что тут еще добавить? Я – не Джон Ринглинг Норт, известный на весь мир. Я по-прежнему владею всего лишь маленьким, средней руки шапито, приносящим мне небольшой регулярный доход, а также целую кучу проблем в придачу. Зато по-прежнему сохранил свою бессмертную душу, а кроме того – еще одну, которая откликается на имя Сью-Эллен. И вы считаете, что этого мало? ☞

подпишись через редакцию!

1. Заполните купон.
2. Заполните и оплатите квитанцию.
3. Отправьте копию оплаченной квитанции и заполненный купон одним из следующих способов:
 - по факсу: (499) 257-13-78;
 - по почте: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный пр., д. 14, стр. 1;
 - по электронной почте: sales@smena-online.ru; jurnal@smena-online.ru

Купон и квитанция редакционной подписки (осуществляется только в пределах РФ)

Количество номеров начиная с № за 20..... год

Стоимость одного номера (включая НДС и стоимость доставки) — **96 руб. 52 коп.**

Ф. И. О.

Индекс Область Город

Улица Дом Корпус Квартира

Домофон/код Телефон

Электронный адрес Дата рождения

* При условии самовывоза из редакции.

Извещение	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	Подписка на «Смену» 20__ г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «__» 20__ г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
Квитанция	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 20__ г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «__» 20__ г. (подпись плательщика)		

Георгий Ландау

Ёлка

Публикация Рафаэля Соколовского

Мысль о ёлке первой пришла в голову пожилой мокрице, председательнице «Общества призрения падших мокриц», когда она упала на ламповый ёрш, воткнутый кухаркой в бутылку из-под деревянного масла.

В тот же день она приползла к своей закадычной приятельнице, старой институтской подруге, вдове богатого паука, скончавшегося в прошлом году от объедения сырными мухами.

Вдова обитала в противоположном конце кухни, за образами, и вела тихий религиозный образ жизни, что сообщало ещё большую прелесть ее и без того кроткому лицу.

Но мысль устроить ёлку так захватило душу мокрицы, что она, не задумываясь, проползла это солидное расстояние, чтобы найти отклик в сердце приятельницы.

Обе подруги долго рыдали на груди друг у друга, охваченные всем знакомым праздничным настроением.

– Боже мой! – смеясь и плача, воскликнула паучиха, немного придя в себя.

– Это будет так хорошо! Так светло и чисто... И ваши милые девушки и их малютки так будут счастливы, кружась около чудной ёлки...

Мокрица слегка опешила.

– Конечно, конечно, моя дорогая... Но... их не будет на ёлке!

– Как не будет? – изумилась добрая старуха. – А для кого же ёлка?

«Стареет, стареет, матушка», подумала мокрица, а вслух сказала:

– Ну, да, разумеется для них, а то для кого же? Только их не будет. На ёлке мы соберем для них деньги, ну, там провизию, что ли... Это главное.

– Жаль, – грустно прошептала паучиха, – жаль. А я было думала...

– Ну, полно, дорогая, – впилась в ее щеку подруга. – Не звать же на ёлку таких девушек... Ведь это же сплошная брань,

серная кислота... далмацкий порошок...

Старушка содрогнулась.

– Да, тогда лучше не надо, – согласилась она.

– Ну, разумеется, дорогая, – обрадовалась мокрица, – вы ведь известная идеалистка... Заперлись в своем монастыре...

– Да, да – беззвучно прошептала паучиха и, подняв к потолку заплаканные глаза, мечтательно добавила: – Я так люблю смотреть, как резвятся около ёлки наши детишки...

«Совсем рехнулась, старая дура», поморщилась про себя мокрица.

– Ну, что вы, дорогая, ёлка будет поздно и, вообще...вообще, это удовольствие не для детей. Дети, слава Богу, и так достаточно чисты, ёлка, прежде всего, нужна нам, взрослым... Возьмите границу, пруссаков...

У них в каждом доме ёлка, есть ли дети, нет ли детей. И это вполне понятно... Ёлка нас очищает... Ёлка нас делает добрыми... Это воспоминания детства, эти свечи, эти подарки, эти... эти... Это все настроение... Вы понимаете, милая?

– Да, да... гм... понимаю, – согласилась сбитая с толку старуха. – Как же, сама помню, когда я еще девочкой была...

– Ну, вот, – радостно закивала мокрица. – Ну вот! Значит, вы согласны?..

– Ну, дусенька... Вас ведь так знают. Правда?

Не дожидаясь ответа, паучиха в последний раз прижала старую приятельницу к своей жирной груди и, обновленная, свалилась на пол.

Публики собралось несколько меньше, чем ожидала мокрица, но все же достаточно.

О первоначальной цели – помощи падшим мокрицам, – правду сказать, забыли с самого начала, но это было и не важно.

Главное было достигнуто. Настроение у

Иллюстрация
Роман Львов

всех создавалось настоящее, праздничное, все кружились вокруг лампового ерша, объединенные общим чувством веселья и радости, навеянной воспоминаниями о светлых днях детства и еще чем-то, что лежит за пределами сознания.

Здесь были представители разных наций – от блохи до черного таракана, разных воззрений и воспитания, но теперь все это объединилось в одну дружную семью, спящую общим чувством любви и всепрощения.

Чудесное влияние ёлки сказало уже в самом начале, когда черный таракан и два клопа, игравшие во что-то вроде человеческого преферанса, уличили четвертого партнера в мошенничестве.

Это был никому не известный приземистый паучишка, неряшливо одетый и со следами излишеств на изможденном лице.

По привычке его начали бить.

Вдруг он на миг вырвался из мускулистых лап таракана и, протянув худую ногу по направлению ерша, воскликнул:

– Братья! Убейте меня, когда вам угодно и где угодно, только не в тени этого светлого дерева... – Все притихли, а паучишка продолжал: – Только не в тени этого дивного дерева, братья!.. Да спасет вас Бог от этого греха, ибо угрызения совести не дадут вам сомкнуть глаз в долгие зимние ночи. Ибо малютки ваши...

Но здесь ему не дали договорить. Все бросились обнимать его, каждый совал ему отнятый у него выигрыш.

Паучишка с громкими рыданиями рассовывал его по карманам и, подбежав к краю кухонного стола, скатился на пол раньше, чем ему успели крикнуть, что он забыл какой-то маленький сверток.

Сверток оказался крохотным паучонком, который барахтался и звал папу. Он был такой маленький и жалкий, этот круглый сиротка, что у женщин навернулись слезы, а большой серый паук подозрительно громко высморкался.

Потом все сбились вокруг малютки, все разом заговорили. Каждый хотел во что бы то ни стало взять паучонка себе, чтобы усыновить его и дать хорошее воспитание.

Пришлось его разыграть, после чего он достался сухому рыжему таракану, старому холостяку, которого до сих пор считали отчаянным мизантропом с примесью неврастении...

Потом опять стали кружиться вокруг ёлки, и всем казалось, что веселью не будет конца.

Вдруг на краю стола показался бледный, как скатерть, молодой клоп.

Его неверная походка и искаженные черты лица свидетельствовали о

страшном внутреннем страдании.

Большая паучишка бальзаковского возраста, его приемная мать, с маленькой блохой на паутинке, которую она выдавала за породистого такса, испуганно всплеснула ногами и в ужасе прошептала:

– Что с тобой, мой мальчик?

Молодой клоп страдальчески улыбнулся и рухнул в ложку с оставшимся супом.

– Я опозорил твой дом, мать, – скорее проскрежетал, чем сказал он.

Два дюжих таракана поддержали покачнувшуюся женщину, а пожилой клоп, в жилах которого текла кровь помощника присяжного поверенного, снимавшего две комнаты в их квартире, дотронулся до плеча юноши.

– Господа, прошу вас отойти в сторону, – обратился он к остальной публике, – здесь дело чисто семейное... Ну-с, молодой человек!

Юноша закрыл лицо ногами и застонал.

– Да говори же... не мучь! – истерически вскрикнула паучишка.

Тогда он поднял на неё помутневшие от страдания глаза и произнес:

– Сегодня ночью... она была моей...

Дочь хозяина...

– Сын мой!.. В такую ночь?! – взвизгнула паучишка.

– Имело место насилие? – озабоченно спросил адвокат.

Молодой клоп молча кивнул головой.

Тонкое лицо адвоката омрачилось.

– Она сопротивлялась?

– Да! – ответил юноша. – После зажгла свечу и чуть меня не убила. Я спасся чудом...

– Скажите... его сошлют? – застонала мать, схватив юриста за ногу.

Он задумчиво посмотрел на ложку.

– Ну... Как сказать... Наличие насилия, вообще, нелегко установить, но... все зависит от состава присяжных...

Паучишка со стоном рухнула в ложку.

Рыжие кузены с трудом привели ее в чувство.

– Господи... – беззвучно заплакала она.

– Господи...

– Успокойтесь, сударыня, – мягко сказал адвокат, – успокойтесь... Дело совсем не так плохо... Может быть, ваш сын согласится на брак?..

– Я женюсь, – покорно согласился юноша. – Она вкусная...

Паучишка улыбнулась сквозь слезы:

– Вкусная? Милый мальчик! Какая женщина не кажется вкусной до брака? А потом?.. – Она махнула ногой и с надеждой посмотрела в глаза юриста: – Как вы думаете, адвокат, может быть, она не будет настаивать... Он еще такой мальчик, а эти

человеческие девушки так благообразны...

– Возможно и это, – согласился адвокат, – тем более что у девушки, насколько мне известно, есть жених, учитель чистописания... Она скроет – и дело как-нибудь обойдется.

– Ну это – как сказать, – критически протянул молчавший до сих пор прусак из соседней кухни. – Вот у нашей хозяйки сын – весь в меня... Рыжий и всё на четвереньках норовит ползать. Даром, что года нет, а уже отцовский характер сказывается.

– А у нашей собаки все щенята как есть черные, – вставила блоха, но сразу же осеклась.

Воцарилось тяжелое молчание, которое вдруг прорезал страшный вопль молодой клоповны, дочери отставного смотрителя детских матрацев и невесты несчастного юноши.

Жених бросился к ней.

– Прочь! – взвизгнула девушка. – Прочь!! Не смей ко мне приближаться! Идите к ней! К ней! Вы подлый! Прочь!! – И она замертво упала к подножию куска черного хлеба.

Юноша в отчаянии заломил ноги.

Клоповна подняла измученное лицо и зарыдала.

– Боже! Какая грязь! Ка-ка-я грязь...

Вдруг на краю стола показался бледный, как скатерть, молодой клоп.

Его неверная походка и искаженные черты лица свидетельствовали о страшном внутреннем страдании.

Вдруг все расступились.

Дряхлый сморщенный прусак тихо подполз к девушке и, положив ногу на склоненную голову клоповны, кротко улыбнулся.

– Милые дети, – чуть слышно проговорил он. – Милые мои дети... Не надо слез... Не надо горя в эту прекрасную светлую ночь... Посмотрите – как красива ёлка, как блестят на ее ветвях следы мух... Как хороша эта ложка с застывшим на ней жиром, и как бесконечно радостна ваша будущая жизнь... Ваша совместная жизнь, дети...

– Я не пойду за него замуж, – всхлипнула клоповна, – он грязь... грязный...

Рыжий таракан залился беззвучным старческим смехом.

– Милая моя девушка... Не грязный он, нет. Он честный молодой клоп... Только взыграл в нем центавр страсти, и он... забылся. Забылся клоп и согрешил... Согрешил, и забудется... Иди к нему, девушка,

иди! Взгляни, как красива и кротка эта ёлка, и прости его... Взгляни же на эту елку и улыбнись.

Клоповна подняла голову и взглянула по направлению его дрожащей от ума и старости лапы... И улыбнулась...

Клоп вскрикнул и упал в объятия возлюбленной. А дряхлый прусак с усталой улыбкой опёрся на крепкую спину юриста и тихо поплелся к большой чашке с остатками молока.

Все знали, что у него не было одного зуба, а дантистов старик не выносил, как и они его.

– Святая душа, – задумчиво прошептали присутствующие.

А старая мокрица сидела в уголке и радостно плакала.

Когда на другое утро мокрица выползла из своей щели, она споткнулась обо что-то мягкое.

Это был вчерашний паучонок. Он, как и вчера, барахтал ножками и звал папу, но на мокрицу это подействовало иначе. Она побелела от гнева и крикнула:

– Замолчи, поганец!

Мальчишка оробел.

– Щенок этакий, еще скандалит... Знаем мы, чьи это штуки. Достался рыжему чёрту, так и сиди у него на шее. А то, думал, подкину его мокрице на порог, да и чист, как стеклышко... Цыц! – топнула она на разревевшегося паучонка. – Цыц! У меня тоже деньги неворованные.

«Разве паучихе подкинуть, – подумала она. – И то, паучихе. А то святоша, подумаешь. Села за образа и – здрастье. Не-ет, матушка, на деле докажи. Авось, свое же отродье...»

Мокрица грубо схватила забившегося паучонка поперек туловища и поползла к паутине старой приятельницы.

По дороге она завернула на кухонный стол.

Ёлки уже не было, а вместо нее стояло блюдо с толчеными сухарями. Мокрица на минуту задумалась, потом решительно бросила паучонка в блюдо и, старательно обвалывая его в сухарях, съела.

На обратном пути столкнулась с двумя клопами и тараканом, но они сделали вид, что не узнают её, и поспешно разбежались по сторонам.

А немного дальше мокрица увидела ещё теплый труп паука-шулера. И карманы его были пусты. ■

«Сатириконт», 1911 г.

Рисунок
Лев
Рябинин

Рождество

Иван Сергеевич Шмелев – «писатель страстный, бурный и очень одаренный, навсегда связанный с Россией, в частности, с Москвой. Замоскворецким человеком он остался и в Париже...», так говорил писатель русского зарубежья Борис Зайцев, близко знавший Шмелева.

Иван Шмелев родился в Москве, в Кадашевской слободе, 3 октября 1873 года, здесь и провел свое детство среди купечества, мещан и заводского люда. После окончания юридического факультета Московского университета восемь лет служил чиновником в глухой провинции Московской губернии.

Когда в 1912 году в Москве организовалось Книгоиздательство писателей, Шмелев стал одним из его членов-вкладчиков.

Февральскую революцию 1917 года Шмелев принял восторженно, а Октябрьскую – не принял совсем, находясь в полной растерянности и неприятии происходящего.

В 1922 году навсегда покинул Россию.

Отсюда, из чужбины, особенно остро и отчетливо виделась ему судьба России, и именно здесь появились удивительные по своей поэтичности книги: «Родное», «Богомолье», «Лето Господне».

Публикуемый рассказ «Рождество» входит в одну из лучших книг писателя «Лето Господне».

... Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженых свиней подвозят, – скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче – белугу, осетрину, судачка, навяжку; победней – селедку, сомовину, леща... У нас в России всякой рыбы много. Зато на Рождество – свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, – мороженые свиные. Окороча обрублены, к засолу. Так и

лежат, рядами, – разводы розовые видно, снежком запорошило.

А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит туманно, дымно. И тянутся обозы – к Рождеству. Обоз? Ну будто поезд... только не вагоны, а сани, по снежку, широкие, из дальних мест. Гусем, друг за дружкой, тянут. Лошади степные, на продажу. А мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары. Везут свинину, поросят, гусей,

индюшек, – «пыльного морозу». Рябчик идет, сибирский, тетерев-глухарь... Все распродадут, и сани, и лошадей, закупают красного товару, ситцу, – и обратно домой.

Перед Рождеством, на Конной площади в Москве, – там лошадьми торговали, – стон стоит. Тысячи саней, рядами. Мороженые свиньи – как дрова, лежат на версту. А это солонина. И такой мороз, что рассол замерзает... – розовый ледок на солонине. Мясник, бывало, рубит топором свинину, кусок отскочит, хоть с полфунта, – наплевать! Нищий подберет. Эту свиную «крошку» охапками бросали нищим: на, разговейся! Перед свиной – пороссячий ряд, на версту. А там – гусиный, куриный, утка, глухари-тетерки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия – без весов, на глаз. Горой навалит: поросят, свинины, солонины, баранины... Богато жили.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, – лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. На Театральной площади, бывало, – лес. И мужики в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках – будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукаются в елках: «Эй, сладкий сбитень! Калачики горячи!» В самоварах, на долгих дужках, – сбитень. И такой горячий, лучше чая. С медом, с имбирем, – душисто, сладко. Стакан – копейка. Стаканчик толстенький такой, граненый, – пальцы жжет. На снежку, в лесу... приятно! До ночи прогуляешь в елках. А мороз крепчает. Небо – в дыму – лиловое, в огне. На елках иней. Мерзлая ворона попадает, наступишь – хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар – из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?... А будто – Дар Христу. Ну... будто. Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное. Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А звезды все больше. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колотят глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то звезды больше, разными огнями блещут, – голубой хрусталь, и синий, и зеленый, – в стрелках. И звон услышишь. Морозный, гулкий – прямо серебро. И все запело, тысяча церквей играет, стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... – гул и гул. Звездный звон, певучий, – плывет, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-виденье, славит Бога в вышних, – Рождество.

Идешь, и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый... – и почему-то видится кровать, звезды.

Рождество Твое, Христе Боже наш,

Возсия мирови Свет Разума...

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный был всегда. И будет.

На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жметя. За мерзлым стеклышком – знакомый Ангел с золотым цветочком, мерзнет. Никто его не покупает: дорогой.

Идешь из церкви. Все – другое. Снег – святой. И звезды – святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиним двором, над садом! Каждый год – над этим садом, низко. Она голубоватая, святая. Бывало, думал: «Если к ней идти – придешь туда. Вот прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он – в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!» Смотришь, смотришь – и думаешь: «Волсви же со звездой путешествуют!..» Волсви?... Значит, мудрецы, волхвы.

И в доме – Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят. А все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. Окна совсем замерзли. Отблескивают огоньки лампадок – тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, – другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, – звездочки. В лесу как будто... А завтра!

А вот и – завтра. Такой мороз. Что все дымится. На стеклахросло буграми. Солнце над Барминихиним двором – в дыму, висит пунцовым шаром. Будто и оно дымится. От него столбы в зеленом небе. Водовоз подъехал в скрипе. Бочка вся в хрустале и треске. И она дымится, и лошадь, вся седая. Вот мороз!..

Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить...
Волхов приючайте,

Святое стечайте,

Пришло Рождество,

Начинаем торжество!

С нами Звезда идет,

Молитву поет...

Рождество твое, Христе Боже наш...

Им дают желтый бумажный рублик и по пирогу с ливером.

Позванивает в парадном колокольчик и будет звонить до ночи. Приходит много людей поздравить. Перед иконой поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди. И вздрагивает все на елке, до серебряной звездочки наверху.

Приходят-уходят люди с красными лицами, в белых воротничках, пьют у стола и крикают.

Гремят трубы в сенях. Сени деревянные, примерзшие. Такой там грохот, словно разбивают стекла. Это – «последние люди», музыканты, пришли поздравить.

– Береги шубы! – кричат в передней.

Впереди выступает длинный, с красным шарфом на шее. Он с громадной медной трубой и так в нее дует, что делается страшно, как бы не выскочили и не разбились его глаза. За ним толстенький, маленький, с огромным прорванным барабаном. Он так колотит в него култышкой, словно хочет его разбить. Все затыкают уши, но музыканты играют и играют.

Вот уже и проходит день. Вот уж и елка горит – и догорает. В черные окна блестит мороз. За ними – звезды. Светит большая звезда над Барминихиним садом, но это совсем другая. А та, святая, ушла. До будущего года.

Ушло, прошло. И те же леса воздушные, в розовом инее по утру. И галочки. И снега, снега... ❄

Анна и Сергей Литвиновы

Святки-1840

Сколько же нынче развелось детективов! Телевизор включишь – а там криминал, книгу откроешь – следствие, в газете – происшествия, в журнале – из зала суда...

Иное дело – прошлые времена! Преступлений случалось мало – да и немудрено. В ту пору честь значила больше богатства, клятву держали ценой собственной жизни, а удар исподтишка вообще трудно было представить...

Если же убийство и происходило, молва о нем долго передавалась из уст в уста и становилась легендой, семейным преданием.

В нашей семье тоже существует одно предание, о котором мы с сестрой в детстве даже не слышали. А когда стали взрослыми и обзавелись уже своими семьями, как-то раз, под Новый год, бабушка решила собрать нас всех у себя. Мы уютно устроились в гостиной, а бабушка, достав из видавшего виды потрепанного несессера какие-то пожелтевшие листки, поведала нам удивительную историю, произошедшую с нашими далекими предками.

Да, давно это было, холодной снежной зимой в самом начале 1840 года, аккурат на святки.

Святки! Веселые деньки, начинающиеся с Рождества и заканчивающиеся Крещением. Короткое время российского карнавала. Ряженые, гадания, маски... Торжество легкой чертовщинки и радостного греха... (Мелкие грешки, вроде гадания в бане, потом смывали с себя в ледяных крещенских купелях.)

В посеребренный январский вечер к крыльцу усадьбы графа Павла Ивановича О-ского (нашего какого-то пра-пра...) подкатили две разукрашенные тройки с развеселой компанией: шубы, маски, тулупы навыворот, насурьмленные и испачканные сажей лица. Оттеснив изумленного лакея и весело хохоча, группа прибывших господ ввалилась в дом.

Надо сказать, что Павел Иванович О-ский жил анахоретом. Отставной адмирал, наследник огромного состояния, он безвылазно, зимой и летом, проводил время в своей усадьбе Никольское, редко появляясь даже в уезде, не говоря о губернии. Москву же и столицу и вовсе не жаловал. Злые языки утверждали: это оттого, что прячет О-ский от нескромных и лукавых глаз главное сокровище, кое он ценил превыше своего миллионного состояния.

Сокровище звалось Марьей. Свежеиспеченная графиня О-ская личико имело ангельское, глазки – голубые, нрав – кроткий. Играла на клавикордах, пела божественно – как рассказывали те, кому доводилось слышать Марью Николаевну до замужества. Но самым главным ее достоинством была юность. Моложе своего супруга едва ли не вдвое, бесприданница Марья Николаевна, как справедливо полагало общественное мнение, вышла за Павла Ивановича ради его миллионов и связанного с ними комфорта. Однако тем немногим гостям, кто все-таки попадал в дом О-ских, отнюдь не казалось, что юная графиня, похоронившая рядом со стариком в глуши свою молодость и красоту, – несчастная жертва собственной алчности. Напротив, с Павлом Ивановичем она всегда была более чем любезна и говорила о нем в третьем лице: «мой Пашенька». Сестрам своим и подругам Маша поведывала в задушевных разговорах, что совершенно счастлива с Павлом Ивановичем и не променяла бы его ни на какого юного красавца. «Мой Пашенька столько всего знает! – с восторгом говорила она. – Он так много видел, пережил. Неведомые земли, туземные племена, чужие обычаи... Диковинные звери, неистовые бури, нападения пиратов... Знаете ли вы, к примеру, где остров Борнео? А он и там побывал, и в Африке, и даже на мысе Горн... Мой Пашенька два раза земной шар обогнул! А как он интересно рассказывает! Я готова

Рисунок
Роман
Львов

слушать его бесконечно. Кроме того, – понижала голос юная графиня, – он ведь любит меня и все мои прихоти исполняет. Иначе как «душечка Марья Николаевна» не называет. На руках меня носит».

В то, что граф О-ский способен, даже в буквальном смысле, носить супругу на руках, верилось легко. Мужчина он был статный, подтянутый и нимало не походил на обрюзгшего, доживающего свой век старика. Утро начинал ванной со льдом, затем повелевал седлать любимого каруоги и отмахивал верст десять-пятнадцать верхов, кроме того, упражнялся на рапирах, стреляя без промаха. И сам, не полагаясь на управляющих, вел хозяйство, вникая во все тонкости, отчето состояние его не только не уменьшалось, а наоборот, преумножалось.

В доме О-ских проживали также сестры Марья Николаевны – Елена и Ольга. Обе старше Машеньки, обе такие же, как она, бесприданницы. Юная графиня мечтала составить их счастье, и супруг, во всем ей потакавший, начал даже в последнее время выезжать в гости к соседям, вместе со своим (как он говорил) выводком. А после Крещения был намечен отъезд всего семейства, первый после замужества Маши, в Москву – на ярмарку невест. Ради жены и любви к ней граф готов был даже поступиться своей тягой к уединенной жизни.

Слух о том, что дом О-ских приоткрылся, распространился по округе. Тем и воспользовались нынче незваные святочные гости, ввалившиеся в огромный дом О-ских.

Явление ряженых вызвало переполох. Немедля было доложено графу, который, узнав о визите, распорядился тут же одевать его, а также подавать угощение.

На короткое время гости остались в гостиной одни и с интересом начали рассматривать убранство комнаты. Здесь было на что посмотреть. На специальном столике возвышался огромный ма-

Мужчина он был статный, подтянутый и нимало не походил на обрюзгшего, доживающего свой век старика

кет шлюпа, на котором бороздил океаны отставной адмирал. Рядом помещался глобус высотой в человеческий рост. Стены были украшены шкурами леопарда и зебры, головами бизона и антилопы. Подле размещались оскаленные индейские маски, туземные луки, стрелы, копья... На полках специально изготовленного застекленного шкапа лежали слоновьи бивни, кости, травы, стояли многочисленные сосуды – на некоторых из них рукописные облатки с черепом и перекрещенными костями строго возвещали: «ЯДЪ». Ряженые гости с восторгом и любопытством переходили от экспоната к экспонату своеобразной кунсткамеры.

Это увлекательнейшее занятие было прервано появлением юной графини, радостно вбежавшей в гостиную.

Визитеры, коих насчитывалось пятеро, оказались теми людьми, которых особенно рада была видеть Марья Николаевна. Несмотря на костюмы гусара, татарчонка, дворника, медведя и венецианского дожа, догадаться, кто скрывается под ними, труда не составляло. Все гости прибыли из имения Образцово, находящегося в двадцати пяти верстах от Никольского, и представляли обитающую там богатую и хлебосольную фамилию К-ных.

Именно там, в Образцове, в семье К-ных, провела свое детство графиня Марья. Именно там она и ее старшие сестры нашли кров, заботу и пищу. Там учили Машу чтению, французскому и музыке, там... Ах, сколько больших и маленьких воспоминаний, вдохновений и открытий хранила память юной графини!..

Она бросилась к гусару и татарчонку – своим подругам, сестрам Соне и Наталье К-ным. Легким поклоном головы приветствовала троих молодых людей, облаченных в костюмы дворника, медведя и венецианского дожа, причем щеки ее при виде мужчин вспыхнули пунцовым цветом.

Тут явился в гостиную успевший переодеться старый адмирал и с истинно русским радушием приветствовал гостей. Хотя при виде мужской части лицо его на мгновение исказила гримаса неудовольствия и даже злобы, на что у графа имелась весьма веская причина.

Один из них, француз Легран, давно стал в Образцове своим человеком и воспринимался уже как член семьи К-ных. Он был учителем княжеских дочерей: Сони и Натальи, а также их старшего брата Николая. А заодно обучал и бедных родственниц: Марью, Елену и Ольгу. Что заставило его прибыть в холодную Россию, никто точно не знал. Романтически настроенные особы утверждали, что в пору французской революции он выступил против герцога Орлеанского, будущего короля Луи-Филиппа, и потому был вынужден бежать из страны. Однако злые языки судачили, что причиной его бегства явилось шулерство, коим на родине промышлял француз. Как бы то ни было, в семействе К-ных учителем оказались довольны. В отличие от многих своих малообразованных соотечественников, прибывших в Россию в поисках легкого заработка, Легран, по счастью, оказался настоящим энциклопедистом, вдобавок, обладал счастливым искусством донести широту своих познаний до юных воспитанников. Детей он учил не только языку, чистописанию и математике, а преподавал им азы стихосложения, музыкальной гармонии, живописной композиции. А сколько часов проводили они в прогулках по парку и близлежащим лесам, составляя гербарии, наблюдая и описывая повадки птиц, зверушек, насекомых! Сколько книг, порой опасно волнующих, прочли барышни благодаря рекомендациям французца!

Немудрено, что едва ли не все воспитанницы были по-детски влюблены в своего учителя и соперничали между собой за его внимание и похвалу.

Помимо глубоких знаний и приятных манер француз обладал весьма выразительной внешностью: гладко выбритое лицо, хищный нос, пронзительный взгляд из-под кустистых бровей. Немудрено, что при виде его трепетали сердца не только юных воспитанниц, но и дев на выданье, и даже благородных матрон, добродетельных матерей семейств.

Личность учителя пленила в свое время и Машеньку. Ах, сколько слез она, десятилетняя девочка, пролила от невозможности объяснить или выразить свои чувства! Сколько часов провела в сладкой истоме, предаваясь мечтаньям о его поцелуях!..

О своем детском увлечении Марья Николаевна после замужества в шутиливой форме поведала графу. Она считала, что меж супругами не должно быть секретов ни в настоящем, ни в прошлом. Павел Иванович добродушно и снисходительно выслушал рассказ юной жены, однако сердце его, против воли, царапнула в тот момент ревность...

Но у Павла Ивановича имелись изрядные основания ревновать и другого гостя. Николай, старший сын К-ных, стал ее подлинной первой любовью. (О ней юная графиня, старавшаяся быть перед мужем честной во всем, также поведала супругу).

Влюбленные таили свои чувства и от домашних, и от самих себя, но решающее объяснение все-таки состоялось. Николай стоял перед Машей на коленях и умолял стать его женой. Он говорил, что завтра же явится к своей матери и попросит благословения на брак. Если же княгиня К-на не даст своего согласия, он тайно увезет Машу и обвенчается с ней.

Но Маша хорошо понимала, к каким гибельным разрушениям всего уклада жизни может привести ее брак с Николаем. Дела семьи К-ных были к тому времени полностью расстроены. Имение перезаложено. После смерти старого князя ни маменька Николая, ни его деспотичная бабушка не смогли управлять имением, а управляющие бессовестно обманывали их. Деньги утекали как вода, и спасти положение могла лишь женитьба единственного сына Николая на деньгах. Брак с бесприданницей поставил бы крест на надеждах К-ных возродить мощь фамилии, и едва ли княгиня К-на благословит Николеньку на брак с Машей. А жениться тайком, без родительского одобрения означало обречь себя и будущих детей едва ли не на нищенское существование. Да и не могла Маша поступить столь неблагодарно с семьей, которая дала ей и ее сестрам все: и любовь, и заботу, и образование...

В тот памятный момент объяснения, обливаясь слезами, Марья Николаевна решительно отказала Николаю.

На следующий же день княгиня К-на – возможно, узнав от челяди о предложении сына, – немедленно отослала его в полк. Не смея перечить матери, Николай уехал...

Спустя полгода к юной Маше посватался старый граф О-ский. Отставной адмирал был для бесприданницы выгоднейшей партией. Павел Иванович слыл благородным, ученым и весьма

Немудрено, что едва ли не все воспитанницы были по-детски влюблены в своего учителя и соперничали между собой за его внимание и похвалу

милым человеком. Его седина, его стать, его манеры пришлись барышне по вкусу. Конечно, она не любила его – но он хотя бы не был ей противен. К тому же, замужеством она устраивала и свое будущее, и будущее обеих своих сестер, а семью К-ных избавляла от тягот опеки над тремя приживалками.

С тех пор минуло три года. Марья Николаевна ни разу не виделась с Николаем и не писала ему. Ей стало даже казаться, что она полюбила пятидесятилетнего графа.

И вот – снова он. Тот, известия о ком Маша получала лишь кружным путем, через сестер К-ных. Николай возмужал. Черты лица его заглубили, но в глазах был тот же огонь...

Последний гость, маленький, кривоногий, волосатый мужчина, ряженный в костюм дворника, оказался полковым командиром Николая – храбрец, игрок и жуир Евгений Л-кой. Николай пригласил его погостить в своем имении. Вечно в долгах, ни кола, ни двора, Л-ской охотно принял приглашение хлебосольного семейства и уже успел, судя по взглядам и репликам, которыми он обменивался с сестрами К-ными, стать почти своим.

Слуги расставили на столе закуски, кушанья, графины с наливками, и началась непринужденная беседа, за которой вскоре последовали танцы.

Полковник Л-ской совершал уморительные прыжки, Легран пригласил на менюэт самую старшую из барышень, Елену, лицо которой сияло от удовольствия. Соня с Натальей принялись танцевать вальс, да запутались в шальварах и едва не грохнулись, вызвав всеобщий взрыв хохота.

Дух веселья и карнавала разливался по гостиной. Даже слуги, меняющие блюда, задерживались в дверях и со снисходительной улыбкой наблюдали за господами.

И только отставной адмирал сидел в одиночестве за столом над своим бокалом, глядя на танцующую молодежь. Он снова и снова с удовольствием отмечал, что его юная супруга не выказывает ни смущения, ни волнения, находясь рядом с предметом своей девичьей страсти. Да, она

поглядывала на Николая и смеялась его шуткам, но гораздо больше внимания уделяла Л-кому. Заметив, что граф скучает в одиночестве, Машенька совершила то, что наполнило его душу тихой радостью, – подбежала к нему и, низко склонившись над ухом, прошептала: «А ты знаешь, я ведь люблю тебя, мой Пашенька...»

Эти сладкие слова стали последними, которые слышал адмирал в своей жизни... Чтобы полнее прочувствовать признание любимой жены, наполнившее его сердце огромной радостью, граф отпил из своего стакана... но вдруг схватился за горло, захрипел и повалился без чувств прямо на паркет...

Марья Николаевна бросилась к супругу, рухнула перед ним на колени и приподняла его голову. «Пашенька! Пашенька!» – шептала она. Однако старый адмирал не приходил в себя, лишь хрипел с пеной на губах.

– Пустите, Марья Николаевна. – Легран решительно отстранил графиню и склонился над умирающим. Судорога прошла по телу графа, голова со стуком ударилась об пол, пена на губах сменилась рвотой, – а через секунду Павел Иванович перестал дышать.

– Он умер, господа, – произнес Легран.

«Не-е-ет!» – прокатился по гостиной крик Марьи Николаевны. Она снова упала перед супругом на колени и, обливаясь слезами, стала тереть его, словно пытаясь оживить.

В дверях показалась перепуганная дворня. Общество в растерянности сгрудилось над распростертым на полу телом графа и плачущей рядом с ним графиней. И тут Легран неожиданно и очень тихо проговорил:

– Знаете, что, господа? Граф – отравлен.

Прошел год.

2 января 1841 года.

Из письма вдовы, графини Марьи Николаевны О-ской другу своей юности Николаю К-ну, адресовано из Москвы в полк:

Итак, минул ровно год со дня ужасной смерти моего Пашеньки, однако душа моя не перестает скорбеть... Я обещала дать ответ тебе ровно через год после гибели Павла Ивановича. Вот он. Я постараюсь быть честной пред тобой.

Ты умоляешь меня выйти за тебя замуж. Милый Николенька! Прости! Я опять не могу ответить тебе согласием. Ты скажешь: но ведь граф мертв – а жизнь продолжается. Да, мой Пашенька ушел от меня, но я до сих пор помню его, каждое утро встречаю мыслью о нем, каждый вечер провожаю в молитвах о его душе...

Но не только память о покойном графе мешает мне стать твоей. Я знаю: мое замужество, особенно с тобой, окажется, в глазах общественного мнения, еще одним свидетельством моей вины. Да и ты будешь тут же зачислен людской молвой в злодеи.

А ведь существование мое и без того ужасно.

Слухи о том, что граф был отравлен, и именно я подала ему смертельное снадобье, широко распространились в обществе. Не в силах долее оставаться в месте, где произошла трагедия, я переехала в Москву. Однако и сюда доползла ядовитая молва о преступнице, отравительнице Мари О-ской! Ко мне не делают визитов. Мною манкируют на балах. Многие в обществе открыто отказываются принимать меня. Говорят, что по Москве даже распространяются подметные письма, в которых меня называют злодейкой. Дело дошло до того, что даже дворовые уже шепчутся за мою спиной и отказываются слушать мне!

Вряд ли ты поймешь глубину моих страданий. Лишившаяся самого дорогого мне человека, оклеветанная, я нахожу спасения лишь в чтении Евангелия и молитвах. Ты пишешь, что сумеешь своей заботой и любовью исцелить мои раны. Нет! Я знаю: меня не сможет утешить ни один человек, ни один мужчина. Даже ты, Николенька.

*Поэтому я приняла решение: удалиться от мирской жизни. Завтра, да, завтра я еду в Д*** Пустынь. Мир был жесток и несправедлив ко мне, но я не держу на него зла. Испытания, обрушившиеся на меня, понадобились, чтобы я сделала правильный выбор.*

Свое имение и дома я распорядилась продать; средства, полученные от них, и состояние, доставшееся от графа, и теперь нисколько мне не нужное, велела разделить на три части. Первая и вторая отойдут, поровну, моим сестрам Елене и Ольге. Третью же часть я завещаю передать твоей маменьке, княгине К-ной, в память о ее благосклонности и доброте. Надеюсь, эти деньги помогут вашей семье наладить расстроенные дела, а впоследствии устроить счастье моим названным сестрам Наташе и Соне, да и тебе, Николенька.

Прощай же! Прости за все, Твоя Мари.

...Минуло более чем полтора века. Давно истлели в своих могилах косточки всех участников той давней святочной истории. Как же сложилась их судьба? Вот об этом и рассказала нам бабушка в предновогоднюю ночь.

Марья Николаевна О-ская постриглась в монахини под именем Марфы. Она провела свою жизнь в трудах и молитве, снискала уважение и любовь сестер, и тихо угасла, с улыбкой на устах, на восемьдесят пятом году жизни, успев увидеть зарю столь несчастливую для России двадцатого века.

Князь Николай К-н в августе 1841 года был убит в перестрелке с черкесами на Кавказе.

Обе его сестры, Соня и Наташа, вышли замуж и прожили, каждая, долгую и счастливую жизнь, обзаведясь многочисленным потомством. Соня скончалась в Харькове в 1891 году, в окружении четверых детей, одиннадцати внуков и одной правнучки. (Именно она, та самая правнучка Сони, стала, в свою очередь, нашей прабабушкой,

благодаря которой эта история сохранилась в нашей семье.)

Евгений Л-кой, полковой командир Николая, вскоре после гибели своего молодого друга вышел в отставку, женился на прехорошенькой вдовушке и осел в ее имении в Псковской губернии. Он хандрил, пытался писать мемуары, стрелял вальдшнепов и отдавал должное настойке, в приготовлении которой его супруга достигла истинного совершенства – от нее и помер в 1856, на срок четвертом году жизни.

Елена, старшая сестра Марьи Николаевны, получив от ушедшей в монастырь сестры огромное состояние, неожиданно для всех вышла замуж за француза-учителя Леграна. Не успело шокированное общество осмыслить сие скандальное известие, как молодые уехали в Париж. С ними отбыла и сестра новобрачной Ольга.

Жизнь их во Франции сложилась несчастливо. Легран пристрастился к игре и дурным женщинам, промотал большую часть состояния обеих сестер и через три года, преследуемый полицией, сбежал в Южную Америку, прихватив все драгоценности жены. Елена в расстройстве заболела горячкой и на смертном одре причастилась. В последней своей исповеди она покалялась батюшке в самом тайном грехе своей жизни, а также написала покаянные письма Софье и Наташе К-ным. Одно из них и хранила так бережно наша бабушка в своем несесере. Вот его содержание.

...Я была влюблена в него как кошка. Давно и взаимно. Еще с тех времен, когда жила с сестрами в семействе К-ных, а Легран был нашим учителем.

Мы встречались с ним тайно. Никто не знал о нашей связи.

Потом – какой удар по нашей любви! – мы оказались с ним разлучены. Марья вышла замуж за графа О-ского, и нам, вслед за нею, пришлось переехать в дом адмирала.

Однако моя страсть к Леграну не угасала. Встречи наши, после того, как мы с сестрами переместились в Никольское, стали редки. У Пьера не было поводов делать нам визиты, и мне нечасто удавалось вырваться из дома. Тем не менее, мое чувство к нему становилось все сильнее. Я не владела собой...

Француз говорил, что наша любовь обречена. Мы никогда не сможем быть вместе. Если только... Если только я не стану хозяйкой своей собственной судьбы. Легран исподволь внушал мне, сколь счастливо может перемениться наша жизнь, когда бы... Когда бы старый граф умер. «Твоя сестра никогда не забудет тебя, и даст позволение на наш брак. И мы обеспечим себе счастье и вместе уедем», – говорил он мне.

Однако Павел Иванович был здоров и крепок. Его естественной кончины нам пришлось бы дожидаться долгие годы. И тогда Легран – клянусь, я была как в тумане! – начал убеждать меня отравить старого графа. Благо заморские яды имелись в избытке в шкапу Павла Ивановича в гостиной, а

ключ к нему был легко для меня доступен.

Сначала я наотрез отказывалась. Но потом... Старый адмирал повелел нам всем после Крещения отправиться в Москву – с тем, чтобы выдать нас с Ольгой замуж. Это означало неминуемую разлуку с любимым – навсегда. Сердце мое разрывалось от мысли, что мы расстаемся.

И тогда я согласилась действовать. Но пообещала Леграну только добыть один из заветных пузырьков, а не влить своей рукой отраву в питье графа.

Марья Николаевна бросилась к супругу, рухнула перед ним на колени и приподняла его голову. «Пашенька! Пашенька!» – шептала она. Однако старый адмирал не приходил в себя, лишь хрипел с пеной на губах.

– Пустите, Марья Николаевна. – Легран решительно отстранил графиню и склонился над умирающим.

Чтобы предварительно проверить действие ядов, однажды, пока Павел Иванович вместе с Машей и Ольгой были на прогулке, Легран тайно проник в наш дом. Я сказалась больной, мы остались с ним наедине, и я передала возлюбленному несколько снадобий.

Впоследствии он испытал их и указал мне, какое из зелий даст немедленный результат, а смерть адмирала покажется всем естественной.

Именно Легран в тот святочный вечер убедил молодых К-ных и полковника отправиться, в виде рожених, в наш дом.

Когда веселье было в разгаре, мой возлюбленный незаметно влил снадобье в стакан графу. Павел Иванович упал замертво. Это было ужасно!

Однако нас никто не заподозрил...

А Легран умело, подметными письмами, шепотками и наветами, убеждал общественное мнение, что виною смерти графа стала вдова, моя сестра Маша. Я тысячу раз готова была ей открыться, однако меня удерживала любовь – ведь в случае моего признания неминуемо пострадал бы и Легран.

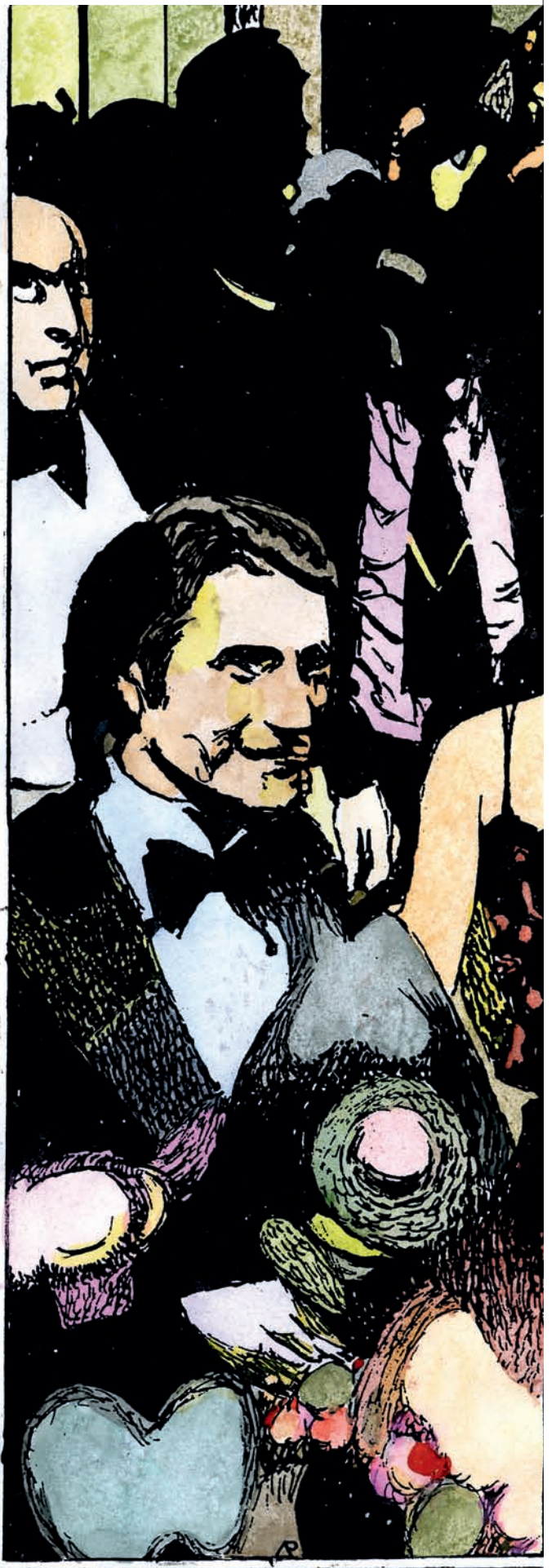
В итоге Пьер, с помощью своих интриг, добился цели. Не в силах вынести позора, Мари удалась в монастырь, а треть своего огромного состояния оставила мне.

Наконец-то моя мечта сбылась! Мы с Леграном обвенчались и уехали в Париж...

Однако деньги и любовь, добытые ценою убийства и позора, не принесли мне счастья...

Ах, Маша, простит ли она меня?.. Умолите за меня Машу о прощении... Простите и вы, бедный Павел Иванович... Скоро, совсем скоро и я отправлюсь туда, где пребывает ваша душа...

Господи, прости и помилуй мя, грешницу... ☐

Стивен Ван Дайн

Маска смерти

Перевод с английского Марины Жалинской

Глава 1

Письмо пришло с субботней утренней почтой. Оно было напечатано на двух листах, на конверте стоял штамп Клостера, Нью-Джерси, а штамп почтового отделения, принявшего письмо к отправке, был датирован предыдущим числом. Вечером в пятницу Вэнс работал допоздна и не просыпался до десяти утра субботы. Я в то время проживал у него на 38-й Ист-стрит, и, хотя находился в статусе гостя, исполнял некоторые обязанности секретаря. Мы с Вэнсом были приятелями еще со времен учебы в Гарварде, и я, отказавшись от службы в юридической фирме моего отца «Дэвис и Ван Дайн», посвятил себя управлению делами моего друга.

Итак, тем холодным октябрьским утром я просматривал поступившую почту, вскрывал и сортировал письма, когда Вэнс вошел в кабинет и уселся в кресло возле камина.

– Послушай, Ван, – заговорил он. – Ты выглядишь каким-то расстроенным. Если это на мой счет, то ты должен знать, что спросонья я всегда так плохо выгляжу.

В этот момент дворецкий Вэнса, старина Карри, принес кофе. Вэнс отпил пару глотков и спросил:

– Ну, что там почта?

Я подал ему анонимное письмо, которое только что получил. Вэнс взглянул на него, поднял брови, поставил на стол чашку с кофе и углубился в чтение.

«Дорогой мистер Вэнс. Обращаюсь к Вам за помощью в некоей проблеме, надеясь на Ваш гуманизм и правдолюбие. Насколько я знаю, вы – человек известный, кроме того, на мой взгляд, – единственный в Нью-Йорке, кто способен предотвратить страшное несчастье, а также наказать

злодея, замыслившего ужасное преступление.

Темные тучи сгущаются над неким домовладением Нью-Йорка, и несчастье уже близко. Эти тучи сгущались на протяжении нескольких лет, и гроза вот-вот разразится. Прошу Вас серьезно отнестись к моему посланию, несмотря на то, что я для Вас – личность неизвестная.

Я не знаю точно, что именно произойдет, но что-то ужасное, невероятное и неожиданное. Не поддавайтесь на уловки и не доверяйте первым впечатлениям! Замысел злодеев коварен и жесток, бойтесь недооценить его!

Собственно, это все, что я могу Вам сообщить.

Насколько мне известно, Вам знаком молодой Линн Левлинн, и Вы знаете, что три года назад он женился на звезде музыкальной комедии Вирджинии Вейл. Она оставила сцену и живет в семье мужа. Однако этот брак был большой ошибкой, все три года тучи сгущались, и гром вот-вот грянет.

Несчастье произойдет завтра ночью. За Линном Левлинном необходимо следить. Следить очень внимательно.

Завтра вечером в доме Левлиннов будет званный обед, где соберутся все участники трагедии, а именно, Ричард Кинкайд, Морган Бладгуд, молодой Линн и его жена, а также его сестра Амелия и их матушка. Собственно, повод для званого обеда – день рождения их матушки.

После обеда Линн должен отправиться играть в казино Кинкайда. Он отправляется туда каждую субботу. Насколько мне известно, Вы также часто посещаете это казино, поэтому прошу Вас непременно пойти туда в субботу, чтобы проследить за Линном, Кинкайдом и Бладгудом.

Возможно, Вы спросите, почему я сам не могу отправиться туда, но, уверяю Вас, мое положение и обстоятельства таковы, что я никоим образом

Иллюстрация
Лев
Рябинин

не в силах этого сделать. К сожалению, иные подробности мне неизвестны».

На этом письмо заканчивалось, и вместо подписи было напечатано: «Крайне заинтересованное лицо».

Вэнс перечитал письмо еще раз, поудобнее расположился в кресле и произнес:

– Занятный документ, Ван. Отдает какой-то мелодрамой, риторикой и ... уверенностью. Причем, подпись «Заинтересованное лицо» напечатана с явно большим нажимом на клавиши машинки, чем весь текст письма. В нем чувствуется нетерпение, поспешность, беспокойство... о ком? О чем? О том, что Линн будет играть в казино? Возможно... Зачем все эти подробности семейной жизни Линна, Ван? Всякий, кто читает газеты, знает о них. Симпатичная старлетка выходит замуж за Линна Левлинна, молодого повесу, игрока и завсегда-тая ночных клубов, несмотря на протесты его матери. Младшая сестра, увлеченная живописью... Кто об этом не осведомлен? Еще сама мать, одержимая филантропией и членством во всяческих социальных и экономических организациях, какие только можно отыскать... Кинкайд, брат матери-филантропки... Семейство богатое и известное, и, тем не менее, автор письма передает уже знакомые мне и всем подробности. Зачем? И зачем вообще он, или она, написал это письмо? Почему именно я избран получателем? Непонятно...странно...

Вэнс поднялся и принялся ходить по кабинету. Затем подошел к телефону и соединился с окружным прокурором Маркхеймом, пригласив его к себе.

– Это действительно очень важно, – говорил он в трубку. – У меня тут есть один крайне интересный документ, который нужно тебе показать.

По субботам окружной прокурор Маркхейм до полудня работал у себя в офисе, и в дом Вэнса прибыл после двух часов дня. Вэнс принимал Маркхейма в кабинете.

– Вот для чего я вызвал тебя, друг мой, – начал он, доставая из кармана анонимное письмо и передавая Маркхейму.

Маркхейм прочитал его и пренебрежительно бросил на стол.

– Ну и что? Неужели ты намерен принимать это всерьез?

– Всерьез или в шутку, – ответил Вэнс, – но этот эпистолярный явно что-то знает.

– Да Бог с тобой, дружище, – усмехнулся Маркхейм. – Письма подобного сорта мы получаем чуть ли не каждый день. Если уделять им внимание, то работать будет некогда. Профессиональный склочник занят любимым делом, и я не намерен вникать в его причуды.

– Честно говоря, я не уверен, что это – плод больного воображения. Тут какая-то загадка, мистификация. У меня такое чувство, что некто сам замышляет зло, и в то же время интригует... Не нравится мне это, ох, не нравится...

Маркхейм еще раз перечитал письмо и спросил:

– Между прочим, ты лично знаком с Левлиннами?

– Был однажды ему представлен, а потом несколько раз видел его в казино.

– А кого еще из упомянутых в письме ты знаешь?

– Только Моргана Благгуда. Это старший крупье казино Кинкайда и его правая рука. Близко я с ним не знаком, но знаю, что он друг семьи Левлиннов и общался с женой Линна, когда та еще выступала в мюзикомедии. Он образованный человек, очень силен в математике, изучал ее в Принстоне, как говорил Кинкайд. Что касается Вирджинии Вейл, то с ней я не знаком, поскольку во время ее триумфа на сцене жил за границей. С матерью Линна также никогда не пересекался, равно как и с его увлеченной живописью сестрицей Амелией.

– А каковы взаимоотношения в этой семье? Они ладят между собой?

Вэнс усмехнулся.

– Я тоже подумал об этом. Разумеется, пожилая дама не в восторге от такого родства. Помешанной на социальной помощи даме претит иметь брата – профессионального игрока. Конечно, на людях они ведут себя подобающе, но наверняка трения между ними есть, тем более, что они живут под крышей одного дома на Парк-авеню.

В этот момент в кабинет вошел дворецкий.

– Простите, сэр, но я ответил на телефонный звонок, и меня спросили, будете ли вы сегодня в казино...

– Звонит мужчина или женщина?

– Видите ли, сэр, – замялся Карри, – я не смог определить. Голос глуховатый, невнятный, немного хриплый...

– Чего-то подобного я и ожидал, – заметил Вэнс, и, повернувшись к Карри, добавил: – Скажи, что я непременно буду в казино в 10 вечера.

Маркхейм удивленно поднял брови.

– Ты намерен пойти в казино из-за этого письма?

Вэнс решительно кивнул.

– Да, определенно намерен.

Глава 2

Казино Ричарда Кинкайда играло ведущую роль в ночной жизни Нью-Йорка. Дом, в котором оно располагалось, был построен отцом Ричарда, Амосом Кинкайдом, одним из наиболее состоятельных и влиятельных владельцев недвижимости. По завещанию отца дом принадлежал сыну, а все остальное имущество было поделено поровну между двумя его детьми – сыном Ричардом и дочерью, миссис Энтони Левлинн, на тот момент вдовой с двумя детьми – Линном и Амелией.

Ричард Кинкайд несколько лет после смерти отца жил в одиночестве, а затем, заперев все двери и заколов окна, отправился в путешествие по миру. Он посещал все знаменитые игорные

дома Европы, и продолжалось это до тех пор, пока его проигрыши не превзошли в значительной мере его выигрыши, после чего Кинкайд возвратился в Америку человеком поиздержавшимся, но опытным.

С целью поправить свое материальное положение и пользуясь имеющимися связями, он решил сам открыть игорный дом в наиболее фешенебельном и дорогом районе города.

Огромный дом на 73-й улице он слегка модернизировал, декорировал и назвал свое детище «Казино Кинкайда». Вскоре фамильная приставка потерялась, и сие златное место стало известно по всей Америке просто как Казино.

Казино, как и большинство заведений подобного сорта, действовало по принципу частного клуба. Членство в клубе требовало рекомендаций, и каждый вновь принятый тщательно проверялся и оценивался. Входной билет был достаточно дорог, чтобы исключить появление нежелательных персон, и те, кто удостоивались членства, были людьми вполне надежными и респектабельными.

В качестве старшего крупье Кинкайд выбрал Моргану Бладгуду, образованного молодого математика, с которым он познакомился в доме сестры. Бладгуд и Линн учились в одном колледже, и именно Бладгуд познакомил Линна с Вирджинией Вейл.

Когда однажды у Кинкайда спросили, почему он выбрал этого молодого математика, а не опытного крупье, он ответил так:

– Я уподобляюсь бальзаковскому Гобсеку, который говорил, что человеку в возрасте до тридцати лет еще можно доверять, а человеку за тридцать доверять ни в коем случае нельзя.

Надо сказать, что такой подход к набору персонала оправдал себя, и казино стало приносить хороший доход. Оно всегда было полно клиентов, в особенности ночью по пятницам и субботам.

Когда мы с Вэнсом прибыли в казино, народу было немного, поскольку было еще рано – обычно народ появлялся позже, после окончания театральных спектаклей.

Мы прошли через небольшой холл на втором этаже, который вел в основной зал. Вэнс заглянул в две игровые комнаты, а затем направился к бару.

– Думаю, Ван, у нас есть время выпить по бокалу шампанского, – сказал он. – Наш молодой друг сидит в холле, занятый какими-то подсчетами. Линн – обстоятельный игрок, и прежде чем приступить к игре, должен тщательно подготовиться. Если ему и грозит нечто сегодня ночью, то он либо не подозревает об этом, либо ему это безразлично.

Мы как раз заканчивали пить шампанское, когда в главном зале появился Морган Бладгуд. Увидев Вэнса, он вежливо поклонился, и, подойдя ближе, спросил:

– Хотите испытать удачу, мистер Вэнс?

– Совершенно верно, – улыбнулся Вэнс. – У меня теперь новая система – придерживаюсь

принципа Наполеона: «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим».

– Тогда казино в безопасности, – улыбнулся Бладгуд и, откланявшись, прошествовал в соседний зал.

Сквозь щель в портьерах мы видели, как он сел за рулетку центрального игрового стола.

– Не пора ли и нам переместиться поближе к игре, – заметил Вэнс.

Но в этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге возник Кинкайд. Увидев Вэнса, он дежурно улыбнулся и произнес:

– Добрый вечер, сэр. Вы у нас редкий гость.

– Вы правы, – согласился Вэнс. – Одна из причин моего сегодняшнего прихода – встреча с вами.

– Итак, вы меня увидели, – холодно улыбнулся Кинкайд.

– Да, – согласился Вэнс, – но я предпочел бы видеть вас в стенах вашего кабинета.

Кинкайд удивленно взглянул на Вэнса и пригласил нас к себе.

– Если не возражаете, мы присядем, – сказал Вэнс, опускаясь в одно из кресел возле двери.

– Что ж, прошу вас.

– Я хотел видеть вас вот по какому поводу, – начал Вэнс. – Сегодня утром я получил очень странное письмо и подумал, что следует его вам показать, поскольку оно касается вас и членов вашей семьи. – Он покопался в кармане и протянул Кинкайду два свернутых вчетверо машинописных листа.

Кинкайд с безразличным видом взял их и, развернув, начал читать. Читал он молча, и по мере чтения лицо его наливалось краской.

– Что вы на это скажете? – спросил Вэнс.

– Скажу, что это записки сумасшедшего, – отрезал Кинкайд.

– Нет, мистер Кинкайд. Не на ту цифру ставите. Еще одна попытка.

– Какого черта? – вспылил Кинкайд. – Это письмо не имеет ко мне никакого отношения... Ну ладно, согласен. Тот, кто его написал, знает наши семейные проблемы.

– Как, по-вашему, кто может желать зла молодому Левлинну?

– Не знаю, но считаю, что он действительно недостоин жить на свете.

– Однако на людях вы вполне терпимы к своему племяннику.

– Честь семьи, – отрезал Кинкайд. – Моя сестра его обожает.

– Насколько мне известно, большую часть своего времени он проводит именно здесь.

– Пытается аннексировать часть денег Кинкайдов, которые мать не разрешает ему транжирить. И я очень надеюсь, если с Линном что-то все-таки случится, то не в казино.

– Как видите, автор письма настаивает на моем присутствии в казино сегодня и на том, чтобы я следил за парнем. Меж тем, вы допускаете, что большая часть письма – правда.

– Если честно, мистер Вэнс, – ответил Кинкайд, – даже представить себе не могу, кто это

написал. Какой-то псих или маньяк. Забудьте об этом письме.

– Все это крайне интересно, – произнес Вэнс, поднимаясь и беря со стола письмо. – Прошу простить за беспокойство и прочее... Мы тут еще немного покрутимся.

Кинкайд ничего не ответил и остался сидеть за столом, а мы с Вэнсом вышли в игровой зал.

Глава 3

Казино постепенно заполнялось публикой.

Я узнал несколько известных персон из финансовых кругов. У сводчатого входа в зал стояли два охранника в униформе и внимательно следили за перемещениями гостей.

Линн Левлинн все еще сидел в углу, что-то чиркая карандашом на листке бумаги и совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Наконец он решил включиться в игру и полностью сконцентрировался на ней.

Первые полчаса я пытался выяснить математическую зависимость, которой придерживался Линн в своих ставках, но так ничего не понял и бросил это занятие. Тем не менее, Линн явно следовал какой-то системе, потому что понемногу выигрывал. После каждой игры он сверялся с записями в своем блокноте и следующую ставку явно просчитывал. Вскоре после полуночи расчеты Линна, видимо, оправдались – выпало нужное число, и он выиграл. Судя по придвинутым к нему шести столбикам желтых фишек, я понял, что сумма составляет около десяти тысяч долларов.

Линн откинулся на стуле, пропуская очередную игру, и, встретившись взглядом с Вэнсом, кивнул ему, после чего снова занялся своими расчетами и записями. С началом новой игры он явно сменил тактику и снова выиграл. Перед ним уже высились изрядная стопка фишек. Еще несколько тысяч долларов – и он сорвет банк.

Мимо него прошел официант, и Линн, потребовав виски, склонился к столу, делая очередную запись в своем блокноте.

Через несколько минут вернулся официант и поставил перед Линном поднос со стаканом виски и стаканом газированной воды. Благуд взглянул на поднос и заметил:

– Мори, мистер Левлинн пьет воду без газа.

– Воду без газа можешь взять в моем кабинете, в графине, – сказал Кинкайд.

Официант кинулся в кабинет хозяина, принес стакан, наполненный водой, и поставил его рядом с виски.

Левлинн залпом выпил виски, тут же запил его водой и, отодвинув стаканы в сторону, приступил к следующему этапу игры.

Вдруг лицо его побагровело, он приложил пальцы к вискам и начал слегка потирать их. Потом, резко вскочив из-за стола, опрокинул стул, сделал несколько шагов в сторону и упал на пол.

Охранники сорвались со своих мест, подбежали к Линну и, подхватив его подмышки, понесли

в кабинет Кинкайда. Тот поспешно открыл ее, пропуская их внутрь.

Мы с Вэнсом успели протиснуться вслед за ними, прежде чем Кинкайд закрыл дверь.

– Что вам здесь нужно? – прошипел он.

– Считайте, что я здесь из любопытства, – холодно произнес Вэнс и обратился ко мне: – Ван, помогите мне посадить его на стул.

Мы усадили Линна на стул с высокой спинкой, и я заметил, что лицо его стало мертвенно-бледным. Вэнс пощупал пульс и спросил:

– Здесь найдется нюхательная соль?

Кинкайд открыл ящик стола, достал из него зеленый пузырек и протянул Вэнсу. Вэнс поднес пузырек к носу Линна, откинул назад его голову и, приподняв веки, внимательно взглядел в зрачки. Затем уложил Линна на пол, подложив под голову одну из подушечек, и обратился к Кинкайду:

– Это не обморок. Его отравили. Поблизости есть врач?

Кинкайд глубоко вздохнул.

– Есть один по соседству, но он...

– Срочно зовите его! Немедленно! – скомандовал Вэнс.

Кинкайд подошел к телефону и набрал номер.

– Доктор Роджерс? Это Кинкайд. У нас произошел несчастный случай. Не могли бы вы прийти прямо сейчас? Спасибо.

Врач появился очень быстро. Это был крупный полный мужчина с наивным, почти детским выражением лица.

– Вот ваш пациент, доктор, – сказал Кинкайд, указывая на Левлинна. – Каков ваш вердикт?

Роджерс склонился над Линном и начал его осматривать.

– Очень похоже на отравление, – подвел он, наконец, итог, обращаясь к Кинкайду и готовя шприц для инъекции. – Не могу точно сказать, чем именно. Он в ступоре. Частый пульс, прерывистое дыхание, расширенные зрачки... все признаки токсемии. Я сделаю ему инъекцию кофеина, но его необходимо госпитализировать и выводить из коллапса в условиях стационара. Сейчас вызову скорую помощь. – И доктор направился к телефону.

– Отправьте его в самую лучшую клинику, – попросил Кинкайд. – Я обо всем позабочусь.

Несколько минут спустя мы с Вэнсом вышли на улицу, но поехали не домой, а к Маркхейму.

Маркхейм, к моему удивлению, не спал и ожидал нас в своей гостиной, где мы и присоединились к нему.

– Ну и как? – спросил он. – В казино произошло что-нибудь, или вы съездили впустую?

– Хотя письмо, присланное мне, анонимное, в нем действительно была написана правда.

– В каком смысле?

– В прямом. Линна Левлинна отравили на моих глазах.

Маркхейм вскочил.

– Он умер?

– Когда мы уходили оттуда, был еще жив. Но не поручусь, что жив до сих пор. Собственно, сейчас уточним... – Вэнс вышел в холл и некоторое время отсутствовал. Вернувшись, он сообщил нам: – Я разговаривал с дежурным врачом больницы на Парк Энд, куда повезли Левлинна. Он в том же состоянии: дыхание прерывистое, давление 70 на 50, начались конвульсии. Делается все необходимое – адреналин, кофеин, промывание желудка. Никаких положительных изменений. Очень странно, Маркхейм...

В холле зазвонил телефон, и Маркхейм вышел, чтобы ответить на звонок. Минуту спустя он появился в гостиной, белый, как мел, и, пошатываясь, прошел к своему креслу.

– Боже мой, Вэнс! Происходит нечто дьявольское. Звонил Хитс. Он сообщил, что жена Левлинна тоже отравлена.

Глава 4

Брови Вэнса поползли вверх.

– Господи, какой ужас! Вот не ожидал... Впрочем, почему не ожидал? Послушай, Маркхейм, сержант не сказал, в котором часу это произошло?

– Нет. Сперва послали за врачом, а потом уже позвонили в управление. Полагаю, смерть наступила полчаса назад...

– Полчаса? Как раз в то же время, когда Левлинн впал в коллапс... Одновременно... Еще что-нибудь известно?

– Нет, больше ничего. Хитс как раз едет с группой к дому Левлинна, надеюсь, оттуда он позвонит.

– Тогда и нам нечего расслаиваться. Едем на Парк-авеню и посмотрим своими глазами. Не нравится мне все это, Маркхейм. Какое-то дьявольское злодейство. Я это чувствовал, когда читал письмо. Появился некий коварный убийца, и эти два отравления – только начало. Отравитель – худший из злодеев. Поехали!

Когда мы подъехали к особняку Левлиннов, полиция была уже там. Двое полицейских стояли у парадного входа и, увидев окружного прокурора, козырнули и расступились.

– Сержант Хитс с ребятами из отдела убийств уже здесь, шеф, – доложил один из них, нажимая на кнопку звонка.

Парадная дверь сразу же открылась, и на пороге появился высокий худощавый человек в домашнем халате.

– Я – окружной прокурор Маркхейм, мне нужно видеть сержанта Хитса, – произнес Маркхейм.

– Конечно, сэр. Проходите. Полицейские наверху, в комнате миссис Линн Левлинн, это южный конец коридора... Я – дворецкий, сэр, и мне приказано находиться у двери, поэтому не могу вас сопровождать.

Мы прошли по широкой закругленной лестнице на второй этаж, где нас встретил детектив Салливан, который проводил нас на место происшествия.

Комната, расположенная в южном крыле дома, была большой и почти квадратной, с высоким потолком, старинным камином и тяжелыми порттьерами на окнах.

На высокой кровати лежала женщина лет тридцати. Её шелковый халат был распахнут снизу, руки закинута за голову. Лицо со следами ночного крема покрылось синюшными пятнами, глаза широко раскрыты и уставлены в потолок.

В комнате находились сержант Хитс, двое сотрудников отдела убийств – детективы Берк и Гилфойл, и лейтенант Смоли из ближайшего полицейского участка.

Возле стола стояла женщина лет шестидесяти с орлиным профилем, утиравшая глаза вышитым носовым платком. Я сразу понял, что это миссис Энтони Левлинн. Рядом с ней стояла очень похожая на Линна молодая девушка, видимо, его сестра Амелия. Обе женщины были одеты в домашние халаты, расписанные, как кимоно, и холодно смотрели на нас.

Возле камина стоял сухопарый мужчина лет тридцати пяти, представившийся нам доктором Аланом Кейном, другом мисс Левлинн. Он проживал неподалеку и был срочно вызван к миссис Левлинн. Именно он и сообщил в полицию об отравлении.

– Я ждал, что вы придете, мистер Маркхейм, – заговорил сержант Хитс. – Но не ожидал увидеть мистера Вэнса. Я думал, он в казино.

– Я был в казино, сержант, – начал Вэнс, но его перебил возглас миссис Левлинн:

– Линн! Вы видели в казино моего сына? С ним все в порядке?

Вэнс помолчал некоторое время, словно размышляя, как лучше ответить на вопрос, и, наконец, тихо произнес:

– Мне очень жаль, мадам, но вашего сына тоже пытались отравить.

– Он умер?

– Нет, мэм. Он находится под наблюдением врача в больнице на Парк Энд.

– Я еду к нему!

– Не стоит. Это не принесет ему пользы, а вы нужны здесь. Через некоторое время я потребую отчет из больницы о состоянии вашего сына. Простите за столь печальные новости, но, рано или поздно, вам бы их сообщили. Прошу вас, присядьте и помогите нам.

Женщина собралась с силами, вздохнула и присела на стул. Амелия, с отсутствующим видом наблюдавшая за матерью, вдруг заговорила:

– Стало быть, любимый малютка Линн тоже отравлен? Кто-то славно поработал. Не удивлюсь, если следующей буду я. Слишком много грязных денег в нашей семье.

Маркхейм на мгновение растерялся, но быстро пришел в себя и скомандовал:

– Приступайте к работе, сержант. Кто обнаружил тело?

– Я! – отозвалась Амелия. – Мы ложимся спать примерно в одиннадцать. Дядя Дик и мистер

Благдуд ушли в казино сразу после обеда. Линн ушел примерно час спустя. Алан, в смысле, доктор Кейн, ушел вместе с Линном, потому что у него было несколько вызовов...

– Если я правильно понял, – перебил ее Вэнс, – доктор Кейн присутствовал на семейном обеде.

– Да, присутствовал. Это я его пригласила. Благдуд тоже был на обеде, но он – как член семьи, мы от него ничего не скрываем.

– Значит, Линн, ваш дядя и остальные ушли, а вы, ваша невестка и ваша мать остались дома и легли спать около одиннадцати. Что было потом?

– Я долго не могла заснуть, поэтому встала около полуночи и решила порисовать. Поработала примерно час и хотела уже снова лечь, когда услышала истеричный крик Вирджинии. Подойдя к ее двери, я прислушалась – мне показалось, что она задыхается. А когда вошла в комнату, Вирджиния лежала на кровати, вот так, как сейчас. Взгляд оставившийся, лицо красное, она билась в конвульсиях. Я выбежала в холл и позвала маму. Мама велела вызвать врача, и я тут же позвонила доктору Кейну. Он живет неподалеку, поэтому пришел сразу же...

– А вы что скажете, доктор Кейн?

– Когда я прибыл, сэр, – начал доктор, – миссис Линн Левлинн была уже мертва. Все симптомы налицо: глаза широко раскрыты, зрачки настолько огромны, что почти не видно белков, и вся покрыта какой-то странной сыпью. Положение рук и состояние лицевых и шейных мышц показывало, что умерла она от асфиксии. Мне кажется, это яд из группы белладонны – атропин, скополамин или что-то подобное. Я велел мисс и миссис Левлинн не трогать тело и сразу же позвонил в полицию.

– В комнате что-нибудь трогали или переставляли?

– Ничего. Я все время был здесь, и дамы ждали вашего приезда вместе со мной.

– Простите, доктор, вы умеете пользоваться пишущей машинкой? – спросил Вэнс.

Кейн удивленно посмотрел на него.

– В принципе, да, умею. В медицинском колледже я печатал свои работы. Если нужно, готов помочь...

– Я просто так спросил, не берите в голову. – Вэнс обратился к Хитсу: – Медэксперта вызывали?

– Конечно, – кивнул Хитс. – Мистер Доремус обещал приехать, думаю, с минуты на минуту появится.

Вэнс снова обратился к Кейну:

– Пожалуй, на сегодня все, доктор, но я попросил бы вас подождать медэксперта, возможно, вы ему понадобится. Если не трудно, пройдите в гостиную.

Когда доктор вышел, Вэнс обратился к женщинам:

– Вас тоже попрошу подождать в своих комнатах.

Миссис Левлинн, прижимая платок к глазам, вышла из комнаты, но Амелия не последовала за

матерью. Дождавшись, пока дверь за ней закрылась, она обратилась к Вэнсу:

– Почему вы спросили доктора Кейна про пишущую машинку?

Вэнс вынул из кармана анонимное письмо и молча протянул девушке. Та прочитала текст, но удивления не выразила, и, возвратив письмо Вэнсу, направилась к двери.

– Мисс Левлинн, а вы пользуетесь машинкой? – неожиданно спросил Вэнс.

– Да, я печатаю свои письма, – подтвердила девушка. – И печатаю гораздо лучше, чем автор анонимки.

– А остальные члены вашей семьи умеют пользоваться машинкой?

– Мы – люди современные, – ответила девушка. – Печатать умеют все и пользуемся машинкой, которая стоит внизу.

– Внизу есть печатная машинка? – удивился Вэнс.

– Всегда там была, – кивнула девушка, – в библиотеке рядом с гостиной.

– Как вам кажется, это письмо могло быть напечатано на вашей машинке?

– Вполне возможно, – согласилась девушка. – Тот же шрифт, та же лента. Хотя таких машинок ведь довольно много... Я, конечно, могу кое-кого подозревать, но не собираюсь это озвучивать. – Амелия решительно открыла дверь и вышла из комнаты.

– Прямо филиал машбюро, – усмехнулся сержант Хитс.

– Но кое-что я все-таки узнал, – удовлетворенно проговорил Вэнс. – Лично я совершенно уверен, что оба преступления совершил один человек. Кроме того, человек, написавший мне письмо. Одну минуту... – Он подошел к столику с телефоном и, отодвинув аппарат, вынул из-под него небольшой листок бумаги. – Я заметил его, когда звонил в больницу. – И Вэнс, развернув листок, начал читать:

«Дорогой Линн! Я не могу дать тебе счастья, и, видит Бог, никто в этом доме не пытается сделать счастливой меня. Единственный человек, относящийся ко мне более или менее нормально, – дядя Дик. Я здесь совершенно чужая, и хочу уйти из жизни, приняв яд.

Прощай, и пусть твоя новая система для рулетки принесет тебе счастье, раз уж это единственное, чего ты так сильно желаешь. Вирджиния».

– Что ж, это несколько упрощает дело, – вздохнул Маркхейм.

– Эх, дорогие мои друзья, – изрек Вэнс. – Не упрощает, а еще больше запутывает и усложняет...

Глава 5

В этот момент на пороге появился медэксперт, доктор Доремус, невысокий худощавый человек, внешне похожий на бизнесмена и одетый

в твидовое пальто и серую фетровую шляпу.

Поздоровавшись с присутствующими, он оглядел комнату и подошел к кровати.

– Ага, молодая леди. От чего она умерла?

– Это вы нам должны сказать, – заметил Хитс.

Доремус приступил к осмотру тела. Делал он это скрупулезно и профессионально, недаром считался лучшим медэкспертом Нью-Йорка.

Вэнс подошел к ночному столику, на котором стоял поднос с таким же графином и стаканами, какие мы видели в казино в кабинете Кинкайда, и осмотрел стаканы – оба были сухими, графин тоже оказался пустым. Затем он направился в ванную комнату, и я последовал за ним.

Вэнс открыл дверцу шкафчика-аптечки – лосьон для лица, крем для рук, туалетная вода, дезодорант, тюбик зубной пасты, термометр. А также традиционный набор медикаментов – йод, аспирин, сода, камфара, глицерин, нюхательная соль...

Он долго и подробно изучал каждый флакон и тюбик, наконец, остановил свое внимание на небольшом коричневом пузырьке с печатной этикеткой, изучил надпись и опустил пузырек в карман, после чего закрыл шкафчик и вышел из ванной.

Доктор Доремус накрыл тело простыней и обратился к сержанту Хитсу:

– Она мертва уже около двух часов. Её отравили. Любому начинающему медику ясно, что отравили её препаратом группы белладонны. На это указывают выпученные глаза, расширенные зрачки, следы конвульсий и асфиксии...

– Все так, доктор, – вмешался Вэнс и, протягивая пузырек, взятый в ванной комнате, спросил: – Её могли отравить вот этим?

Доктор внимательно прочел этикетку.

– Средство против ринита. Состав: жидкий экстракт корня белладонны, сульфат хинина... Да, несомненно, если взять достаточное количество.

– Пузырек пустой, а в нем должно быть, судя по этикетке, сто таблеток, – заметил Вэнс.

– Сто раз по четверть дозы будет двадцать пять доз... Достаточное количество белладонны для того, чтобы умертвить человека. – Доктор вернул пузырек Вэнсу. – Все ясно. И зачем будить меня среди ночи, если у вас все доказательства на руках?

– У нас нет никаких доказательств, – парировал Вэнс. – Мы лишь бродим в потемках.

Тут подал голос Маркхейм.

– Когда мы можем получить результаты вскрытия, доктор?

– Завтра – суббота... Думаю, часов в одиннадцать. Устроит?

– Вполне.

– Тогда я пойду домой, и прошу до девяти утра меня не беспокоить. Общий привет! – Доремус взмахнул рукой и вышел.

– Ты нашел этот флакон в ванной, Вэнс? – спросил Маркхейм.

– Да. Это единственный препарат, который имеет отношение к ядам.

– Тогда, в совокупности с предсмертной

запиской, он вполне проясняет дело, – заключил окружной прокурор.

– Очень в этом сомневаюсь, Маркхейм, – мрачно произнес Вэнс. – Применительно к смерти этой женщины – еще куда ни шло, но как быть с нашим приятелем в больнице? Причина его недуга вовсе не белладонна, и покончить с собой он не собирался. Он играл и намеревался выиграть, его система успешно работала. И вот в разгаре игры он падает... Нет, нет. Пустой пузырек из-под таблеток против ринита – это слишком просто. Вполне возможно, что он подложен специально для нас. Что ж, завтра утром мы узнаем больше, когда Доремус выдаст свое заключение. А сейчас мне нужно уточнить некоторые детали у доктора Кейна.

– Он внизу. Пойдемте.

Доктор Кейн мерил шагами гостиную на первом этаже.

– Эксперт полностью подтвердил ваши предположения, доктор, – заговорил Вэнс. – Результаты вскрытия он обещал выдать утром. Между прочим, вы были семейным врачом Левлиннов?

– Я бы так не сказал. Они редко болеют, и вообще, очень здоровые люди. Иногда советовались со мной по части мелких недугов, я им рекомендовал препараты, но это скорее по-дружески, чем в качестве семейного врача.

– Скажите, доктор, – вмешался в разговор Маркхейм. – Были ли у Линна Левлинна какие-либо хронические заболевания, которые могли привести к коллапсу под действием стресса или сильных эмоций?

– Нет, что вы. Правда, иногда повышалось давление, как результат занятий спортом в юности, и еще небольшая гипертрофия сердца...

– Стенокардия?

– Нет, не настолько серьезно...

– В последнее время вы ему что-нибудь предписывали?

– Примерно год назад я выписывал ему нитроглицерин в таблетках – две сотые грана. Это все.

– А его жене вы что-нибудь выписывали? – поинтересовался Вэнс.

– Да, пару раз. У нее были проблемы с глазами, и я выписывал ей капли. Несколько месяцев назад образовалась эритема на руке, и я выписал мазь. А на прошлой неделе начался сильный ринит, она буквально задыхалась, и я выписал таблетки от ринита. Пожалуй, это все.

– А какую дозу вы ей назначили?

– Обычную – одну-две таблетки каждые два часа.

– Но, как вам известно, они содержат белладонну.

– Разумеется, известно. – Доктор Кейн замолчал, глаза его округлились, и он уставился на Вэнса. – Но ведь... вы ...

– Мы нашли пустой пузырек из-под таблеток в аптечке в ванной, а, как вы заметили ранее, миссис Левлинн умерла от отравления белладонной. Кейн сильно побледнел.

– Этого не может быть... Она не могла этого

сделать! Я же четко объяснил, она все поняла...

– Вас никто не обвиняет, доктор, – продолжал Вэнс. – Скажите, миссис Левлинн была послушной пациенткой?

– Даже очень. Она всегда точно следовала моим предписаниям.

– Тогда с вами все. Я вас больше не задерживаю.

Кейн глубоко вздохнул и направился к двери.

– Спокойной ночи, джентльмены. Если понадобится, позвоните мне. – Он открыл дверь и, сделав шаг, обернулся: – Буду вам очень признателен, если сообщите мне результаты вскрытия.

– Непременно, доктор, – заверил Вэнс. – И простите нас за то, что задержали вас.

После ухода Кейна Вэнс обратился к дворецкому:

– Попросите мисс Левлинн зайти к нам, она должна быть в своей комнате.

Дворецкий направился к лестнице, а Вэнс объяснил Маркхейму:

– Нужно уточнить еще пару моментов, прежде чем мы покинем сей гостеприимный дом. Ни разу еще я не сталкивался с ощущением присутствия какого-то дьявольского персонажа, с самого начала строящего вокруг нас козни. Он подставляет нам улики, которые вроде бы проясняют дело, но я уверен – они приведут нас к ложным выводам.

Послышались шаги, и в дверях гостиной появилась Амелия Левлинн.

Глава 6

Амелия сменила халат на шелковую пижаму, на ее лице были видны следы косметики, в руке она держала зажженную сигарету, вставленную в янтарный мундштук.

– Явилась по вашему зову, – произнесла она. – Мне продолжать стоять или можно присесть?

– Разумеется, присядьте, мисс Левлинн, – сказал Вэнс, придвигая стул и садясь напротив. – Как вы думаете, жена вашего брата была склонна к суициду?

– Нет! – вполне искренне воскликнула девушка. – Скорее, кто-то из нас нашел бы повод для суицида, чем она. Кроме того, что она материально вполне обеспечена, Вирджиния была ужасной трусихой и побоялась бы наложить на себя руки. Добавок, слишком тщеславной, занятой только собой.

– Вы не слишком добры к ней. А если я скажу, что мы нашли посмертную записку?

– Я вам не поверю, – отрезала девушка.

– Придется поверить, мисс Левлинн, – убедительно произнес Вэнс и продолжил: – Вы можете что-либо рассказать об отношении вашего дяди, мистера Кинкайда, к вашей невестке? В той самой посмертной записке сказано, что он к ней хорошо относился.

– Это правда. Он действительно ей сочувствовал, словно видел в ней такую же авантюрную душу, каким был сам. Мне даже кажется, что дядя

Дик способствовал Линну выигрывать в казино, чтобы у Вирджинии были свободные деньги.

– Это очень интересно... Тогда еще один вопрос, немного личный, простите. Каково финансовое положение членов вашей семьи?

– Когда умер мой дед, Амос Кинкайд, почти все свое состояние он оставил моей матери, поскольку считал, что она способна правильно вести дела, в то время как дядя Дик таковым не был, поэтому получил лишь небольшую часть. Нам с Линном он ничего не оставил, опять же, рассчитывая, что наша мать сумеет о нас позаботиться. Таким образом, мы целиком зависим от нашей матери, хотя она нас не слишком ограничивает в деньгах.

– А как может измениться распределение финансов со смертью вашей матери?

– На этот вопрос вам может ответить только она сама, но, думаю, наследство будет разделено между мной и Линном, причем, ему отойдет большая часть.

– А вашему дяде?

– Сомневаюсь, что она упомянет его в завещании.

– В случае, если ваша мать переживет своих детей, кому перейдет состояние?

– Наверное, дяде Дику, если он будет жив. Мама не позволит, чтобы наследство ушло из семьи в чужие руки.

– И последний вопрос. Если бы ваша невестка пережила вас с братом, как бы это отразилось на завещании?

– Не представляю. Никогда об этом не думала. Наверное, мама сделала бы Вирджинию первой наследницей. Вряд ли она отдала бы все дяде Дику. Опять же, мама настолько обожает Линна, что все, связанное с ним, ей особенно дорого, и, наверное, это повлияло бы на завещание. Я вам хоть немного помогла?

– Невероятно помогли. Не смею вас более задерживать, но хотелось бы поговорить с вашей матерью. Надеюсь, она не откажется прийти сюда?

– Нет, что вы, она будет только рада. – Девушка вышла из гостиной и поднялась по лестнице.

В середине дальней стены гостиной за велюровыми портьерами находились раздвижные двери. Вэнс отодвинул одну из створок и, проведя рукой по стене, нащупал выключатель. За дверями находилась библиотека. Он осмотрелся, подошел к столику, внешне напоминавшему школьную парту, и уселся за него. На столике стояла пишущая машинка, в которую Вэнс вставил лист бумаги и стал что-то печатать. Напечатав несколько строк, он вынул листок из каретки, сложил и убрал во внутренний карман пиджака, после чего направился к выходу, но, вдруг остановившись у книжных полок, начал внимательно изучать книжные корешки.

Когда в гостиную вошла миссис Левлинн, Вэнс, уже сидевший в кресле, обратился к ней со словами:

– Я посмотрел вашу библиотеку, мадам, и обнаружил там массу книг по медицине. С чем это связано?

– Мой муж хоть и не был врачом, очень интересовался медициной и исследованиями в этой области. Даже писал статьи для журналов.

– Я видел на полках книги по токсикологии, – продолжал Вэнс.

– Вы связываете это с событиями сегодняшней ночи? – с вызовом спросила миссис Левлинн.

Вэнс ничего не ответил и быстро сменил тему.

– Как вы думаете, почему ваша невестка решила покончить с собой?

На лице женщины не дрогнул ни один мускул, только взгляд помрачнел.

– Покончить с собой? Я никогда не думала об этом... Но раз уж вы спросили, я скажу, что нельзя исключать такую возможность. Вирджиния не была здесь счастлива. Она как бы не вписывалась в новую обстановку и новую жизнь, и как-то даже сказала мне, что лучше бы ей умереть... Я не придавала значения ее словам, сочла, что это просто оборот речи.

– Понимаю, – участливо произнес Вэнс. – Скажите, мадам, не могли бы вы, хотя бы в общих чертах, изложить содержание вашего завещания?

– Не могла бы! – отрезала миссис Левлинн. – Мое завещание касается только меня.

– Я спрашиваю не из любопытства. Просто хочу знать, кто из возможных наследников может выиграть от того, что количество других наследников уменьшится?

Она решительно поднялась и сердито проговорила:

– Вы намекаете, сэр, что мой брат...

– Дорогая миссис Левлинн! Я ни на что не намекаю. Но ведь вы не можете отрицать тот факт, что сегодня ночью двое членов вашей семьи были отравлены, и именно ваша задача определить, кому это выгодно, и почему.

– Но вы же сказали, что Вирджиния покончила с собой...

– Я этого не утверждал, лишь спросил, были ли к тому причины? А ваш сын – он мог бы покончить с собой?

– Нет, никогда! – решительно начала миссис Левлинн, но осеклась и задумалась. – Впрочем... не знаю... Не могу сказать. Он такой эмоциональный, возбудимый. Иногда совершенные пустяки страшно расстраивают его...

– Лично я не склонен думать, что ваш сын наложил на себя руки. Некоторое время я наблюдал за ним в казино, он играл с таким энтузиазмом, так радовался, когда выигрывал...

– Как вы думаете, он поправится?

– Ваш сын вне опасности. Он под наблюдением дежурного врача и сейчас спокойно спит. Доктор считает, что мистер Левлинн сможет завтра вернуться домой.

– Слава Богу! Наконец-то я могу спокойно заснуть. Вы хотите спросить меня о чем-то еще?

Вэнс кивнул.

– Каков статус мистера Бладгуда в вашем доме?

– Мистер Бладгуд – близкий друг моего сына.

Они вместе учились. Он был знаком с Вирджинией несколько лет до того, как она вышла замуж за моего сына. Мой брат, мистер Кинкайд, тоже очень симпатизирует мистеру Бладгуду. Он сразу заметил в нем особые способности и стал обучать его нынешней профессии. Мистер Бладгуд много времени проводит в нашем доме. Но ведь и мой брат живет здесь. Наполовину этот дом принадлежит ему.

– Какая именно часть дома принадлежит мистеру Кинкайду?

– Он занимает третий этаж.

– Могу я спросить об отношениях между мистером Бладгудом и вашей дочерью?

– Мистер Бладгуд интересуется Амелией. Он сделал ей предложение, но, насколько я знаю, она не дала ему определенного ответа. Иногда мне кажется, что она его любит, а иногда – что ненавидит. Думаю, она ему не доверяет. К тому же, Амелия слишком увлечена искусством и считает, что замужество повредит ее карьере.

– Вы возражаете против их союза?

– Не возражаю, но и не поддерживаю, – сухо ответила миссис Левлинн.

– А доктор Кейн тоже интересуется вашей дочерью?

– По-моему, да. Она же считает его надежным человеком, правда, с ее стороны симпатия чисто дружеская.

– Не смею вас больше задерживать, – произнес Вэнс. – Спасибо за содействие и терпение, а мы сделаем все, чтобы разобраться в этом деле.

Миссис Левлинн поднялась и молча вышла из гостиной.

Когда она ушла, Маркхейм проворчал:

– С меня хватит. Эти семейные дразги ведут нас в никуда. Ты просто перебираешь их грязное белье.

– Пожалуй, действительно пора заканчивать, – согласился Вэнс.

Полусонный дворецкий подал пальто и шляпы и направился отпирать дверь, но тут в замочной скважине повернулся ключ, и в холле появился удивленный Кинкайд.

– Что вы здесь делаете? И почему на входе полицейские?

– Они выполняют свою работу, – ответил Маркхейм. – Здесь произошло несчастье.

– Умерла жена вашего племянника, – уточнил Вэнс. – Ее отравили. Как вам известно, Линн Левлинн тоже был отравлен сегодня ночью...

– Я знаю про Линна. Что здесь произошло? – сквозь зубы спросил Кинкайд.

– Подробности нам неизвестны. Кроме того, что миссис Левлинн отравили примерно в то же время, что и ее мужа. Медэксперт сказал, что отравили ее белладонной. Более точные сведения мы получим завтра после вскрытия. Что касается вашего племянника, то, по последним данным, он вне опасности...

Вэнс не успел договорить, как вдруг откуда-то сверху раздался женский крик, хлопнула дверь,

послышался топот бегущих ног, и на верхней площадке появился Хитс, яростно махавший руками.

– Скорее сюда, мистер Маркхейм, здесь что-то случилось!

Глава 7

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, а Хитс тем временем успел добежать до открытой двери в северном конце коридора. За широкой спиной сержанта нам не было видно происходящего в комнате, поэтому разобраться в ситуации мы смогли, лишь подбежав к двери.

Миссис Левлинн стояла, опершись о стену и прижимая к лицу носовой платок, и громко всхлипывала. Когда мы вошли, она даже не взглянула на нас – взгляд ее был прикован к расстертному на полу телу Амелии Левлинн.

Миссис Левлинн молча указала рукой на тело дочери, и, дрожа всем телом, произнесла:

– Она пошла к себе, но внезапно вздрогнула, схватилась за голову и упала.

Вэнс опустился на колени рядом с телом девушки, пощупал пульс, осмотрел зрачки, после чего дал знак Хитсу, указав в сторону кровати. Они вдвоем положили девушку на кровать, и Вэнс скомандовал:

– Нюхательную соль! И позовите дворецкого, сержант!

Миссис Левлинн подошла к ночному столику и достала из ящика пузырек.

– Подержите возле ее носа, но не слишком близко, – обратился к ней Вэнс.

Тут появился дворецкий, которому было дано указание срочно связаться с доктором Кейном.

Кинкайд неподвижно стоял в дверях, переводя взгляд с одного участника действия на другого.

– Что все-таки произошло, мистер Вэнс? – наконец спросил он.

– Все то же – отравление. Как и в случае с Линном Левлинном. Какая подлость!

В этот момент дворецкий позвал Вэнса к телефону – доктор Кейн был на проводе.

– Амелия Левлинн серьезно больна. Срочно приходите, захватите кофеин, дигиталис и адреналин. Вы поняли? Все верно. – Вэнс повесил трубку и вернулся в комнату. – Кейн не ложился спать, так что через минуту будет здесь. – Он обернулся к миссис Левлинн. – Пока мы ждем доктора, расскажите подробно, что здесь произошло.

– Амелия зашла ко мне в спальню и сказала, что вы желаете меня видеть. Она решила подождать моего возвращения, так как хотела со мной поговорить. Я вышла не сразу, мне нужно было привести себя в порядок.

– А что в это время делала ваша дочь?

– Ничего, сидела молча, курила... А, вот что я вспомнила! Она подошла к ночному столику и налила себе стакан воды из графина.

– Это вполне понятно, – заметил Вэнс. – Нервозность, расстройство... В горле

пересохло... – Он осмотрел графин, стоявший на столике. – Пусто! Большая жажда... Интересно, у всех сегодня большая жажда... Все емкости для воды пусты и сухи... В казино, в комнате миссис Левлинн, здесь тоже – дефицит воды... Миссис Левлинн, а где дверь в комнату вашей дочери?

– Дверь находится в конце небольшого коридора, ведущего в холл.

– Сержант, пройдите в комнату мисс Левлинн и посмотрите, есть ли вода в графине?

Через пару минут сержант вернулся и сообщил:

– Пусто.

Вэнс задумчиво произнес:

– Да, да, все логично. Воды нет ни у кого... Кто наполняет графины? – обратился он к миссис Левлинн.

– Обычно – горничная.

– В какое время?

– После обеда, когда убирает постели.

– Бывали случаи, что она забывала это сделать?

– Никогда. Энни очень аккуратная прислуга.

– Ясно. С Энни поговорим позже, а пока продолжим, миссис Левлинн. Ваша дочь закурила, налила себе стакан воды, а вы отправились ко мне. Что происходило, когда вы вернулись?

– Амелия все еще сидела на стуле и курила. Она пожаловалась на боль в глазах, и лицо ее сильно покраснело. Сказала, что у нее гудит в голове и звенит в ушах, и что чувствует она себя очень плохо. Я отнеслась к этому не слишком серьезно, поскольку решила, что это результат нервного стресса, и посоветовала ей лечь в постель. Она поднялась и пошла к двери, приложив пальцы к вискам, но вдруг пошатнулась и упала. Я подбежала к ней, стала ее трясти, потом, наверное, громко вскрикнула, и этот джентльмен, – она показала на Хитса, – появился здесь, а следом пришли вы. Пожалуй, это все, что я знаю.

– Этого вполне достаточно. Вы очень подробно описали состояние вашей дочери, и оно повторяет то, что произошло с вашим сыном. Хотя его случай более тяжелый, но симптомы совершенно одинаковые. Надеюсь, с вашей дочерью все обойдется благополучно.

В комнату вошел Кинкайд и присел за массивный дубовый стол, стоявший в центре. Лицо его напоминало гипсовую маску. Еле шевеля губами, он произнес:

– Какой же я идиот! Я велел принести Линну воды из моего графина!

Вэнс кивнул:

– Да, я это заметил. Грубая ошибка с вашей стороны. Могли и сами выпить...

В дверях появился дворецкий.

– Прошу прощения, господа, что вмешиваюсь, но я случайно услышал ваш разговор и подумал, что это может быть важно. Поэтому я разбудил Энни и спросил у нее, когда она наливала воду. Она уверила меня, что наполняла графины сегодня вечером, как обычно.

– Отлично, Смит, – поблагодарил Вэнс. – Вы очень любезны.

Послышался звонок, и дворецкий поспешил к дверям. На пороге появился доктор Кейн, бледный, как мел, все в том же костюме, с небольшим чемоданчиком в руках.

– Не задавайте лишних вопросов, доктор, – заговорил Вэнс. – У девушки признаки коллапса. Тонкий пульс, слабое дыхание... Необходима сперва инъекция кофеина, три грана, затем дигиталис. Адреналин может не понадобиться. Действуйте!

Кейн отправился в ванную комнату мыть руки, а Вэнс обратился к нам:

– Всем лучше подождать внизу.

– Мне тоже уйти? – уточнила миссис Левлинн.

– Да, и вы тоже.

Мы дружно покинули комнату.

Некоторое время спустя доктор Кейн присоединился к нам в гостиной.

– Она пришла в себя, – сообщил он. – Даже пытается говорить.

– Отлично... Миссис Левлинн, уложите ее в постель, – распорядился Вэнс. – А вы, доктор, подежурьте здесь. Мы вернемся утром.

– Дьявольски спланированное преступление, – говорил он, заводя двигатель своего автомобиля. – Трое отравленных. Один из них умер, а двое требуют врачебного контроля. Кто следующий? Полная тьма. Я не вижу никакого выхода, ни малейшей зацепки...Множество доказательств, которые только мешают и путаются под ногами. Весь коварный план построен на обмане и мистификации. Чего ждать дальше?

– В конце концов, – заметил Маркхейм, – Линн и его сестра вне опасности.

– Да, верно. Тут преступник просчитался. Но все это только усложняет дело.

– Какие у нас планы на завтра? – вдруг спросил Маркхейм.

– Я позвоню тебе в десять утра и захвачу с собой в дом Левлиннов. Ты должен быть там. Надо опросить слуг и поговорить с Линном и Амелией, если они придут в себя.

– Хорошо, ровно в десять, – согласился Маркхейм. – Но мне непонятно, зачем тебе разговаривать с Линном и Амелией, что это тебе даст?

– Пока сам не знаю...

– Ясно. Главное – ввязаться...

Глава 8

Ровно в десять Вэнс остановил машину перед входом в дом Маркхейма. Маркхейм уже ждал нас в вестибюле. Вид у него был озабоченный и усталый. Все утренние газеты дружно описывали самоубийство Вирджинии Левлинн, соревнуясь между собой в деталях, статьи сопровождалась семейными фотографиями.

Дверь в дом Левлиннов отворил все тот же дворецкий. Хитс стоял в холле в компании Сниткинса и Салливана.

– Что нового, сержант? – спросил Маркхейм.

– Ничего. Я три часа поспал, потом воевал с репортерами. Уйти отсюда некуда, так что я окопывался тут и ждал вас. Все семейство дома, хозяйка спустилась в восемь тридцать и заперлась в библиотеке...

Вэнс оживился.

– Вон что! И долго она там была?

– С полчаса. Потом опять пошла наверх.

– А как молодая леди?

– С ней все в порядке. Она выходила, и я слышал, как она с кем-то разговаривала. Примерно полчаса назад пришел доктор Кейн, и сейчас он у нее.

– Вы видели сегодня Кинкайда?

– Да. Он спустился очень рано. Предложил мне выпить и сказал, что должен уйти, но я его не выпустил, объяснил, что жду указаний окружного прокурора.

– Он возмущался?

– Да нет... Мол, все вопросы сможет уладить по телефону. Потом заказал джин и поднялся наверх.

– Хотел бы я послушать его телефонные разговоры, – произнес Вэнс.

– Ничего интересного, – усмехнулся сержант. – Я их слышал по параллельному аппарату. Он разговаривал с брокером, с каким-то Бладгудом и с кассиром казино. Все только о делах. Хоть бы одна барышня...

– Никаких загородных звонков?

– Был один. Он называл номер в Клостере.

– Оп-ля!

– Но ему там не ответили, и он разъединился.

– Эх, жалко... Номер не запомнил?

Хитс широко улыбнулся.

– Обижаете. Запомнил, и все про него выяснил. Это номер охотничьего домика неподалеку от Клостера.

– Вот это профессионал! – восхитился Вэнс. – Еще что-нибудь?

– Молодой хозяин недавно прибыл, минут двадцать, как...

– Линн Левлинн?

Хитс кивнул.

– Выглядит не очень, но инвалидом не назовешь. Похоже, он не в курсе событий, а я не хотел ему ничего сообщать, просто сказал, чтобы он пошел наверх и поговорил со своей матерью... Кажется, все.

– Спасибо, сержант, – поблагодарил Вэнс и обратился к Маркхейму: – Теперь нам надо встретиться с Амелией и Линном, но сначала я бы еще раз осмотрел будуар Вирджинии. Вдруг мы вчера что-то упустили...

Когда мы оказались наверху, из комнаты Вирджинии послышался чей-то истеричный вскрик. Слов было не разобрать, но, подойдя ближе, мы увидели в приоткрытую дверь следующую сцену. Миссис Левлинн сидела на стуле возле кровати, а перед ней на коленях стоял рыдающий Линн, судорожно хватавший ее за руки. Нашего присутствия они не заметили.

– Дорогая моя, дорогая! – истерично говорил

Линн. – Скажи, что это не ты! Ты ведь не делала этого, мама?

Вэнс кашлянул, привлекая внимание, и они оба резко повернулись к двери. Линн поднялся и отошел в дальний угол комнаты, а миссис Левлинн осталась сидеть, выпрямив спину. Она предложила нам войти и пояснила:

– Не обращайтесь внимания, джентльмены. Мой сын только что узнал о смерти жены, и очень расстроен.

– Да, мы понимаем, – сказал Вэнс. – Это большое несчастье. Мистер Левлинн, прошлой ночью я был в казино и видел, что произошло с вами. Пострадала и ваша сестра. Хорошо, что все обошлось благополучно. Но необходимо разобраться в ситуации, поэтому мы сегодня здесь. Нам надо кое-что осмотреть, а потом поговорить с вами. Можете подождать в другой комнате?

– Я подожду в гостиной, – произнес Линн и вышел.

Миссис Левлинн, переждав минуту, заговорила:

– Линн упрекает меня, что я виновата в самоубийстве его жены.

– Простите, но часть вашего разговора мы слышали, когда шли сюда. Стоит ли принимать во внимание его слова, мадам?

– Дело в том, что я возражала против его женьтыбы. Мне не нравилась эта женщина, она была недостойна его. Возможно, я слишком резко высказывала свое мнение, но ведь я искренне желала счастья сыну. Он всегда прислушивался к моим словам, доверял мне, поэтому теперь, пытаясь найти виновного, видит его в самом близком человеке. Если я вам еще понадобится, я буду у себя.

Миссис Левлинн вышла, а Вэнс приступил к осмотру комнаты.

Прежде всего он подошел к туалетному столику и стал изучать запасы косметики.

– Обычный набор – тени для век, карандаш для глаз, тушь... Всего полно, и ничего не использовано вчера ночью. Совершенно несвойственно для актрисы. – Он закрыл ящик, прошелся по комнате, заглядывая во все углы, и, наконец, заключил: – Ничего мы здесь не найдем, Маркхейм. Только ванную еще раз осмотрю, на всякий случай...

Когда Вэнс вернулся в комнату, глаза его были грустными.

– Знаешь, Маркхейм, готов поклясться, что кто-то шарил на полках аптечки после меня.

– С чего ты взял? Собственно, даже если это так, не вижу ничего особенного, – пожал плечами Маркхейм.

– Видишь ли, когда я вчера осматривал аптечку, то составил для себя некую картину того, что там находилось. Вроде бы ничего не пропало, все на месте, это я проверил, но что-то там все-таки не так. Мой эстетический взгляд нарушен. – Вэнс вернулся к изголовью кровати, постоял немного, разглядывая ночной столик, пепельницу на нем, телефон и лампу с шелковым абажуром, потом медленно выдвинул маленький ящик.

– Вот здорово! – воскликнул он, опуская руку в ящик и извлекая маленький револьвер вороненой стали. – Вчера ночью его тут не было! Чудеса!

Маркхейм с сомнением спросил:

– Ты уверен, что вчера его не было?

– Абсолютно. Это не обман зрения.

– Но какое отношение револьвер может иметь к отравлениям?

– Понятия не имею. Давай лучше спустимся вниз и поговорим с безутешным вдовцом.

Глава 9

Войдя в гостиную, мы обнаружили Линна сидящим в кресле с трубкой в зубах.

– Скажите, сколько вы выиграли вчера? – спросил Вэнс.

– Около тридцати тысяч. Дядя сказал мне, что деньги он спрятал в сейф. Я хотел сорвать чертов банк!

– Вы заметили необычный вкус виски или воды вчера ночью?

– Нет. Я сам об этом думал и пытался вспомнить подробности, но ничего необычного не припомню.

– Вчера ночью ваша сестра выпила воду из графина в спальне вашей матери и отравилась. Точно такие же симптомы, как и у вас.

– Я знаю. Это кошмар.

– Мистер Левлинн, у вас есть револьвер? – неожиданно спросил Вэнс.

– Да, есть. А он-то при чем?

– Где вы его держите?

– В ящике ночного столика возле кровати. У нас было несколько попыток проникновения воров.

– Вчера ночью его там не было.

– Естественно. Я брал его с собой.

– Вы всегда носите с собой оружие, выходя из дома?

– Нет, не всегда. Но когда иду в казино, обязательно беру. Никогда не знаешь, что там с тобой произойдет. У нас с дядей плохие отношения. Он хочет заполучить мои деньги, а я – его. Если говорить откровенно, я ему не доверяю.

– А как насчет Благгуда? Не является ли он еще одной причиной ваших опасений?

– Я ему доверяю не больше, чем Кинкайду, поскольку это его ставленник, который сделает все, что ему прикажут. Это очень хладнокровный человек, и, если поставит цель, обязательно ее добьется.

– Ваша мать сказала, что он хочет жениться на вашей сестре.

– Правильно, для него это выгодный брак.

– Но сестра отказала ему?

– Это пока. Скоро ее любовь к живописи пройдет, и она выйдет замуж за Благгуда. Сладкая парочка получится, – ехидно заметил Левлинн.

– А как же доктор Кейн?

– Так и будет вечно у нее на побегушках.

Вэнс взглянул на Линна с возрастающим интересом.

– Скажите, вам что-нибудь известно о ядах? Молодой человек даже глазом не моргнул.

– Нет, ничего не известно. Зато кому-то здесь очень многое о них известно, знать бы, кому...

– У вас в библиотеке много книг на эту тему.

– Мой отец интересовался медициной, в особенности ядами...и это его старые книги... – Линн задумался.

– На сегодня все, мистер Левлинн, – сказал Вэнс. – Можете идти вверх. Простите за вопрос про яды, если он вас шокировал.

– Нисколько не шокировал. Кейн – врач, Бладгуд имеет степень по химии, а Кинкайд написал целую главу по ядам Востока в своей книге о путешествиях.

– Да, понимаю. Этим людям книги не потребовались бы. Они скорее потребовались бы вам, вашей матери или сестре, но именно вы с сестрой оказались жертвами, и остается только ваша мать... Наверное, вы тоже об этом подумали, не так ли?

Линн резко встал и возмущенно проговорил:

– Ничего я не подумал!

– Простите, значит, я ошибся. И еще один вопрос, мистер Левлинн. Вы сегодня утром заглядывали в свою аптечку в ванной комнате?

– Н-нет... Точно, не заглядывал.

– Хорошо. Но кто-то заглядывал...

Не дослушав Вэнса, Линн резко повернулся и вышел из гостиной.

– Почему ты не спросил его, что он думает по поводу всего случившегося? – спросил Маркхейм.

– Чтобы не травмировать мальчика. Он и так слишком переживает, подозревая собственную мамочку.

Глава 10

В дверях возник сержант Хитс.

– Доктор Кейн здесь, сэр. Он вам нужен? Вэнс подумал, затем кивнул.

– Да, попросите его зайти сюда, сержант.

Хитс удалился, и минуту спустя в гостиную вошел доктор Кейн.

– Как чувствует себя ваша пациентка? – спросил Вэнс.

– В пределах нормы, сэр. Конечно, она еще слаба и очень нервничает, но пульс и дыхание у нее ровные, и давление нормальное.

– У вас есть соображения по поводу того, каким конкретно ядом ее пытались отравить?

– Я долго думал над этим – собственно, такие симптомы могли вызвать многие препараты, содержащие яд, в частности, снотворные таблетки с барбитуратами. Более точно смогу сказать, когда проведу исследования в лаборатории.

Вэнс поблагодарил доктора, и, когда тот ушел, попросил дворецкого:

– Скажите мисс Левлинн, что мы хотим поговорить с ней, либо здесь, если она в состоянии прийти сюда, либо в ее комнате.

Дворецкий с поклоном удалился и через некоторое время, вернувшись, сообщил, что мисс

Левлинн ждет их в своей комнате.

Девушка полулежала в кресле, укрывшись пледом.

– Мы рады видеть вас в добром здравии, – приветствовал ее Вэнс. – Надеюсь, вам уже лучше.

– Зато кто-то вряд ли рад этому. Мне так страшно, что егдня утром даже побоялась выпить кофе с тостом.

– Ну, что вы, не стоит так все усложнять. Отравитель явно сбился с пути и все перепутал. Зато мы теперь знаем, откуда ждать неприятностей.

– Похоже, вы кое-что накопили...

– Да, кое-что, но этого недостаточно. Вы виделись с братом? Он уже оправился после своего случая, кстати, гораздо более тяжелого, чем ваш.

– Да уж, ему здорово досталось, такие вот мы невезучие.

– Надеюсь, ваше невезение скоро закончится. А сейчас не могли бы вы подробно рассказать, как выпили воду в комнате матери?

– Как вообще пьют воду? Просто почувствовала жажду и механически потянулась к графину, который стоял поблизости.

– Вы почувствовали что-нибудь необычное во вкусе?

– Нет, вода как вода. А когда мама вернулась, у меня так разболелась голова, что стало совсем плохо. Дальше ничего не помню.

– А в вашем графине в тот вечер была вода? Горничная сказала, что наполняла все графины, но ваш тоже был пуст.

– Да, верно. Я выпила всю воду, пока рисовала эскизы. А что, моя вода тоже была отравлена?

– Нет, иначе вам бы стало плохо гораздо раньше. Приступ начинается примерно через полчаса, максимум – через... – Вэнс замолчал и тихо подошел к двери в холл. Осторожно повернув ручку, он быстро распахнул дверь – за ней стоял Ричард Кинкайд.

Он нисколько не смутился, и, вынув изо рта сигарету, произнес:

– Доброе утро, мистер Вэнс. Я хотел осведомиться о состоянии моей племянницы, но, когда подошел к двери, услышал голоса и понял, что здесь вы и мистер Маркхейм, поэтому не решился вам помешать.

– Хорошо, что вы пришли. Я хотел узнать у вас адрес мистера Бладгуда. Нам очень нужно с ним переговорить.

Казалось, вопрос совсем не удивил Кинкайда.

– Бладгуд живет в отеле «Астория» на 22-й улице. Он весь день будет дома, я недавно говорил с ним по телефону. Но уверяю вас, он совершенно ни при чем.

– Нам просто нужно кое-что у него выяснить. Если помните, именно он сказал официанту, чтобы Линну подали воду без газа. Вот об этом я и хотел с ним побеседовать.

Амелия удивленно посмотрела на Вэнса.

– Что вы имеете в виду? Что мистер Бладгуд отравил Линна? Уж если на то пошло, я сама могу вам сказать, кто виноват во всех этих

происшествиях с членами моей семьи!

– Когда правда откроется, ваши заявления уже не потребуются, – вежливо произнес Вэнс и откланялся.

У двери миссис Левлинн он вдруг остановился и повернулся к Маркхейму.

– Прежде, чем мы покинем этот дом, я должен кое о чем переговорить с его хозяйкой.

Миссис Левлинн открыла дверь, всем своим видом выражая недовольствие.

– Простите, мадам, но я хочу спросить, почему вы сегодня утром так много времени провели в библиотеке?

– Значит, за мной следят в моем собственном доме. Что ж, вы угадали. Я действительно изучала книги по токсикологии, чтобы выяснить, каким именно ядом могли быть отравлены мои дети.

– И вам удалось что-нибудь выяснить?

– К сожалению, нет.

– Хочу успокоить вас, мадам, слезки больше не будет. Полиция отозвана из вашего дома, и вы вправе перемещаться по своему усмотрению.

Десять минут спустя мы уже ехали по направлению к офису окружного прокурора. По призыву Маркхейм незамедлительно дал указание Свакеру получить заключение у доктора Доремуса, а также заключение экспертизы по поводу печатных листов, которые были переданы в лабораторию.

– Заключение по листкам готово, – отрапортовал Свакер, кладя на стол конверт. – А доктор Доремус позвонил в одиннадцать часов и сказал, что заключение по вскрытию задерживается. Я недавно перезвонил ему, и он обещал, что скоро все будет готово.

Маркхейм кивнул, и Свакер удалился.

– Задерживается? – удивился Вэнс. – С чего бы вдруг? Странно... Что ж, давайте посмотрим на заключение экспертов по печати.

Маркхейм открыл конверт и, разложив перед собой три листка с печатным текстом, стал читать заключение экспертов.

– Что ж, все, как ты и говорил. Все письма напечатаны на одной машинке, с небольшой разницей во времени. Кроме того, и посмертная записка, и твое письмо были напечатаны одним человеком, на что указывает одинаковый нажим на клавиши и однообразная пунктуация. Тут еще масса всяких подробностей. – Он передал заключение Вэнсу. – Посмотри сам.

– Не надо, – отмахнулся Вэнс. – И так все ясно.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге возник Свакер.

– Вот результаты вскрытия, – сказал он, кладя на стол Маркхейма очередной конверт.

Маркхейм распечатал его и начал читать заключение. По мере прочтения лицо его омрачалось, и во взгляде появлялось удивление.

– Что-то не так? – поинтересовался Вэнс.

– Все не так, – пробурчал Маркхейм. – В желудке не обнаружено никакой белладонны, никакой

камфары, никакого хинина – ничего из того, что содержится в таблетках от ринита. Зато – жидкость в легких, увеличение правого желудочка, трахея и пищевод гиперемированы.

– То есть, все симптомы асфиксии. Никакого яда... Доремус как-то прокомментировал?

– Нет, никаких комментариев, только констатация фактов. Он также отмечает, что причина асфиксии не установлена.

Вэнс просмотрел заключение и положил его на стол.

– Загадка. Леди была отравлена, но следов яда нет. Двое других тоже отравлены, но поправились. С нами играет в прятки некий неуловимый и гнусный убийца... Какая скверная ситуация!

Глава 11

В кабинет снова заглянул Свакер.

– Здесь сержант Хитс, и с ним некто Благгуд.

Маркхейм приказал впустить посетителей.

У Благгуда был недовольный и встревоженный вид. Руки он держал в карманах, во рту торчала сигарета. Он кивнул Вэнсу и, представившись сквозь зубы Маркхейму, плюхнулся на ближайший стул.

– Кинкайд позвонил и сказал, что вы вызываете меня на ковер. Еще он сказал, что вы как-то связываете мою скромную персону с отравлением Линна. Ну так что?

– Мы не связываем вас, вас связывают обстоятельства. Мы подумали, что вы можете дать какие-либо пояснения, которые окажутся полезными в расследовании.

– Мне нечего пояснять, мистер Вэнс. Наверное, вы намекаете на то, что я дал команду официанту принести воду без газа... Это неприятное совпадение. Таковы порядки в казино – знать пристрастия клиентов, и я знал, что Линн не пьет воду с газом.

– Значит, вашу команду официанту надо считать лишь данью порядкам казино?

– Чтоб мне провалиться! Делаю всего лишь вежливый жест, а клиент чуть не помирает. Я не слишком люблю Линна, но мне его искренне жаль. Получается, что моя доброта обернулась против меня. – Благгуд замолчал, уставившись в одну точку.

Вэнс выдержал паузу и снова заговорил:

– Вы, наверное, знаете, что вчера ночью умерла жена Линна?

– Прочел в утренних газетах.

– Вы верите, что это самоубийство?

– А разве нет? В газетах написано, что нашли посмертную записку...

– Нашли, но это еще ничего не доказывает. Наверное, Кинкайд сообщил вам, что похожий случай произошел и с мисс Левлинн прошлой ночью?

– То есть как?! Он мне ничего не сказал об Амелии! Что с ней?

– Она выпила воду из графина своей матери, и с ней началось то же, что и с ее братом. Впрочем, все обошлось. Сейчас она уже в порядке, мы

только что оттуда. Но у нас осталась еще пара вопросов. Вы химик, мистер Благгуд, и близко знакомы с Кинкайдом. Скажите, он когда-либо увлекся химией?

Благгуд искоса взглянул на Вэнса и нервно откашлялся.

– Не думаю, нет. Этот предмет не входит в сферу его интересов. Если бы химией можно было заработать, он бы ею занялся – с точки зрения спекуляции.

– Хорошо, оставим Кинкайда. Что вы можете сказать о докторе Кейне? Он был на обеде у Левлиннов вчера вечером, и мисс Левлинн позвала его, когда случилось несчастье с женой Линна.

– Я мало с ним знаком и виделся только в доме Левлиннов, – нахмурился Благгуд. – По-моему, он имеет виды на Амелию. Из хорошей семьи, и все такое прочее. Всегда вежливый, обходительный, но мне он кажется каким-то хитрым, изворотливым. Никогда сразу не ответит на вопрос, словно прикидывает, надо ли отвечать...

– Мистер Благгуд, прошлой ночью отравили троих человек. Один умер, двое других сумели выкарабкаться. В желудке умершей миссис Левлинн яда не обнаружено. Двое других отравленных пострадали, выпив воды. Когда мы прибыли в дом Левлиннов по поводу смерти жены мистера Линна, в ее кувшине воды не было...

– Господи! – воскликнул Благгуд. – Что вы хотите сказать? Что всех троих отравили водой?

– А что вас так удивляет?

– Н-нет... ничего... Я...я просто растерялся, ведь это я дал команду заменить Линну воду...

– Дело не в этом, мистер Благгуд. Вам придется дать объяснения по другому поводу.

– По какому другому?

– Во-первых, вы были в доме Левлиннов прошлым вечером и имели доступ ко всем графинам в доме. Во-вторых, единственный графин, в котором не было яда, находился в комнате мисс Левлинн. В-третьих, вы имеете виды на нее. В-четвертых, вы – химик... Теперь рассмотрим эти факты в свете того, что именно вы велели заменить Линну воду в казино. Что скажете?

Благгуд судорожно сглотнул.

– Я вас прекрасно понял. Несмотря на то, что яда нигде не обнаружено, именно я подозреваю в манипуляциях с водой прошлой ночью. Мне нечего на это возразить, равно, как и нечего сказать. Делайте, что считаете нужным, господа. – И Благгуд с возмущенным видом вышел из кабинета.

– Хитрая бестия, – пробормотал Вэнс. – Он ведь сказал что-то очень важное, но, черт возьми, что именно? Я не знаю. Идея отравления его не удивила, а упоминание воды вывело из равновесия. Вот задачка, Маркхейм... Он загнан в угол, но понимает, что мы пока не знаем, почему. Опытный игрок. Но что-то он все-таки сообщил... Понять бы, что именно. В этом – ключ к разгадке. Будем искать. А для этого мне нужно съездить в Принстон. Вперед, и с песней, друзья мои!

Глава 12

Вернулся Вэнс в Нью-Йорк после полудня на следующий день. Поздоровавшись со мной, он сказал:

– Плохая погода, Ван. Идет дождь, а нам надо ехать в деревню. Заканчивай свои бумажные дела и собирайся. Только сперва надо увидеться с Маркхеймом. Позвони ему в офис...

Маркхейм ждал нас.

– В чем дело, Вэнс? Хочешь доложить о путешествии?

– Нечего докладывать, друг мой. Бесплезное путешествие.

– А зачем вообще ты ездил в Принстон?

– Повидаться с одним моим старым знакомым, – ответил Вэнс. – Доктор Хью Стотт Тейлор, один из лучших химиков нашего времени. Он заведует кафедрой химии Принстонского университета. Вчера вечером я несколько часов провел в его лаборатории. Меня интересовала проблема тяжелой воды.

– Тяжелая вода? – Маркхейм поднял брови. – Что-то я о ней слышал...

– Ну, разумеется. О ней много писали в газетах. Удивительное открытие, одно из наиболее заметных в современной химии. Тяжелая вода, это соединение, в котором атом водорода весит вдвое больше атома водорода в обычной воде. Это такая жидкость, в которой 90 процентов молекул состоит из кислорода, соединенного с тяжелым водородом. Интересно, что на вид и вкус она абсолютно такая же, как обычная вода. Открытие тяжелой воды принадлежит доктору Гарольду С.Юри из колумбийского университета, но огромный объем исследований проделан учеными Принстонского университета. Доктор Тейлор сказал, что их лаборатория на своем заводе получает в сутки лишь один кубический сантиметр этой воды. Цена ее очень высока, стоимость одного кубического сантиметра превышает сотню долларов. Чайная ложка будет стоить, соответственно, около четырехсот долларов, а кварта – сто тысяч... Коммерческие перспективы такой воды огромны.

– А каковы её воздействия на человеческий организм?

– На этот вопрос пока нет ответа, можно лишь предполагать. Во всяком случае, профессор Свингл из Принстона доказал, что эта вода смертельна для аквариумных рыб и лягушек, а также наличие тяжелой воды в организме человека приводит к быстрому старению и одряхлению. Однако эти сведения никак не помогают нам в решении нашей проблемы. С другой стороны, Маркхейм, ими нельзя пренебрегать, поскольку они могут вывести нас на правильный путь.

– Каким же образом? – удивился Маркхейм.

– Вчера вечером я разговаривал с одним из ассистентов доктора Тейлора, мистером Мартином Квейлом. Это перспективный химик и исследователь, и главное – однокашник Благгуда. Впрочем,

это пока нам ничего не дает, и я планирую новое путешествие, в деревню. Надеюсь, там найдю больше.

– И что именно? – спросил Маркхейм.

– Не торопи меня. Лучше попроси Свакера узнать, какие компании снабжают водой и электричеством жилые дома в Клостере и окрестностях. Когда получим результаты, выдай мне сопроводительные письма к управляющим этих компаний.

– Господи! – вздохнул Маркхейм. – Ты думаешь, что Кинкайд...

Спустя несколько минут Свакер доложил, что Клостер и его окрестности снабжает водой Вэлли Стрим Уотер Компани, а электричеством – Энгельвуд Пауэр Лайт Компани, и их офисы расположены в Энгельвуде.

Под диктовку Вэнса Маркхейм написал сопроводительные письма, и минут через десять мы уже ехали по направлению к Энгельвуду, расположенному в нескольких милях от Клостера.

Разыскав офис компании Вэлли Стрим Уотер и передав письмо Маркхейма управляющему, мы незамедлительно были им приняты.

– Чем я могу вам помочь, джентльмены? – спросил мистер Мак Карти, управляющий компании.

– Мы хотели бы узнать, какое количество воды потребляет мистер Ричард Кинкайд, имеющий владения вблизи Клостера.

– Сейчас скажу. – Управляющий подошел к шкафу, порылся в нем, достал небольшую карточку, и, посмотрев на нее, удивленно поднял брови. – Ах, да, припоминаю. Мистер Кинкайд установил новую однодюймовую систему и потребляет большое количество воды, около 400 000 кубических футов в год.

– Но ведь у него всего лишь средних размеров охотничий домик...

– Да, я знаю, – кивнул мистер Мак Карти. – Такое количество воды, как правило, необходимо для обрабатывающего предприятия. Я обратил внимание на большое потребление воды еще в прошлом году и решил, что произошла ошибка, поэтому стал выяснять. Но потребитель сказал, что все правильно, и я успокоился. Он оплачивает потребление воды – мы ее поставляем.

– А как давно началось такое большое потребление?

Управляющий еще раз взглянул на карточку.

– Новые трубы были установлены в августе, тогда же оно и началось.

– Огромное спасибо. Это все, что мы хотели узнать.

В офисе компании Энгельвуд Пауэр Лайт мы повторили ту же процедуру с письмом, и были приняты управляющим, мистером Браунингом. Здесь Вэнс осведомился о количестве электроэнергии, потребляемой все тем же Кинкайдом.

– Обычно мы не даем такой информации, – начал мистер Браунинг, – но в данных

обстоятельствах вынужден сообщить вам, что мистер Кинкайд, хорошо известный здесь человек, примерно год назад оговорил со мной увеличение потребления энергии его охотничьим домиком. Речь шла о пятистах киловаттах по сравнению с обычными пятью.

– Мистер Кинкайд не объяснил вам, для каких целей ему нужно столько энергии? – спросил Вэнс.

– Он сказал, что ему это нужно для эксперимента.

– Для какого эксперимента?

– Эксперимент конфиденциального характера, и мне неудобно было спрашивать. Он оплачивает электроэнергию, а наше дело выполнять требования клиентов.

– Вполне деловой подход. – Поблагодарив мистера Браунинга за информацию, мы откланялись.

Сев в машину, Вэнс задумчиво проговорил:

– Знаешь, Ван, хорошо бы взглянуть на именинника Кинкайда.

Развернув автомобиль, мы направились к трассе 9-W и примерно через две мили были у поворота на частную дорогу, возле которого на столбе висела табличка, указывающая, что неподалеку находится охотничий домик Кинкайда. Еще через полмили мы, наконец, подъехали к двухэтажному каменному дому, казавшемуся необитаемым.

Вэнс оставил машину в зарослях и мы подошли к парадной двери.

– Похоже, никого здесь нет, – произнес Вэнс. – Давай посмотрим вокруг.

Обойдя дом, мы увидели веранду, к которой вело крыльцо из нескольких ступенек, поднялись и вошли внутрь. Но дверь в дом и даже окошко соседней кладовки были заперты.

– Подожди-ка, – шепнул Вэнс, куда-то ушел и вскоре вернулся со стамеской из автомобильного набора. – Всегда чувствовал в себе задатки вора-взломщика. Ну-ка, посмотрим...

Он поковырял стамеской между створками окна кладовки, и вскоре ему удалось сбросить крючок с петли и открыть окно. Затем Вэнс без труда протиснулся в довольно узкое окошко и шепнул:

– Давай за мной, Ван.

Я повторил его упражнение, и Вэнс втащил меня в кладовку.

– Нам надо искать вход в подвал. Вряд ли в жилых комнатах есть что-то интересное.

Подвал мы отыскали довольно легко, и Вэнс спустился первым, освещая путь зажигалкой.

– Смотри, какая интересная дверь в этом охотничьем домике, – послышался из темноты его голос.

В тусклом пламени зажигалки я увидел мощную дубовую дверь, но на ней не было ручки и замка, зато ее закрывал огромный металлический засов. Вэнс поднял его и толкнул дверь. На нас пахнуло запахом химикатов и послышалось монотонное гудение, словно работали двигатели.

Вэнс нащупал на стене выключатель, раздался щелчок, и помещение залило ярким светом.

Нашим глазам предстала удивительная картина. Каменный подвал был углублен таким образом, что мы оказались как бы в подземной комнате размером сто футов на двадцать. Она была заставлена рядами столов, на которых размещалось бесчисленное количество маленьких стеклянных колб. В углу подвала находились электромоторы, а на некоторых столах и полках вдоль стен стояли какие-то бутылки и химические реактивы.

– Вот это да! – ахнул Вэнс. – Доктор Тэйлор умер бы от зависти при виде такой лаборатории!

Он обошел помещение, осмотрел столы и полки и заключил:

– Тяжелая вода, Ван. Всего здесь примерно кварта. Широкомасштабное производство. Если она чистая, то Кинкайд – миллионер. Знаешь, как она получается, Ван? Потрясающий процесс! Метод тот же, что и в Принстонском университете. Электролиты сначала удаляют углекислую соль и гидроокись. Добавляется окись соды, и потом все это снова проходит через электролиты. Как мы видим, здесь налажено производство самой дорогой в мире жидкости...

В этот момент мы услышали торопливые шаги на каменной лестнице, ведущей в подвал. Вэнс метнулся к двери, но поздно – она захлопнулась, и засов с металлическим лязгом упал в скобу.

Сквозь гул моторов и шум льющейся воды отчетливо раздавалось чье-то злорадное хихиканье за дверью.

Глава 13

Вэнс в растерянности остановился у запертой двери и несколько раз сильно ударил по ней.

– Кто вы такие и что вам здесь нужно? – слышался в ответ чей-то грубый голос.

– Меня зовут мистер Вэнс, и я не отказался бы сейчас от бутылочки белого вина и пары сэндвичей.

– Мы вам устроим и ланч, и кое-что покрепче! – продолжал грубый голос. – Много вас там?

– Нас двое. Мы – безобидные туристы.

– Туристы – это хорошо. Но для начала я вызову полицию.

Мы услышали шаги вверх по ступеням, и Вэнс снова заколотил в дверь.

– Эй, постойте!

– Что там еще?

– У меня назначена встреча с окружным прокурором Маркхеймом в пять часов вечера, и, если я на нее не приду, этот охотничий домик станет ареной весьма интересных событий. Так что решайте, как вам быть, а у меня еще есть время.

За дверью наступила полная тишина, потом послышались негромкие голоса, словно кто-то совещался, вспыхнул свет, и снова загудели моторы. Через некоторое время загремел засов, дверь открылась, и на пороге появился Кинкайд.

– Так это вы, мистер Вэнс, – ледяным тоном

произнес он. – Я не знал, поэтому действовал так грубо. Обнаружив, что окно кладовки открыто, я понял, что залезли воры, а когда увидел, что в подвале горит свет, решил их там запереть.

– Вы действовали в рамках закона, – миролюбиво проговорил Вэнс.

Кинкайд посторонился, выпуская нас, и мы поднялись по ступеням в кухню, откуда прошли в гостиную, где за массивным дубовым столом восседал еще один гость – громоздкий мужчина лет тридцати пяти, рыжеволосый и угрюмый.

– Это мистер Арнхайм, – представил верзилу Кинкайд. – Он работает в лаборатории, которую вы только что посетили. Займись своим делом, Арнхайм, – добавил он и махнул рукой в сторону кухни.

Арнхайм вышел, и мы услышали, как он спускается по ступенькам в подвал. Кинкайд присел к столу и посмотрел на Вэнса холодным взглядом своих рыбьих глаз.

– Итак, вы полностью осведомлены о моих делах.

– Нет, что вы, только в общих чертах, – вежливо ответил Вэнс.

– Я уезжаю в Атлантик-Сити на несколько дней, и должен был встретиться здесь с Арнхаймом по делам. Теперь он отвезет меня в Ньюарк, а там я сяду на семичасовой поезд до Атлантик-Сити.

– Объяснение вполне понятное, – кивнул Вэнс. – Решили уехать подальше от печальных и опасных событий?

– А почему бы нет? Я закрыл казино на некоторое время, по случаю траура по Вирджинии. Хотите верить, хотите нет, но я бы своими руками задушил подлеца, убившего ее.

– Грубо, но откровенно. Кстати, когда мы оказались в ее комнате, её графин для воды был пуст.

– Мне об этом сообщил племянник. Ну и что с того? Что криминального в том, чтобы выпить стакан воды?

– Ничего. Так же, как и в производстве тяжелой воды... Замечательный у вас тут заводик...

– Лучший в мире, – гордо произнес Кинкайд. – Это была идея Благгуда. Он увидел коммерческие возможности тяжелой воды, рассказал о них мне, и я предложил ему развернуть производство, которое готов финансировать. Через месяц-другой мы выйдем на рынок.

– Очень выгодное предприятие, мистер Кинкайд, – кивнул Вэнс. – Итак, Благгуд выдвинул идею, отправился к Квейлу в лабораторию, получил необходимые сведения и чертежи, затем нашел Арнхайма, и дело пошло. Трое амбициозных друзей-химиков. Великолепно.

– Я смотрю, вы хорошо осведомлены о моих делах. Почему вас так заинтересовала моя лаборатория?

– Просто в случаях с отравлением слишком много воды. Прямо водная стихия...

Кинкайд вскочил на ноги, лицо его побагровело.

– Что вы хотите этим сказать? Тяжелая вода – не отравля!

– Ну, это еще не известно. Может, и отравля... Во всяком случае, предмет не изучен. Кстати, а где вы намерены остановиться в Атлантик-Сити?

– Хотите навестить меня? В отеле «Ритц».

– Счастливой поездки, – пожелал Вэнс, и мы направились к выходу.

Примерно в шесть часов мы с Вэнсом появились в доме Левлиннов. Встретил нас все тот же дворецкий.

– Кого желаете видеть, сэр?

– А кто сейчас дома, Смит?

– Все дома, сэр, за исключением мистера Кинкайда. Здесь также мистер Бладгуд и доктор Кейн. Джентльмены в гостиной с мистером Линном. Дамы наверху.

Услышав наш разговор с дворецким, Линн вышел из гостиной.

– Хорошо, что вы пришли, мистер Вэнс, – заговорил он. – Вам удалось что-либо узнать?

– Кое-что удалось. Я побывал в Клостере, побеседовал с Кинкайдом и увидел очень интересный подвал в охотничьем домике.

Мы прошли в гостиную, и Бладгуд, услышав слова Вэнса, спросил:

– Вы там кого-нибудь встретили?

– Да, встретил. Арнхайма. Боевой парень. Запер нас в подвале. По приказу Кинкайда, разумеется. Очень интересно.

– Вы что-то узнали?

– Очень много узнал о воде, – с улыбкой произнес Вэнс.

Доктор Кейн, внимательно прислушивавшийся к беседе, вдруг, словно о чем-то вспомнив, посмотрел на часы и вскочил.

– Мне надо бежать. У меня прием с шести часов, и еще надо навестить двоих пациентов, нуждающихся в диатермии.

Бладгуд тоже поднялся.

– Простите, но и мне пора. Я должен успеть на семичасовой поезд в Атлантик-Сити. Кинкайд будет ждать меня там.

Как только Бладгуд покинул гостиную, Вэнс обратился к Линну.

– Пойдите, пожалуйста, к вашей матери и сестре и скажите, что я хочу с ними поговорить.

Линн поспешно выбежал из комнаты. Вернувшись через короткое время, он сообщил, что миссис Левлинн и Амелия готовы принять Вэнса, и ждут его в комнате Амелии.

Вэнс поднялся наверх, где его ожидали дамы, вежливо поздоровался с ними и внимательно посмотрел на миссис Левлинн.

– Считаю своим долгом, леди, сообщить вам, что мне уже известно, кто виновник всего происшедшего. Я знаю, кто пытался отравить вашего сына и кто налил отраву в ваш графин, из которого пила Амелия. Мне также известно, кто отравил вашу невестку и написал посмертную записку. Я ничего не могу предпринять, поскольку ничего не

могу доказать, но надеюсь, завтра у меня будут необходимые доказательства, которые позволят перейти к решительным действиям. Они могут оказаться для вас шокирующими, поэтому прошу быть готовыми к худшему. – Он откланялся и вышел из комнаты.

Глава 14

На следующее утро Вэнс прибыл в офис окружного прокурора в половине девятого. Маркхейм сам только что появился, и внимательно изучал какой-то листок с машинописным текстом.

– Это заключение Гильдебрандта, – наконец заговорил он. – Слизистая глаз и носа, кровь – везде признаки белладонны. Гильдебрандт говорит, что теперь причина смерти абсолютно ясна.

– Так я и думал, – удовлетворенно произнес Вэнс. – Отравитель хитер, но предусмотрел не все.

– По твоей теории, причина отравления Линна и его сестры тоже белладонна?

– Нет, нет, нечто другое. Причем, ни в одном случае нельзя говорить о попытке умышленного отравления, хотя заключение Гильдебрандта нам во многом помогает...Еще есть новости?

– Да, только не знаю, насколько они важны.

Сегодня утром звонил Кинкайд из Атлантик-Сити и сказал, что его срочно вызывают в Нью-Йорк по делам казино, и что если мы придем туда, он сможет сообщить нам некоторые новости по делу Левлинна.

– Он назначил точное время?

– Попросил приехать к двум часам.

Ровно в половине второго Маркхейм был у нас.

– Я готов, – сообщил он. – Хотя совершенно не понимаю, почему мы должны ехать в казино к Кинкайду, а не можем вызвать его в мой офис.

– Потому что это – наш единственный шанс, и мы его не должны упустить.

– Ну, хорошо. Я готов ехать.

– Хочу предупредить вас с Ваном об одном важном моменте, – заметил Вэнс. – Ни при каких обстоятельствах ничего не пейте в казино.

Мы подъехали к казино в начале третьего. Вэнс нажал кнопку звонка, дверь открылась, и мы вошли в полутемный холл.

Я был удивлен тому, что дверь нам открыл Линн.

– Мой дядя предупредил, что вы придете, – сказал он, поздоровавшись, – и попросил меня встретить вас. Проходите, пожалуйста, наверх. – И он повел нас через холл к широкой лестнице.

Поднявшись наверх, Линн подошел к двери кабинета Кинкайда, постучал и, открыв ее, предложил нам войти.

Когда мы вошли, я даже не успел понять, здесь ли Кинкайд, так как дверь за нами мгновенно закрылась, и, оглянувшись, я увидел Линна с револьвером, направленным на нас. Он переводил его поочередно на каждого из нас троих и при этом хитро улыбался.

– Спасибо, что пришли. А теперь расслаживайтесь на кресла и, прежде чем я отправлю вас к дьяволу, послушайте меня.

– Мы с удовольствием вас выслушаем, – произнес Вэнс. – Мне казалось, что я разгадал вашу систему игры, но вы оказались гораздо умнее...

– Да, и я выиграю. У меня в колоде шесть тузов, железных тузов. – Линн постучал пальцем по барабану револьвера. – И каждому достанется по два. Хорошая игра, верно?

– Неплохая. Но это не идеальное преступление. Три трупа с пулевыми ранениями – не лучший финал для того, кто считает себя очень умным. Чтобы скрыть одно убийство, добавляете еще три? Это не лучшая ставка.

– Вы сомневаетесь, что я могу вас пристрелить?

– Нет, не сомневаюсь, – ответил Вэнс. – Я прекрасно понимаю, что у вас нет другого выхода. Но это лишь докажет вашу беспомощность.

– Я все продумал. На это время у меня железное алиби. Если хотите знать, я сейчас еду в Вестчестер вместе с матерью.

– Да, верно. Нечто подобное я и предполагал. Ваша мать покрывает вас. Она с самого начала все знала и всячески пыталась отвести от вас подозрения. Да и ваша сестра подозревала вас.

– Подозрения ничего не значат. Доказательств нет. Я вчера сразу понял – все, что вы говорили Благуду, адресовано мне. И вы ждали, что я предприму какие-то действия. Я их предпринял, не так ли? Заманил вас сюда, здесь и пристрелю, разве это не ловкий ход?

– Нет, не ловкий. Звонок очень меня удивил. Я не понимал, зачем Кинкайду встречаться с нами... Послушайте, Левлинн, почему вы так уверены в успехе вашего предприятия? Ведь три выстрела – это большой шум, его могут услышать в здании...

– Никогда! – улыбнулся Линн. – Казино закрыто, здесь нет ни души. Кинкайд и Благуд в отъезде. Неделю назад я взял ключ от этого кабинета в комнате Кинкайда, и мы здесь сейчас совершенно одни, никто нам не помешает.

– Подготовились вы тщательно, все предусмотрели. Тогда чего же вы ждете?

– Да ничего, просто получаю удовольствие. И еще мне интересно, что вам удалось накопать против меня. Так что не тяните, рассказывайте, а я с удовольствием послушаю. Пока будете рассказывать, будете жить. И руки держите на виду! Одно движение – и я стреляю!

Глава 15

Вэнс с интересом взглянул на Левлинна и произнес:

– Что ж, вы правы. Пока я говорю, мы живы. Ну, так слушайте.

Насколько я понимаю, вы решили избавиться от своей жены, а вину за преступление переложить на вашего дядю. Жена была для вас обузой, и вы, и ваша мать ее не любили, кроме того, в случае дележа исчезал один претендент на наследство.

Кинкайда вы тоже не любили, и опять же, устранился еще один наследник. Таким образом, вы принялись разрабатывать план идеального преступления, в результате которого устранялись все преграды на вашем пути. Вы все рассчитали таким образом, чтобы подозрения падали на других лиц. Это было умно. Но вашего ума не хватило на то, чтобы провести все должным образом.

Вы избрали убийство при помощи отравления. Это очень соответствует вашей природе. Вы знали, что ваша жена пользуется на ночь глазными каплями. В книгах вашего отца по токсикологии вы вычитали, что смерть может наступить при отравлении слизистых оболочек глаз и носа белладонной. Не составило особого труда растворить несколько таблеток атропина или белладонны в глазных каплях. В книгах вашего отца вы наверняка вычитали, что в случае смерти от отравления обязательно проводится экспертиза содержимого желудка, и были уверены, что в желудке вашей жертвы ничего не найдут. Но книги эти уже устарели. Тем не менее, некоторые хлопоты вы нам все же доставили, потому что в желудке вашей жены действительно яда не нашли, и до тех пор, пока я не заметил манипуляций с пузырьком глазных капель в аптечке вашей ванной, следствие топталось на месте.

– Да, припоминаю, – перебил его Линн. – Вы что-то спрашивали меня про аптечку.

– Спрашивал, но тогда чисто формально. После того, как в воскресенье утром, вернувшись домой из больницы, вы вылили содержимое пузырька, вы поставили его обратно в аптечку по-другому, чтобы этикетки не было видно. Я сразу понял, что что-то не так, но никак не мог понять, что именно. Заключение патологоанатома навело меня на определенные мысли. Стало ясно, что вашу жену отравили белладонной, а кто-то в вашем доме манипулировал пузырьком с каплями, чтобы замести следы.

– И вы, конечно же, предположили, что и я, и Амелия тоже были отравлены белладонной.

– Э, нет. Не белладонной. Даже такой начинающий токсиколог, как я, кое-что в этом понимает. Себя вы отравили нитроглицерином.

– И как вы это узнали?

– Дедукция, молодой человек. Доктор Кейн сказал мне, что у вас проблемы с сердцем, и он выписывал вам нитроглицерин в таблетках. Вы приняли ударную дозу и вышли на публику, продемонстрировав состояние коллапса. Я это понял сразу, как только доктор Кейн сказал про нитроглицерин.

– А что с Амелией?

– Да то же самое. Она оказалась в ненужное время в ненужном месте. Доза в графине предназначалась вашей матушке, а Амелия случайно выпила воду, чем расстроила ваши планы.

– Вы считаете, что я хотел отравить свою мать?

– Нет, я так не думаю. Вы хотели, чтобы она выглядела одной из жертв злоумышленника, чтобы отвести от нее подозрение.

– Верно! Мою мать нужно было защитить. Я должен был думать о ней так же, как и о самом себе. Слишком многие знали о том, что она не любит мою жену. Она – женщина властная, с тяжелым характером, её вполне могли заподозрить. А что вы думаете о посмертной записке?

– Именно то, что вы и хотели. Это была одна из ошибочных ветвей вашего плана, хотя и неплохо задумано. Но я пошел несколько дальше. Вы хотели, чтобы я заподозрил Кинкайда, а я понял, что он – ваша жертва.

– То есть, вы сразу исключили возможность самоубийства?

– Разумеется.

– А тяжелая вода?

– Тяжелая вода? Одна из попыток запутать дело. Как и весь ваш план, полный множества мелочей и попутных версий, не более того. Простое ребячество. С самого начала я подозревал, что преступник – именно вы. А ваше письмо, требующее моего присутствия в казино в субботу, было вашим первым просчетом. Оно слишком хорошо выдавало характер автора письма – хитрый и коварный. Сразу становилось ясно, какого человека надо искать. Ну да ладно... Письмо и посмертную записку вы напечатали на машинке так, чтобы было видно, что человек плохо знаком с машинописью – то есть, Кинкайд. Вы отправили письмо из Клостера, там у вашего дяди охотничий домик, и к нему привлекли мое внимание. Но и это был перебор – если бы действительно Кинкайд написал это письмо, то отправил бы его уж никак не из Клостера.

Пустой пузырек из-под таблеток от насморка тоже навлекал подозрение на Кинкайда. Вы знали, что в желудке вашей жены яда не найдут, и это наведет на мысль о самоубийстве. Ваши манипуляции с графинами были проделаны для того, чтобы навести на мысль о воде, в которой растворяли яд. Здесь вода, там вода, много воды – намек на Клостер, где развернуто производство тяжелой воды. Все подозрения падали на Кинкайда, а вы и ваша мать оказывались вне подозрений, при условии, что она выпивала нитроглицерин, приготовленный для нее в графине... До сего момента все верно?

– Да, все правильно, продолжайте.

– Никому не известно, какое влияние на человека оказывает тяжелая вода, если пить ее в больших количествах. Этот факт нельзя проверить, потому что в больших количествах ее просто не существует. Однако существует мнение о токсичности тяжелой воды. Таким образом, если предположить, что и вам, и вашей жене, и вашей матери дали выпить тяжелую воду, то все подозрения падают на Кинкайда. И, будучи обвинен в убийстве, ваш дядя окажется на электрическом стуле. Кстати, а как вы узнали о том, что он наладил производство тяжелой воды?

Линн усмехнулся.

– В наших с дядей комнатах общий камин, поэтому мне слышны все разговоры, которые он ведет, в частности, с Бладгудом.

– Вот как! Вы и подслушиванием не брезгаете!

Интересный вы типаж, Левлинн. Но одного я пока так и не понял – зачем вы городили весь этот оговор, вместо того, чтобы просто отравить и вашу жену, и вашего дядю?

– Это было бы непросто. Он очень осторожный человек. Кроме того, две такие смерти сразу же бросили бы тень на меня. Зачем рисковать?

Я предпочел выстроить свою схему. Сначала пусть помучается, а уж потом – на электрический стул.

– Ну да, ну да... очень гуманно... Безопасно и продуктивно. Между прочим, Кинкайд и Бладгуд в первой части вашей драмы в казино весьма удачно подыграли вам.

– Разве? Это была просто случайность. Я бы поднял бучу вокруг воды с газом, если бы Бладгуд не проявил самаритянства. Как вы помните, второй заказ я сделал только тогда, когда Кинкайд оказался от меня поблизости.

– Да, я это заметил. Очень ловко. Хорошо разыграли вашу карту. Жаль только, что не прочли последних справочников по токсикологии.

– Какая теперь разница? Все сработало наилучшим образом. Кинкайду еще предстоит объяснять наличие трех трупов в его кабинете.

– Выходит, мы тоже вам подыграли.

– Вы мне отлично подыграли, – с довольным видом произнес Линн.

– Это верно... И после того, как нас пристрелите, вы присоединитесь к вашей матери в деревне, чтобы закрепить свое алиби. Секретарь мистера Маркхейма подтвердит, что звонил мистер Кинкайд и назначил встречу в казино в два часа. Вы сможете также пересказать мой вчерашний разговор с Бладгудом, и доктор Кейн все подтвердит. А когда расскажете все, что вам известно о тяжелой воде, Арнхайм подтвердит, что я был в охотничьем домике. Наши тела найдут здесь, и, поскольку все подозрения ложатся на Кинкайда, его арестуют и казнят. Все четко. У него нет шанса – неважно, убил ли он сам или кого-то нанял. В любом случае ему конец. Не вижу ни одного изъяна в этой версии.

– Потому что их нет и быть не может. Я сделал это. Спланировал все от начала до конца, продумал каждую мелочь. Обеспечил вам четверых подозреваемых в убийстве, а сам при этом остался вне подозрений. Допустил ошибку лишь в знании ядов, дав вам тем самым зацепку. Ну все. Пора заканчивать! – Лицо Левлинна превратилось в неподвижную маску, глаза засверкали каким-то нездоровым огнем. Он шагнул нам навстречу и направил револьвер прямо на Вэнса – еще секунда, и прогремело два выстрела.

Вэнс медленно закрыл глаза и сполз на пол к ногам Левлинна. Я с ужасом смотрел на его неподвижное тело.

Тем временем Линн подошел к Маркхейму и рывкнул:

– Встать!

Маркхейм нехотя подчинился.

– Поскольку вы полицейский, я пристрелю вас в спину. Повернитесь!

Маркхейм даже не пошевелился.

– Не дождетесь. Делайте свое грязное дело, глядя мне в глаза.

Пока они переговаривались, я услышал какой-то странный шум в противоположном конце кабинета и инстинктивно посмотрел в ту сторону – мне показалось, что стена отодвигается. Действительно, одна из стеновых панелей отъехала в сторону, и в проеме появился Кинкайд с охотничьим ружьем, направленным на Левлинна.

Снова прогремел выстрел, но на сей раз стрелял Кинкайд. Линн замер, револьвер выскользнул из его руки, и он, словно подкошенный, повалился на пол. Я заворожено смотрел на два неподвижных тела. Вдруг Вэнс зашевелился, сел, а затем медленно поднялся на ноги. Достав из кармана носовой платок, он начал отряхивать одежду.

– Спасибо, мистер Кинкайд, вы нас спасли. Я слышал, как вы подъехали, и пытался задержать мерзавца, пока вы подниметесь наверх. Поэтому, собственно, и притворился трупом.

Кинкайд усмехнулся.

– Вы хотели, чтобы я пристрелил негодяя? Жаль, раньше не было подходящего случая... Простите, что задержался.

– Не стоит извиняться. Вы появились очень вовремя. – Вэнс наклонился над Левлинном и пощупал пульс. – Он мертв. Вы отличный стрелок, Кинкайд.

Маркхейм, казалось, никак не мог прийти в себя. Он был бледен, лоб покрылся испариной, и, немного заикаясь, он спросил:

– В-вы в п-порядке, Вэнс?

– Абсолютно, – улыбнулся Вэнс. – Простите, что вовлек вас и Вана в это неприятное представление, но мне нужно было получить признание Левлинна в записи при свидетелях. У нас ведь так и нет никаких доказательств его вины.

– Да, но выстрелы... револьвер... – бормотал Маркхейм.

– Холостые патроны. Моя работа.

– Вы знали, что он намерен сделать? – удивился Маркхейм.

– Подозревал.

– Предлагаю всем бренди, – провозгласил Кинкайд. – Мы заслужили пару глотков, – и он вышел в дверь, ведущую в бар.

– А что вы имели в виду, говоря о записи при свидетелях? – спросил Маркхейм.

– Хорошо, что напомнили. Надо отключить диктофон. – Вэнс подошел к картине, висевшей над столом Кинкайда, и, отодвинув ее в сторону, показал на небольшой металлический диск, прикрепленный к стене. – Это все, ребята, – сказал он и отсоединил от диска два провода. – Видите ли, Маркхейм, когда утром вы сообщили мне о телефонном звонке Кинкайда, я сначала ничего не понял, а, подумав, решил, что звонил не Кинкайд, а именно Левлинн. Я ждал хода именно от него, и он его сделал. Я тут же позвонил Кинкайду, все ему объяснил, потребовал его немедленного возвращения, а также узнал, как мне войти в казино, чтобы установить диктофон. Для этого была

нужна помощь сержанта Хитса. Он и его ребята расположились в доме по соседству, вооружившись необходимым оборудованием, и записывали все, что тут происходило. Я точно не знал, какой метод изберет Левлинн, чтобы устранить нас со своей дороги, поэтому просил вас ничего не пить – вдруг он надумает снова применить яд? А на всякий случай заехал утром к Левлиннам под невинным предлогом, покрутился в спальне и заменил в револьвере боевые патроны...

В этот момент послышались громкие шаги по ступеням, и на пороге появились сержант Хитс с кольтом в руке, Сниткин, Хенесси и Берк. Хитс посмотрел на Вэнса и удивленно воскликнул:

– Вы живы!?

– Жив, и уберите, пожалуйста, ваш пистолет, на сегодня хватит стрельбы.

Хитс опустил пистолет и продолжил:

– Я помню ваше указание, мистер Вэнс, ничему не удивляться, что бы я не услышал в диктофоне, и выполнять свои обязанности до вашей команды, но когда я услышал слова этого малого, потом выстрел, а потом звук падающего тела, я не выдержал...

– Вы молодец, сержант. Но я в безопасности. – Вэнс махнул рукой в сторону лежащего Левлинна. – Он мертв. Его надо отвезти в морг, и на этом все. Ни суда, ни следствия. Справедливость торжествует. Жизнь продолжается.

Хитс смотрел на Вэнса, открыв рот, и похоже, не слышал его слов.

– Вы уверены, что не ранены, сэр?

– Я уверен, – улыбнулся Вэнс. – И простите меня, если я вас разочаровал.

Сообщение об убийстве Вирджинии Левлинн в течение нескольких дней было на первых страницах всех газет, но затем уступило место новым скандальным событиям. Многие факты этого дела стали достоянием общественности, но далеко не все. Кинкайд был оправдан в том, что стрелял в Левлинна – Маркхейм сделал все, чтобы дело не дошло до Большого Жюри.

Казино через год закрылось, и здание было отдано на реконструкцию под высокий новомодный небоскреб. Кинкайд же полностью отдался проблеме производства тяжелой воды.

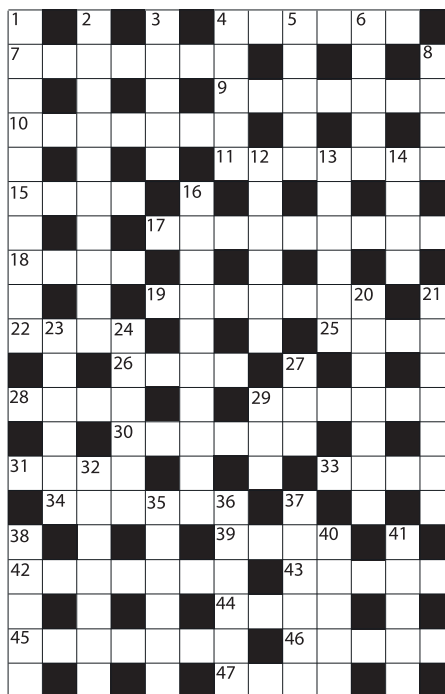
Миссис Левлинн постепенно оправилась от потери сына и с головой ушла в благотворительную деятельность. Благгуд и Амелия поженились через неделю после того, как Кинкайд закрыл казино, и теперь живут в Париже.

На днях я встретил доктора Кейна на Парк-авеню – он пользуется большой популярностью и ужасно спешил к пациентке, нуждающейся в диатермическом лечении. ☐

Кроссворд

По горизонтали: **4.** Тип литературы, в котором о Новом годе писали А.Ахматова, Ф.Тютчев, С.Черный. **7.** Новогодний цветок счастья в Древнем Китае. **9.** Обычная упаковка новогоднего подарка. **10.** Один из плутоватых и вороватых братьев Ивана в «Коньке-горбунке» П.Ершова. **11.** Страна, чье вино предпочитал Петр I, в том числе на Новый год. **15.** Музыкальный упорядочиватель хоровода вокруг елки. **17.** Изысканный продукт на праздничном столе. **18.** «Чуждый чарам черный» объект в раннем стихотворении К.Бальмонта. **19.** Скульптор, создавший проект памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. **22.** Часть света, где во многих странах Новый год встречают по лунному календарю. **25.** Зимний заячий асфальт. **26.** Украшение из ленты как на девочке, так и на кукле. **28.** Столица восточной соседки Китая, где с Нового года раньше отсчитывали возраст человека. **29.** Красочное чудовище в новогоднем гулянье в Китае. **30.** Возлюбленная Вакулы, которой он под Рождество подарил царские черевички. **31.** Человек закусывающий. **33.** Звук, какой способен издать гурман, смакуя особенно вкусное блюдо. **34.** Мужское имя, обычное на родине новогодней елки и редкое у нас. **39.** Кружевное плетение снежинки. **42.** Блестящая ткань, в одежде из которой в XIX веке обычно встречали Новый год мелкие служащие. **43.** Рахат-... – десерт на новогоднем столе в ближневосточных странах. **44.** Роман А.Франса, где грешник превращается в праведника. **45.** «Колокольчики мои, ... степные!» – слова из ставшего песней стихотворения А.К.Толстого. **46.** Морская болтанка. **47.** Пучок ваты, вылезший из бороды пьяного Деда Мороза.

По вертикали: **1.** Новогодняя девочка, которая ныне может так долго ждать автобус, что превратится в снежную бабу. **2.** Сплетнеплетение, неуместное за новогодним столом. **3.** Наука, создавшая средства, преображающие женщин. **4.** Город, где новогоднее гулянье устраивают на реке Великая. **5.** Показушник «Голубого огонька». **6.** Советская поэтесса, в юности выпившая «Печальное вино» и говорившая «Вполголоса», чтобы обрести «Место под солнцем». **8.** Помещение для святочных гаданий на Руси. **12.** Африканская страна, где в древности Новый год символизировал сотворение нового мира. **13.**

Сосуд для вина или прохладительного напитка на праздничном столе. **14.** Белый наряд елки в лесу. **16.** Нравственная чистота, какую на рождественских открытках символизировала белая роза. **20.** Зелье лоящих кайф даже на Новый год. **21.** Одна из двух, откуда В.Маяковский за рубежом доставал паспорт. **23.** Вифлеемское светило, под которым родился Иисус Христос. **24.** Фрукт, на рождественской елке напоминавший о грехопадении Адама и Евы. **27.** Светильник, не затмевающий елочные огни. **29.** До него по традиции пьют первый бокал шампанского. **32.** Поэма Гомера, где герой 10 лет встречал Новый год на чужбине. **35.** Баснословно просто открываемый объект. **36.** «Одежда» конфеты. **37.** Застольная песня грузин. **38.** «Взрывное» пространство в новогоднюю ночь. **40.** Заяц, скачущий под елочкой в новогодней песенке. **41.** Собака, которую дворовый мальчик у А.Пушкина посадил в салазки, «себя в коня преобразив».

Ответы на кроссворд, напечатанный в №12

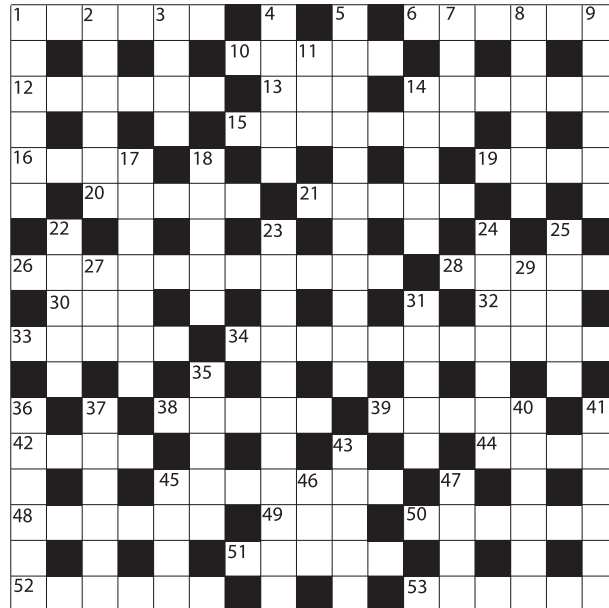
По горизонтали: **3.** Мичурин. **11.** Аршин. **12.** Супостат. **13.** Звонарь. **14.** Сдвиг... **17.** Наполеон. **18.** Рыльце. **21.** Лассо. **22.** Амбиция. **23.** Очки. **24.** Шанс. **28.** Этаж. **30.** ... батальон. **31.** Мускат. **34.** Литр. **35.** Душа. **37.** Иран. **39.** Кот. **41.** Дьявол. **42.** Значок. **44.** Хор. **45.** Веер. **46.** Ирод. **48.** Итог. **51.** Каркас. **53.** Волейбол. **55.** Вода. **57.** Рвач. **59.** Ярмо. **60.** Туркмен. **62.** ... уроки. **64.** Период. **65.** Зенитчик. **67.** Орава. **70.** Киплинг. **71.** Инстинкт. **72.** Спирт. **73.** Черника.

По вертикали: **1.** Бред. **2.** Чили. **4.** Извилина. **5.** Умница. **6.** Икра. **7.** ... мужание. **8.** Попов. **9.** Ответчик. **10.** Штангист. **14.** Силуэт. **15.** Вассал. **16.** Грош. **19.** ... Емеля... **20.** Миронов. **25.** Абрикос. **26.** Страх. **27.** Тушь. **29.** Живчик. **31.** Мудрила. **32.** Саянов. **33.** Алоэ. **36.** Юнга. **38.** Ножовка. **40.** Тембр. **43.** Оран. **47.** Череп. **49.** Голова. **50.** Царица. **51.** Кляузник. **52.** Романист. **54.** Овчинник. **56.** Дубинка. **58.** Чудо. **61.** Нейлон. **63.** Отлив. **66.** Филе. **68.** Репа. **69.** ... верх.

ЭРУДИТ

По горизонтали: **1.** Самоцвет, какой мастерски подделывали венецианские стеклоделы. **6.** Греческие богини мести со змеями вместо волос. **10.** Волшебник в русских сказках. **12.** Первый шахматист, получивший «Оскара». **13.** Вьючное животное во второй (1907 года) экспедиции В.Арсеньева. **14.** Писатель, и министр народного просвещения, в 1824 году заявивший: «Обучать грамоте весь народ или несоизмеренное числу онго количество людей принесло бы более вреда, чем пользы». **15.** Воздушное такси. **16.** Студент, порешивший скандально известного немецкого драматурга Коцебу, яркого противника романтизма. **19.** Способ изложения мыслей, стиль. **20.** Собака из «Степного короля Лира» И.Тургенева. **21.** Соединение дымоходов, идущих от двух котлов, в один общий. **26.** «Я, ... и водовоз, революцией мобилизованный и призванный, ушел на фронт» (В.Маяковский). **28.** Плата (вместе с пшеницей) юных Н.Семенова и П.Капицы художнику Б.Кустодиеву за парный портрет. **30.** Залив у берегов Северной Америки, где самые высокие в мире приливы. **32.** Заповедник счастья. **33.** Брат Кия, основателя матери городов русских. **34.** Самое многочисленное в России дерево. **38.** Объект соколиной охоты для арабов. **39.** Пустынная лисичка, чьи огромные уши улавливают малейший шорох. **42.** Первый шахматный учитель А.Нимцовича. **44.** Самая замечательная в художественном отношении стеклянная вещь из сохранившихся антиков. Ее нашли в XVI веке близ Рима. **45.** Французский физик и философ, заметивший, что несчастье человека одно: «Чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше становится животным». **48.** Последняя «должность» Дамаскина, выявившая его архитектурный ум. **49.** Река, разлученная человеком с озером Мтино. **50.** Философ, чьи слова перефразировал В.Соловьев, сказав: «Я стыжусь, следовательно, существую». **51.** Изобретатель фрезерного станка. **52.** Самый подвижный кит. **53.** По словам Кнурова из «Бесприданницы» А.Островского, «не простой мастеровой; он должен быть художником».

По вертикали: **1.** Металл на крыше. **2.** Остров, которому в 1445 году была оказана милость отправить в Венецию своего посла. **3.** Стеклянный предмет, всегда стоявший в летнем кабинете химика А.Бутлерова. **4.** Самый известный театр народа, какой англичане называют «египтянами», французы – «богемцами», голландцы – «язычниками». **5.** Один из признаков объективного типа средневековой культуры (по П.Флоренскому). **7.** Поэт, в «Книге благой любви» выступивший как один из предшественников ренессансной литературы в Испании. **8.** Металл, какой еще в начале XIX века считали драгоценным. **9.** Балтийское племя, чью храбрость хвалят русские летописцы. **11.** Птица, якобы

прилетающая на Урал раз в семь лет. **14.** Крестьяне Бретани и Нижней Мены, восставшие в 1792 году. **17.** Тем же орудием по той же пашне. **18.** Город, какой сначала надо набрать, чтобы позвонить из одного города Гвианы в другой. **22.** Явление, из-за которого возникает резь, если открыть глаза под водой в реке или озере. **23.** Дуэль по отношению к оскорбленной чести. **24.** Ботаник, нашедший на Украине и описавший 17 новых видов растений. **25.** Рука, какой Левша подковал блоху. **27.** Титул, без которого обратиться к рыцарю в Англии было опасно. **29.** Народ. Во Вьетнаме его называют «кан шлыа кхао» – люди, носящие белую куртку. **31.** Страна, где живут аднаниды и кахтаниды. **35.** Инструмент, самым древним голосом которого был принципал. **36.** Жук, самое тяжелое насекомое. **37.** Каждый из тех, от чьих рук чуть не погиб в пустыне В.Соловьев – они приняли его за шайтана. **40.** Коллектив, где треть – на часах. **41.** Причина. Ей посвящена философская теория, какой на самом деле нет. **43.** Физик, сказавший сыну о квантах: «Сегодня я сделал открытие такое же важное, как Ньютон». **45.** Эйфория воды. **46.** Пилястра, напрочь забытая нашей архитектурой. **47.** Проводник мыслей.

Ответы на «эрудит», напечатанный в №12

По горизонтали: **4.** Джизья. **8.** Такт. **10.** Еремей. **11.** «Грамматика». **12.** Альянс... **13.** Андреевское. **14.** Эйфель. **15.** Ханша. **21.** Дыбенко. **22.** Гротеск. **23.** Магма. **24.** Реляция. **25.** Петруха. **26.** Киста. **32.** Ваджра. **33.** Вевитинов. **34.** Шапсуг. **36.** Умеренность. **37.** Цикада. **38.** Стан. **39.** Кварта.

По вертикали: **1.** Щепка. **2.** Фельдфебель ... **3.** Чернильница. **5.** Жиронда. **6.** Заморыш. **7.** Яванец. **8.** «Триест». **9.** ... клинок... **14.** Эндриус. **15.** Хомяк. **16.** Негус. **17.** Арапа. **18.** Сострадание. **19.** Белуджистан. **20.** Октава. **27.** Ишимова. **28.** Тростит. **29.** Термит. **30.** Лебрен. **31.** Битник. **35.** Граб.

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ПУСТЬ
МЕНЯ
НАУЧАТ!**

Редакционный архив.
«Смена» №6, 1970

Добавляем **6** каналов НТВ, ПЛЮС!

Безлимитный интернет
+ более 100 ТВ каналов
Подключение бесплатно

МОСКВА (495) 500 00 44

ОБЛАСТЬ (498) 60 000 65

www.qwerty.ru

Услуги связи предоставляет ЗАО «Центральный Телеграф» (Исполнитель Региональных РВ: №49000, №49001, №39002, №37901, №39021, №37004, №39040, №39041, №37070, №37070), подключение и обслуживание абонентов осуществляет ЗАО «Центел»

ЗАО «НТВ-ПЛЮС» осуществляет телевизионные вещания на территории лицензия №10020

Реклама

№ 1 январь 2010

смена